МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДОГОВОРНО-ПРАВОВОЙ ДЕПАРТАМЕНТ

О ПОСТУПИВШИХ В 2021 ГОДУ В МВД РОССИИ ЗАПРОСАХ УПОЛНОМОЧЕННОГО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Москва

Оглавление

Введение 3

I. Основные показатели работы МВД России по запросам, поступившим от Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека 6

II. Основные показатели работы МВД России по поступившим от Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека постановлениям Европейского Суда 17

III. Основные правовые позиции по вопросам деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, изложенные в постановлениях Европейского Суда, поступивших в МВД России в 2021 году 27

3.1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 66180/09 «Груба и 3 другие жалобы против России» (право на отпуск по уходу за ребенком для полицейских) 27

3.2. Постановление Европейского Суда по вопросам «домашнего насилия» 39

3.3. Постановления Европейского Суда по вопросам участия граждан в несанкционированных публичных мероприятиях 59

3.4. Постановление Европейского Суда по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 других жалоб (проведение обследования, осмотров мест происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях адвокатов и иных лиц, оказывающих юридические услуги) 92

3.5. Постановления Европейского Суда по вопросам административного выдворения заявителей за пределы территории Российской Федерации без учета обстоятельств их семейной жизни 101

3.6. Постановления Европейского Суда по вопросам предполагаемого незаконного задержаниям и доставления заявителей в отделы полиции для составления протокола об административном правонарушении 109

3.7. Постановления Европейского Суда по вопросам предполагаемого жестокого обращения с заявителями во время их задержания и применения недозволенных методов дознания 138

3.8. Постановления Европейского Суда по вопросам необеспечения надлежащих условий содержания в специальных учреждениях временного содержания иностранных граждан, содержания под стражей в целях экстрадиции и административного выдворения заявителей за пределы территории Российской Федерации, а также при аннулировании вида на жительство по мотиву угрозы национальной безопасности 185

3.9. Постановления Европейского Суда по вопросам нарушениями прав граждан в период проведения контртеррористических операций на территории Чеченской Республики и иных субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа и необеспечением эффективного расследования по соответствующим фактам 217

Введение

Согласно данным Европейского Суда по правам человека[1] по состоянию на 31 декабря 2021 года в его производстве находились 17 013 жалоб (24,2 %), поданных против Российской Федерации.

В 2021 году Европейским Судом коммуницированы Российской Федерации 5 476 жалоб, 5 261 жалоб против Российской Федерации признаны неприемлемыми.

Для сравнения: по состоянию на 31 декабря 2021 года на рассмотрении ЕСПЧ находились 15 250 жалоб (21,7 %) в отношении Турецкой Республики, в отношении Украины – 11 350 (16,2 %), в отношении Румынии – 5 700 (8,1 %), в отношении Итальянской Республики – 3 650 (5,2 %), в отношении Республики Польша – 2 250 (3,2 %), в отношении Азербайджанской Республики – 2 100 (3,0 %), в отношении Республики Сербия – 1 800 (2,6 %), в отношении Греческой Республики – 1400 (2,0 %, в отношении Республики Армения – 1 350 (1,9 %), в отношении иных – 8 300 (11,8 %)

При этом из расчета на 100 тыс. населения Российская Федерация находится в третьем десятке Совета Европы – 26 место по количеству находящихся на рассмотрении ЕСПЧ жалоб.

Для сравнения: по итогам 2020 года Российская Федерация занимала 24 место, количество жалоб, находящихся в производстве ЕСПЧ, поданных против Российской Федерации, составляло 13 645

В 2021 году ЕСПЧ вынесено 219 постановлений по делам против Российской Федерации, которыми разрешены 491 жалоба. При этом только по 6 делам из числа рассмотренных против Российской Федерации Европейский Суд не усмотрел нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года[2].

В целом в 2021 году в отношении Российской Федерации отмечено незначительное (5,3 %) увеличение числа переданных на рассмотрение судебных составов ЕСПЧ жалоб (9 432 против 8 923 в 2020 году), а число вынесенных постановлений по делам против Российской Федерации возросло на 15 % (со 185 до 219).

Статистика ЕСПЧ также показывает незначительное увеличение количества удовлетворенных ходатайств в отношении Российской Федерации о применении обеспечительных мер в рамках правила 39 Регламента Европейского Суда – 38 против 36 в 2020 году. При этом возросло число отказов ЕСПЧ в удовлетворении применения правила 39 (в 2021 году было отклонено 62 таких ходатайства, в 2020 году – 45).

По имеющимся неофициальным данным по состоянию на 1 января 2022 года в настоящее время ожидают рассмотрения 5 530 жалоб по вопросам нарушений, допущенных, по мнению заявителей, российскими властями при реализации права на проведение публичных мероприятий (средняя сумма компенсации – 7 500 евро), 3 230 жалоб на условия содержания, конвоирования и транспортировки, включая конвоирование и транспортировку в специальных

[1] Далее – «Европейский Суд или ЕСПЧ».
[2] Далее – «Конвенция».

вагонах (средняя сумма компенсации – от 1 000 до 5 000 евро), 1 000 жалоб о содержании в так называемых «клетках» – как железных, так и светопроницаемых (средняя сумма компенсации – 7 500 евро), 360 жалоб по вопросам привлечения к административной ответственности (средняя сумма удовлетворения – от 2 000 до 3 000 евро).

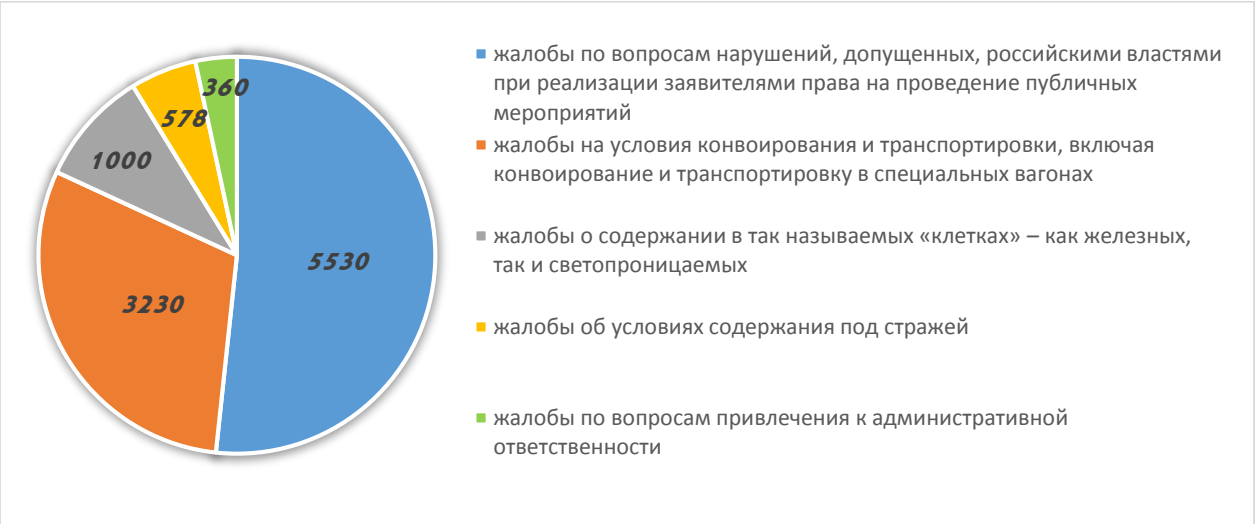

Рис. 1. Характеристика жалоб, связанных с деятельностью МВД России, в настоящее время ожидающих своего разрешения Европейским Судом по правам человека

В 2021 году в соответствии с решением Президента Российской Федерации функции представления интересов Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека были переданы из Министерства юстиции Российской Федерации в Генеральную прокуратуру Российской Федерации (Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 265-ФЗ в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» внесены изменения, согласно которым на Генеральную прокуратуру Российской Федерации возложены функции по обеспечению представительства и защиты интересов Российской Федерации в межгосударственных органах, иностранных и международных (межгосударственных) судах, иностранных и международных третейских судах (арбитражах) (пункт 3.1 статьи 1).

Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 2021 г. № 412 осуществление функций Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека возложены на начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации М.В. Виноградова.

С учетом указанных законодательных новелл внесены изменения в приказ МВД России от 12 сентября 2014 г. № 782 «О повышении эффективности взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека»[1], определяющий алгоритм работы Министерства в указанной сфере.

В целях обеспечения эффективной защиты интересов государства при рассмотрении Европейским Судом дел, связанных с деятельностью должностных

[1] Далее – «приказ МВД России № 782».

к оглавлению

лиц органов внутренних дел Российской Федерации, Уполномоченный в соответствии с возложенными на него обязанностями и правами после получения нотификации по жалобе против Российской Федерации незамедлительно информирует МВД России и запрашивает необходимые для формирования позиции Российской Федерации по делу сведения.

Обязанность по рассмотрению и подготовке проекта ответа МВД России по запросу Уполномоченного в соответствии с подпунктами 2.1 и 2.2 приказа МВД России № 782 возложена на начальников подразделений центрального аппарата МВД России, организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России, с учетом их компетенции.

При этом заинтересованные территориальные органы МВД России и иные подразделения системы МВД России должны своевременно, полно и объективно проводить проверки по всем фактам, изложенным в запросах Уполномоченного (руководителя аппарата Уполномоченного), устанавливать фактическую и юридическую сторону дела, а также осуществлять сбор и представление головному исполнителю МВД России необходимых документов и материалов (подпункт 3.1 приказа МВД России № 782).

Согласно подпунктам 2.2 и 2.3 приказа МВД России № 782 перед докладом Министру внутренних дел Российской Федерации либо его заместителям подготовленный головным исполнителем от МВД России проект ответа со всеми прилагаемыми материалами проверки подлежит направлению на согласование в Договорно-правовой департамент МВД России не позднее семи рабочих дней до истечения срока рассмотрения запроса Уполномоченного.

Проекты ответов по запросам, имеющим срок исполнения менее 7 дней, также подлежат обязательному согласованию по мере подготовки.

к оглавлению

I. Основные показатели работы МВД России по запросам, поступившим от Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека

В 2021 году в МВД России поступило **162** (АППГ – 192) запроса Уполномоченного по жалобам, затрагивающим компетенцию МВД России, находящимся на рассмотрении в Европейском Суде, из них:

119 запросов Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека по **790** (АППГ – 1032) жалобам;

16 запросов Уполномоченного по **128** (АППГ – **134**) постановлениям ЕСПЧ;

5 запросов Уполномоченного по подготовке материалов для КМСЕ по **4** группам дел («Хашиев», «Лашманкин», «Володина», «Юсупова»), включающих в себя **более 1370** постановлений;

1 запрос по межгосударственной жалобе «Российская Федерация против Украины»;

14 уведомлений о применении обеспечительных мер по 39 правилу Регламента ЕСПЧ в отношении **14** иностранных граждан (4 гражданина Республики Таджикистан, 5 граждан Республики Узбекистан, 2 гражданина Сирийской Арабской Республики, 1 гражданин Китайской Народной Республики, 1 гражданин Корейской Народно-Демократической Республики, 1 гражданин Республики Туркменистан (АППГ – 22 уведомления в отношении 31 иностранного гражданина);

7 уведомлений о снятии обеспечительных мер по 39 правилу Регламента ЕСПЧ в связи с исключением жалоб из списка рассматриваемых дел;

1 уведомление о решении не применять обеспечительные меры по 39 правилу Регламента ЕСПЧ.

Рис. 2. Характеристика документов, поступивших в МВД России от Уполномоченного

к оглавлению

Проведены доработка и согласование **142** проектов ответов МВД России на запросы Уполномоченного о предоставлении информации по жалобам, находящимся на рассмотрении ЕСПЧ, о мерах, принимаемых МВД России по вступившим в силу постановлениям ЕСПЧ, а также в отношении иностранных граждан, в отношении которых приняты обеспечительные меры в соответствии с 39 правилом Регламента ЕСПЧ.

Находившиеся на рассмотрении **790 жалоб** были связаны с:

участием граждан в несогласованных публичных мероприятиях – **613**;

применением административного законодательства (нарушением прав граждан при доставлении, административном задержании, привлечением к административной ответственности) – **46;**

расследованием уголовных дел – **14;**

нарушением прав при проведении проверочных закупок и иных оперативно-розыскных мероприятий по линии борьбы с незаконным оборотом наркотиков («провокация») – **21**;

«домашним насилием» – **14**;

задержанием, в том числе с применением физической силы и специальных средств, проведением оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий по подозрению в совершении преступлений – **12**;

пребыванием иностранных граждан на территории Российской Федерации, в том числе с содержанием в ЦВСИГ, выдворением, отказом в признании беженцем на территории Российской Федерации, в предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации – **35**;

условиями транспортировки подозреваемых, обвиняемых – **5**;

уничтожением имущества – **3**;

содержанием в изоляторах временного содержания территориальных органов МВД России – **2**;

иные – **25**.

Рис. 3. Характеристика жалоб по линии МВД России, находившихся на рассмотрении ЕСПЧ

к оглавлению

Из анализа поступивших от Уполномоченного в 2021 году жалоб следует, что заявители обратились в Европейский Суд в связи с допущенными, по их мнению, нарушениями, связанными с деятельностью следующих территориальных органов МВД России:

по вопросам пресечения несогласованных публичных мероприятий – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по Иркутской области, ГУ МВД России по Свердловской области, ГУ МВД России по Самарской области, ГУ МВД России по Волгоградской области, ГУ МВД России по Ростовской области, ГУ МВД России по Московской области, ГУ МВД России по Нижегородской области, ГУ МВД России по Воронежской области, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, ГУ МВД России по Красноярскому краю, ГУ МВД России по Пермскому краю, УМВД России по Хабаровскому краю, УМВД России по Приморскому краю, УМВД России по Архангельской области, УМВД России по Брянской области, УМВД России по Владимирской области, УМВД России по Костромской области, УМВД России по Калининградской области, УМВД России по Липецкой области, УМВД России по Вологодской области, УМВД России по Пензенской области, УМВД России по Смоленской области, УМВД России по Тульской области, УМВД России по Ярославской области, МВД по Республике Татарстан, МВД по Республике Дагестан, МВД по Республике Ингушетия, МВД по Республике Коми;

по вопросам задержания по подозрению в совершении преступления, применения физической силы, специальных средств – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по г. Московской области, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, ГУ МВД России по Свердловской области, ГУ МВД России по Красноярскому краю, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, УМВД России по Приморскому краю, УМВД России по Сахалинской области, МВД по Республике Хакасия, МВД по Республике Дагестан, МВД по Чеченской Республике;

по вопросам проведения проверочных закупок и иных оперативно-розыскных мероприятий по линии борьбы с незаконным оборотом наркотиков – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по Пермскому краю, ГУ МВД России по Свердловской области, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, ГУ МВД России по Челябинской области, ГУ МВД России по Новосибирской области, ГУ МВД России по Алтайскому краю, УМВД России по Астраханской области, УМВД России по Оренбургской области, УМВД России по Сахалинской области, УМВД России по Хабаровскому краю, МВД по Республике Карелия;

к оглавлению

по вопросам миграционного учета – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по Московской области, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, ГУ МВД России по Краснодарскому краю, ГУ МВД России по Волгоградской области, ГУ МВД России по Свердловской области, ГУ МВД России по Саратовской области, ГУ МВД России по Новосибирской области, ГУ МВД России по Нижегородской области, ГУ МВД России по Пермскому краю, УМВД России по Архангельской области, УМВД России по Амурской области, УМВД России по Псковской области, УМВД России по Ивановской области, УМВД России по Тверской области, УМВД России по Приморскому краю, УМВД России по Липецкой области, УМВД России по Мурманской области, УМВД России по Курской области, УМВД России по Смоленской области, УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре, МВД по Республике Дагестан, МВД по Республике Ингушетия, МВД по Удмуртской Республике, МВД по Республике Татарстан, МВД по Республике Карелия;

по вопросам условий содержания в ИВС и транспортировки подозреваемых, обвиняемых – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по Ставропольскому краю, ГУ МВД России по Нижегородской области, УМВД России по Белгородской области, УМВД России по Тульской области, УМВД России по Ярославской области, УМВД России по Архангельской области, УМВД России по Кировской области, УМВД России по Оренбургской области, МВД по Республике Коми, МВД по Республике Северная Осетия – Алания, МВД по Чеченской Республике;

по вопросам производства предварительного следствия – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по Пермскому краю, ГУ МВД России по Московской области, ГУ МВД России по Ростовской области, ГУ МВД России по Челябинской области, УМВД России по Калужской области, УМВД России по Томской области, УМВД России по Забайкальскому краю, УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу, МВД по Республике Татарстан, МВД по Республике Крым, МВД по Чеченской Республике;

по вопросам «домашнего насилия» – ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по Московской области, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, ГУ МВД России по Кемеровской области, УМВД России по Астраханской области, УМВД России по Калужской области, УМВД России по Оренбургской области, МВД по Республике Дагестан, МВД по Чеченской Республике.

к оглавлению

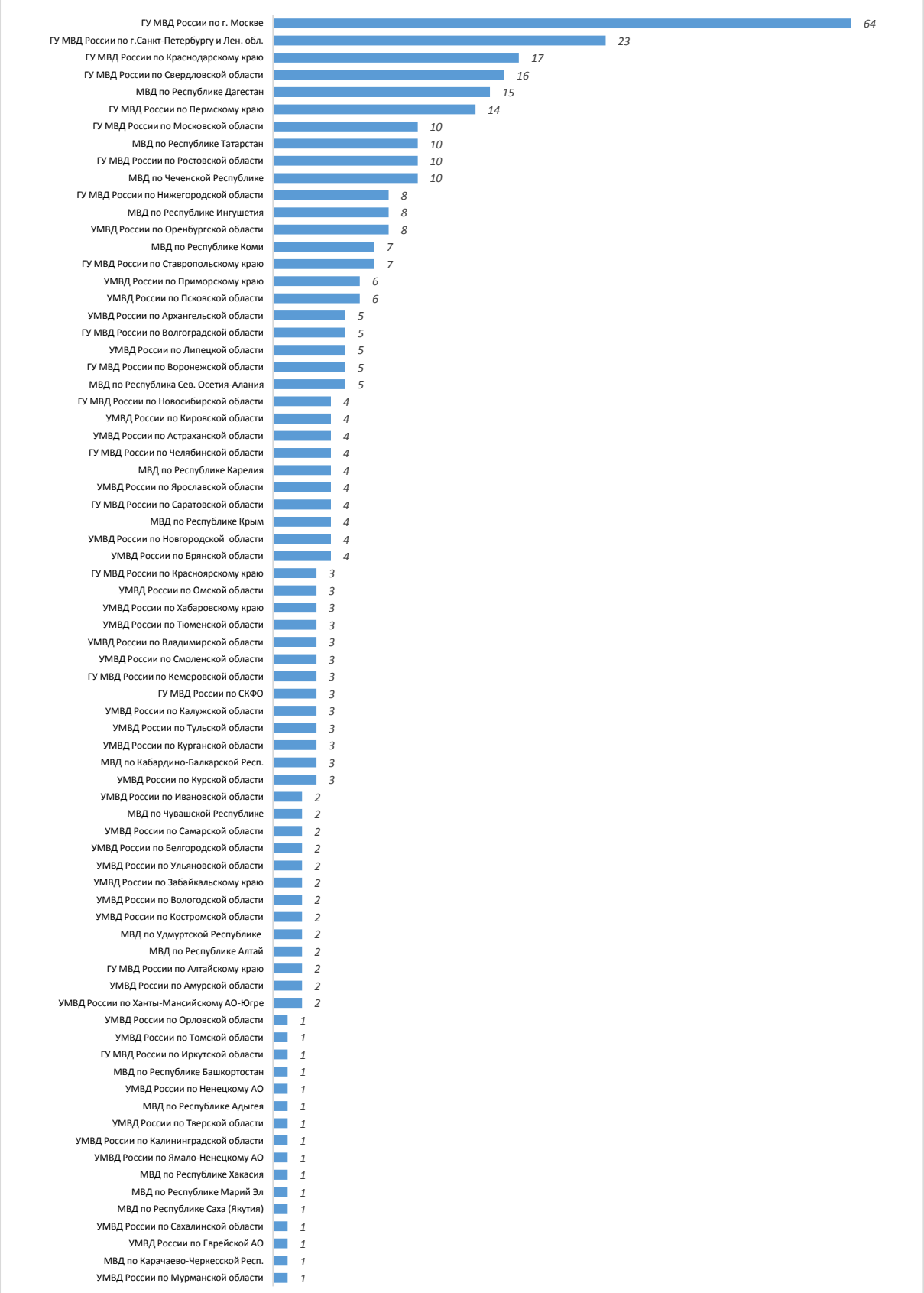

Рис. 4. Количество запросов Уполномоченного, рассмотренных территориальными органами МВД России

к оглавлению

Из **142** ответов, подготовленных подразделениями центрального аппарата МВД России по запросам Уполномоченного (с учетом соисполнения), основная часть находилась на исполнении ГУООП МВД России – **85,** ГУВМ МВД России рассмотрено и подготовлено **59** ответов МВД России, ГУПЭ МВД России – **27**, ОУ МВД России – **25**, ГУСБ МВД России – **24**, ГУНК МВД России – **18**, Следственным департаментом МВД России – **18**, ГУУР МВД России – **10,** УОД МВД России – **6**, ГИАЦ МВД России – **6**, УОГЗ МВД России – **4**, ГУТ МВД России – **3**, ГУЭБиПК МВД России – **3**, ГУОБДД МВД России – **3**, ДГСК МВД России – **3**, БСТМ МВД России – **2**, ДТ МВД России – **1**, ЭКЦ МВД России – **1**, ГЦСП МВД России – **1**, СТиС МВД России – **1**.

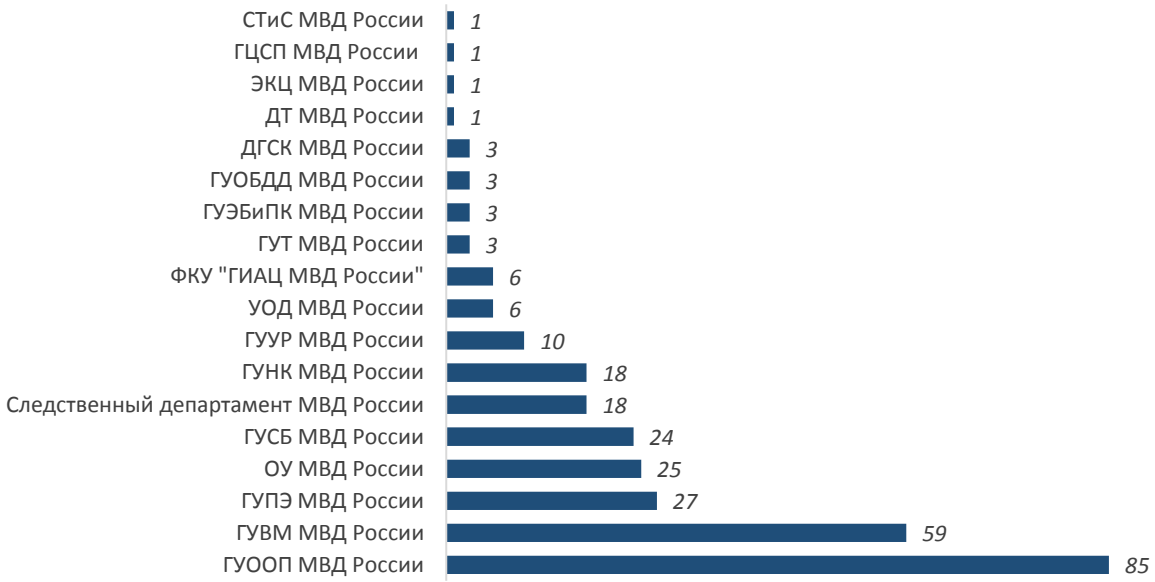

Рис. 5. Количество ответов на запросы Уполномоченного, подготовленных подразделениями центрального аппарата МВД России

При этом 24 запроса Уполномоченного включали в себя значительное количества жалоб **от 7 до 196**. Осуществить качественный сбор и представление документов и материалов, необходимых для формирования позиции Российской Федерации для рассмотрения дел в Европейском Суде, за установленный срок было затруднительно (средний срок исполнения запроса, устанавливаемый Аппаратом Уполномоченного, – 30 дней, при этом в 4 квартале 2021 года – от 10 до 14 дней).

В целом по 25 запросам (АППГ – 35), поступившим в МВД России в 2021 году, по согласованию с ответственным исполнителем Аппарата Уполномоченного продлевался срок рассмотрения.

При этом по жалобе № 48631/16 «Шелковенков и Карасев против России» (*по вопросу привлечения заявителей к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 20.1 КоАП (блокировали дверь Басманного районного суда г. Москвы*), исполнители – ГУООП МВД России, ОУ МВД России, ГУ МВД России по

к оглавлению

г. Москве) срок продлевался дважды в общей сложности на 30 дней. Продление срока рассмотрения было вызвано тем, что в представленном на согласование в ДПД МВД России проекте письма отсутствовали ответы на 5 из 7 вопросов, поставленных Аппаратом Уполномоченного, в связи с чем документ дважды возвращался на доработку, в том числе для истребования подтверждающих документов.

При этом необходимо отметить, что предпринятые меры по повышению эффективности работы по данному направлению дали в 2021 году положительные результаты.

Так, если в 2020 году в представленной редакции с незначительной корректировкой было согласовано 45 проектов ответов, то в 2021 году из 142 рассмотренных Договорно-правовым департаментом МВД России проектов ответов 61 проект потребовал внесения юридико-технических и редакционных правок, в том числе уточнения наименований и реквизитов нормативных правовых актов, наименований территориальных органов МВД России, исправления грамматических и пунктуационных ошибок, при этом 15 проектов были согласованы в представленной редакции без доработки.

Остальные проекты ответов потребовали в процессе согласования существенной переработки, так как в них отсутствовали ответы на вопросы, поставленные Аппаратом Уполномоченного по коммуницированным жалобам, а также документы, подтверждающие представленную позицию, что повлекло дополнительное истребование подтверждающих документов в территориальных органах МВД России.

Так, проект ответа по постановлению Европейского Суда по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 других жалоб, головной исполнитель – Следственный департамент МВД России, соисполнители – ГУНК МВД России, ГУСБ МВД России, ГУЭБиПК МВД России, ГУУР МВД России, был возвращен на доработку в связи с отсутствием информации о выполнении постановления (индивидуальные меры) и отсутствии ответов на вопросы, поставленные Аппаратом Уполномоченного (в части общих мер, в том числе по внесению изменений в законодательство).

В частности, отсутствовала информация о целесообразности внесения изменений в законодательство относительно обеспечения сохранения профессиональной тайны при производстве обследований, осмотров места происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях иных лиц, оказывающих юридические услуги. Вместе с тем указанный вопрос был проработан соисполнителями по рассмотрению данного запроса (ГУЭБиПК МВД России, ГУУР МВД России), однако представленная ими позиция не была учтена в проекте ответа.

Также не представлена информация по принятым мерам по установленному ЕСПЧ нарушению статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с изъятием у ряда заявителей в ходе соответствующих мероприятий электронных устройств, которые не являлись предметом преступления, и их последующим

к оглавлению

невозвращением заявителям (жалоба № 2397/11 «Балян и другие против России», жалоба № 29786/15 «Парначев и другие против России»).

В проект ответа не была включена информация о мерах, предпринимаемых МВД России в целях недопущения нарушения процессуального законодательства в дальнейшем. При этом предпринятые меры реагирования указаны в письмах соисполнителей по запросу (ГУСБ МВД России, ГУУР МВД России), но они не учтены в проекте ответа, как и меры, предпринимаемые или планируемые Следственным департаментом МВД России.

Кроме того, в нарушение подпункта 2.6 приказа МВД России № 782 подготовка проекта ответа поручена сотруднику, не закрепленному за рассмотрением запросов по линии Европейского Суда по правам человека (письмо Следственного департамента МВД России № 17/1-15265 от 16.05.2019).

Аналогичная ситуация возникла при согласовании проекта ответа по жалобе № 49068/18 «Международный Центр Рерихов против России», исполнитель – Следственный департамент МВД России. Проект ответа был возвращен на доработку в связи с отсутствием ответов на вопросы, поставленные Аппаратом Уполномоченного.

Так, в представленном проекте ответа не были изложены комментарии МВД России к обстоятельствам дела и доводам организации-заявителя, не представлены документы, подтверждающие, что при проведении обысков в помещениях МОО «Международный Центр Рерихов» сотрудниками СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве были изъяты картины авторства Н.К. и С.Н. Рерихов, приобретенные на денежные средства, полученные аффилированными физическими лицами по фиктивным кредитам в Банке.

Кроме того, не представлены копии постановления Тверского районного суда г. Москвы от 12 февраля 2018 года о наложении ареста на имущество, изъятое в ходе производства обысков в помещениях, занимаемых МОО «Международный Центр Рерихов» 7 марта и 29 апреля 2017 года, а также апелляционного постановления Московского городского суда от 11 апреля 2018 года.

Проект ответа направлен на согласование с нарушением сроков, установленных подпунктом 2.3 приказа МВД России № 782, согласно которому проект ответа на запрос Уполномоченного, руководителя аппарата Уполномоченного (лица, в установленном порядке его замещающего) представляется в ДПД МВД России на согласование в срок не позднее семи рабочих дней до истечения срока рассмотрения запроса (срок исполнения запроса – 25 марта 2021 года, документ представлен 25 марта 2021 года), в связи с чем срок исполнения документа продлевался в Аппарате Уполномоченного на две недели. В итоге проект ответа был согласован за пределами продленного контрольного срока, так как на повторное согласование документ поступил в день истечения срока – 7 апреля 2021 года.

Проект ответа на запрос Уполномоченного по постановлениям Европейского Суда (12 постановлений), в которых установлено нарушение положений статей 10 (свобода выражения мнения), 11 (свобода собраний),

к оглавлению

3 (запрет пыток), 5 (право на свободу и личную неприкосновенность), 6 (право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также статьи 4 Протокола № 7 (право не быть судимым или наказанным дважды) Конвенции при реализации заявителями права на проведение публичных мероприятий (группа дел «Лашманкин»), был возвращен ГУОООП МВД России на доработку, так как не был дан ответ на основной вопрос: о принятии необходимых мер по устранению и предотвращению в дальнейшем выявленных Европейским Судом нарушений по линии МВД России. В представленном проекте ответа содержалась информация, ранее уже направлявшаяся в адрес Уполномоченного. Актуализированная информация о мерах, принятых МВД России по рассматриваемому вопросу для устранения и предотвращения дальнейших нарушений положений Конвенции, выявленных Европейским Судом в представленных постановлениях, проект ответа не содержал.

При этом часть материалов, представленных на согласование, вынужденно, ввиду невозможности продления срока исполнения, была доработана в ДПД МВД России. Проекты ответов дополнены фактическими данными, подкреплены аналитическими материалами, были истребованы дополнительные подтверждающие документы в целях подтверждения позиции МВД России по доводам заявителей, произведены юридико-технические и редакционные правки.

Такая работа потребовалась при подготовке проектов ответов по запросам Уполномоченного по жалобам: № 3780/18 «Винников против России и 67 других жалоб» (ГУОООП МВД России), № 2898/14 «Кириллов против России» и № 1976/19 «Овчаренко против России» (Следственный департамент МВД России), № 28840/12 «Вождаев против России» (ГУТ МВД России), № 22998/20 «Лапшин против России» (ГУОООП МВД России), № 29254/20 «Юмаев против России» и двум другим аналогичным делам (ГУУР МВД России), № 27570/15 «А.К. против России» (ГИАЦ МВД России), № 25293/20 «Андреева против России» (ГУОООП МВД России), № 4743/21 «Навальный против России» (Следственный департамент МВД России), № 55829/20 «Хаджи Халаф против России» (ГУВМ МВД России), № 47942/17 «Чириков и Некрасов против России» (ГУОООП МВД России), № 3931/19 «Управление Крымской Епархии Украинской Православной Церкви против России» (ГУОООП МВД России), № 8056/21 «Магомадова против России» (ГУПЭ МВД России), № 68401/14 «Исупов против России» (Следственный департамент МВД России), № 30741/19 «Аленкин против России» и 4 других жалобы (Следственный департамент МВД России), № 53785/20 «Самоделов против России» (ГУНК МВД России), № 33470/18 «Крейдлин и другие против России» (УОД МВД России), № 1145/21 «Черных против России» и № 2064/21 «Панчук против России» (Следственный департамент МВД России), № 12454/19 «Эльдесуки против России» (ГУВМ МВД России), № 49896/19 «А.К. против России», № 27982/19 «T.R. против России» и № 45015/11 «A.S. против России» (ГИАЦ МВД России), № 69816/17 «Горохов против России и 9 другим жалобам» (ГУНК МВД России), № 16623/19

к оглавлению

«Мандрыгин против России» (ГУВМ МВД России), № 21116/21 «Норман против России» (ГУОООП МВД России), № 54032/17 «Диденко против России и 19 других жалоб» и № 75484/14 «Монахов против России и 8 других жалоб» (ГУОООП МВД России), № 29825/21 «Манылова против России» (ГУУР МВД России), № 772/21 «Сатиров против России» (ГУВМ МВД России), № 21754/19 «Кнышов против России» (ГУВМ МВД России), № 28539/10 «Агора и другие против России» (ГУЭБиПК МВД России), № 57893/19 «В.Д. против России» (ГУВМ МВД России), № 52297/20 «Софеев против России» и 4 другие жалобы (ГУОООП МВД России), № 3349/21 «Мирзоназаров против России» (ГУОООП МВД России), № 13804/20 «Котов против России» (ГУОООП МВД России), № 16977/18 «Графский против России» и 5 других жалоб (ГУОООП МВД России).

Особая ситуация сложилась с рассмотрением запроса Уполномоченного по жалобе № 3713/21 «Казанбиева против России». Указанный запрос относился к группе дел по вопросам «домашнего насилия». Уполномоченный запросил информацию о мерах безопасности (защиты), которые будут применены в отношении заявительницы после освобождения из колонии-поселения ее бывшего мужа, осужденного приговором мирового судьи, а также об основаниях для применения мер безопасности по рассматриваемому делу.

Особенностью этой жалобы был тот факт, что обеспечительные меры в порядке статьи 39 Регламента Европейского Суда были запрошены в отношении гражданки России, что является единичным случаем. Казанбиева в своей жалобе просила обеспечить ей защиту от бывшего мужа, который, отбывая наказание в колонии, через друзей угрожал ей расправой.

На подготовку позиции Министерства был дан срок всего 3 дня.

Совместно с соисполнителями (УОГЗ МВД России и ГУОООП МВД России) были обсуждены доводы заявительницы и разработан алгоритм подготовки информации.

В ДПД МВД России проект ответа был представлен только в рабочем порядке. Указанный проект был оперативно доработан ДПД МВД России совместно с ГУОООП МВД России. Даже в этом цейтноте был организован комплекс мер реагирования. Так, осуществлен выезд по месту жительства Казанбиевой, уточнено, что она опасается, что ее бывший муж, выйдя на свободу после отбытия наказания, приведет свои угрозы в действие.

Однако УОГЗ МВД России замечания не учтены, несмотря на письмо ДПД МВД России. В итоге в Аппарат Уполномоченного направлен ответ, что в соответствии Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» оснований для избрания в отношении Казанбиевой мер безопасности не имеется.

В целях недопущения вынесения решения Европейского Суда о применении обеспечительных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда в отношении гражданки Российской Федерации в адрес Уполномоченного

к оглавлению

была направлена дополнительная информация о примененных мерах защиты в отношении Казанбиевой.

В частности, в целях обеспечения безопасности Казанбиевой к месту ее жительства были приближены маршруты патрульно-постовых нарядов полиции, участковому уполномоченному полиции указано о необходимости обращения особого внимания на соблюдение общественного порядка и безопасности по месту жительства Казанбиевой и незамедлительного реагирования на ее сообщения. Также было указано, что при освобождении бывшего мужа Казанбиевой из мест лишения свободы участковым уполномоченным полиции будет осуществлена его постановка на профилактический учет как лица, допускающего правонарушения в семейно-бытовой сфере, с посещением его по месту жительства и проведением индивидуальной профилактической работы.

Таким образом, в адрес Уполномоченного была направлена информация, документально опровергающая доводы заявительницы о бездействии сотрудников полиции по обеспечению ее безопасности, что и стало основой для принятия ЕСПЧ решения о неприменении обеспечительных мер по данной жалобе.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что основными недостатками, выявленными в ходе проведения согласования проектов ответов МВД России по запросам Уполномоченного, в основном являются те же недочеты, на которые обращалось внимание ранее:

отсутствие исчерпывающих ответов на каждый вопрос, поставленный Уполномоченным по коммуницированной жалобе;

непредставление вместе с проектом ответа документов, подтверждающих позицию МВД России по жалобе;

представление копий подтверждающих документов в нечитаемом виде;

несоответствие сведений, изложенных в проекте ответа МВД России, подтверждающим документам;

несвоевременное назначение служебных проверок по выявленным в ходе рассмотрения запроса Уполномоченного нарушениям прав граждан в территориальных органах МВД России в целях недопущения в дальнейшем выявленных нарушений законодательства или ведомственных нормативных правовых актов.

к оглавлению

II. Основные показатели работы МВД России по поступившим от Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека постановлениям Европейского Суда

В случае вынесения Европейским Судом постановления о нарушении Российской Федерацией положений Конвенции в сфере деятельности органов внутренних дел Российской Федерации Уполномоченный в соответствии с требованиями части четвертой статьи 39^2 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» направляет копии перевода соответствующих постановлений Европейского Суда в МВД России с указанием о необходимости принятия мер в целях обеспечения их исполнения путем устранения допущенных нарушений положений Конвенции, включая восстановление нарушенных прав заявителей, и (или) предотвращения таких нарушений.

Деятельность МВД России по исполнению решений Европейского Суда осуществляется с учетом требований приказа МВД России № 782, в соответствии с которым все поступившие в МВД России решения Европейского Суда рассматриваются руководителями соответствующих подразделений МВД России лично и с учетом требований, предусмотренных указанным положением Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

За 2021 год от Уполномоченного поступило **128** постановлений ЕСПЧ для учета в правоприменительной деятельности и принятия мер по недопущению выявленных нарушений Конвенции, согласно которым с Российской Федерации взыскана компенсация на сумму **22 461 760** евро (АППГ – 4 092 523 евро).

В поступивших постановлениях ЕСПЧ установлены нарушения положений:

статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением прав заявителей на свободу мирных собраний (по жалобам № 74814/14 и 12 другим «Завьялова и другие против России», № 74602 и 3 других «Майзульс и другие против России», № 9685/08 и 8 другим «Нагибин и другие против России», № 15024/12 и 13 другим «Котлярский и другие против России», № 19126/11 и 5 другим «Шнейдер и другие против России», № 83594/17 «Геджадзе против России», №№ 22581/15 и 28251/15 «Гущин и Гаскаров против России», № 48826/08 и другие «Мазнев и другие против России» (пересмотр), №№ 10780/07 и 54004/07 «Ачилов и другие против России», № 10252/10 «Басок против России», № 17054/08 «Гремина против России», № 31333/07 «Дубровина и другие против России», № 61978/08 «Казанцев и другие против России», № 72051/17 «Корнеева против России», № 34310/13 «Мандригеля против России», № 58954/09 «Оботе против России», № 38427/11 «Самсонов против России», № 4505/08 «Сокирянская и другие против России», № 6975/10 «Рашкин против России», № 42182/11 «Толмачев против России»

статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с проведением обследования, осмотров мест происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях адвокатов и иных лиц, оказывающих юридические услуги (по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 других жалоб);

к оглавлению

статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с запретом на въезд заявителя на территорию Российской Федерации, о котором он не был уведомлен, без учета обстоятельств его частной жизни и необеспечением судом при рассмотрении жалоб заявителя тщательного анализа оснований и соразмерности, примененной в отношении него ограничительной меры (по жалобам №29255/18 «Акмалов против России», № 43936/18 «Усманов против России»);

статьи 8 Конвенции в связи с административным выдворением заявителей за пределы территории Российской Федерации без учета обстоятельств их семейной жизни (по жалобам № 48453/16 «Саргсян против России», № 29790/14 «Гулиев и Шеина против России»);

статей 8 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи с непредоставлением права на отпуск по уходу за ребенком для полицейских-мужчин (по жалобам № 66180/09 «Груба и 3 другие жалобы против России»);

пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с незаконным задержанием и доставлением заявителей в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении (по жалобам №№66856/14 и 33606/15 «Карельский и другие против России», №№ 42276/15 и 54278/15 «Борец-Первак и Мальдон против России», № 76695/11 «Удальцов против России», №№ 67685/14 и 35199/15 «Созаев и другие против России», № 47800/14 «Сваровский и другие против России», №№ 35880/14 и 75926/17 «Захаров и Варжабетян против России»);

статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с невыполнением российскими властями обязательств по обеспечению заявительницам надлежащей защиты от домашнего насилия (по жалобам № 65557/14 «Польшина против России». № 20289/10 «Барсова против России»);

статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с депортацией заявителя в Узбекистан и статьи 34 Конвенции в связи с несоблюдением обеспечительной меры в соответствии с правилом 39 Регламента (по жалобам № 30227/18 «Юсупов против России», № 84022/17 «Н.О. против России», № 25079/19 и № 18570/19 «М.Л. и другие против России»);

статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с жестоким обращением со стороны сотрудников органов внутренних дел (по жалобам № 15010/11 «Пузырев против России», № 8306/07 «Булатов и Дамбегов против России», № 50495/07 «Бурлаков против России», № 40833/07 «Владовские против России», № 43411/06 ««X» и «Y» против России», № 39708/07 «Александр Коновалов против России», № 8516/08 «Барахоев против России», №№ 49869/06 и 44822/06 «Голубятников и Жучков против России», № 40384/06 «Девяткин против России», № 43083/06 «Золотарев против России», № 13408/07 «Золоторев против России», № 21062/07 «Игошин против России», № 31632/10 «Кондаков против России», № 26107/13 «Крамаренко против России», № 52783/08 «Леонид Петров против России», № 15980/12 «Маслова против

к оглавлению

России», № 22495/08 «Мукаев против России», № 40192/06 «Михаил Николаев против России», № 32546/08 «Моргунов против России», № 10825/09 «Олисов и другие против России» и 2 другим жалобам, № 74820/14 «Пастухов против России», № 11916/15 «Р. против России», № 1441/10 «Рамазанова и Алексеев против России», № 25238/08 «Сарсембаев против России», № 14769/09 «Ситников против России», № 46349/09 «Смоленцев против России», № 43664/16 «Шмелева против России», № 4397/06 «Ковалевы против России», № 79947/12 «Сатыбалова и другие против России», № 36620/07 «Шевцова против России», № 30050/09 «Шишкин и другие против России», № 16310/08 «Иванов против России», № 56552/09 «Козлов против России», № 796/07 «Чудаловы против России», № 27026/10 «Бунтов против России», № 40508/16 «Котов и другие против России»);

статей 2, 3, 5, 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в связи нарушениями прав граждан в период проведения контртеррористических операций на территории Чеченской Республики и иных субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа и необеспечением эффективного расследования по соответствующим фактам (по жалобам № 53074/12 «Ижаева против России», № 51119/15 «Гадаев и другие против России», №21129/09 «Банжаев против России», №№ 2297/15 и 21260/16 «С.А. и другие против России», № 44658/12 «Вацаева и другие против России», № 19/16 «Идрисова против России», № 36963/09 «Саидова и другие против России», №44116/10 «Тимербулатова и другие против России», № 33731/14 «Угурчиев и другие против России, № 56120/13 «Байсултанов против России», №№ 53284/13 и 2243/15 «Турпулханова и Хасиева против России», № 13363/11 «Цороев против России», № 35585/08 «Сулейманов и другие против России», № 40001/08 «Абдулхаджиева и Абдулхаджиев против России», №№ 47222/07 и 47223/07 «Абубакарова и Мидалишова против России», №№ 18940/08 и 61716/08 «Магометходжиев и Аламаев против России», № 21194/09 «Хаджимурадов и другие против России», № 50606/08 «Межидовы и другие против России», №14196/08 «Бицаева и другие против России», № 17054/06 «Алихановы против России», № 5374/07 «Яндаева и другие против России», № 16397/07 «Цакоевы против России», № 36962/09 «Тазуева и другие против России», № 50556/08 «Кукурхоева и другие против России», № 4635/08 «Шамсудинова и другие против России», №№ 66590/10 и 3773/11 «Аржиева и Цадаев против России», № 6636/09 «Хамхоева и другие против России», № 53075/08 «Исаева и другие против России», № 13916/12 «Мухтарова и другие против России», № 2660/12 «Эсамбаева и другие против России», №867/12 «Абубакарова и другие против России», № 31143/11 «Джамахаджиев и другие против России», № 4310/10 «Хатуева и другие против России», № 9782/08 «Оздоев и другие против России», № 12642/13 «Байсултанова и другие против России», 34909/12 «Исраиловы и другие против России», № 44776/09 «Ганатова и другие против России», № 36875/11 «Хакимова и другие против России», № 18988/16 «Шайтилаева и

Дышнеева против России», № 46206/10 «Кабилов против России», № 10299/10 «Накани и другие против России», № 22983/10 «Махмудова и другие против России», № 19650/11 «Дагалаева против России», № 66320/09 «Махлоев против России», № 5632/10 «Орлов и другие против России», № 51933/08 «Мурдаловы против России», № 19809/11 «Тасуева и другие против России», № 76635/11 «Ужахов и Албагачиева против России», № 688/11 «Гаева против России», № 32400/12 «Данилины против России», № 46935/18 «Елхороев против России»).

Из числа поступивших в 2021 году постановлений ЕСПЧ, вынесенных по раннее коммуницированным Российской Федерации жалобам по линии МВД России (за период с 2018 года по настоящее время), с учетом представленной Министерством позиции, признаны неприемлемыми и решениями ЕСПЧ исключены из списка рассматриваемых дел **76** жалоб.

С учетом материалов, представленных МВД России, решениями ЕСПЧ по **7** жалобам были отменены ранее наложенные обеспечительные меры в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда, по **3** жалобам принято решение о неприменении обеспечительных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда.

Так, были отменены ранее примененные обеспечительные меры и исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалоба № 49525/20 «S.A. против России» на основании предоставленной МВД России информации. Аналогичное решение вынесено по жалобе № 40850/20 «S.D. против России».

По жалобам № 8818/20 «M.A. против России» и № 43383/20 «Y.R. и K.R. против России» ЕСПЧ вынесено решение о прекращении производства по делу и отмене ранее примененных в соответствии с правилом 39 Регламента обеспечительных мер.

Решениями ЕСПЧ были признаны неприемлемыми жалобы по вопросам проведения оперативно-розыскных мероприятий и возможной «провокации» со стороны сотрудников полиции при закупке наркотических средств. Так, после изучения материалов, подготовленных МВД России, признаны неприемлемыми **17** жалоб: № 13233/18 «Григорьев против России» и 3 другие жалобы, № 69139/17 «Вяткин против России», № 74253/11 «Колбас против России», № 13542/16 «Хромаев против России», № 37481/16 «Макаров против России», № 11520/19 «Шмаков против России», № 21214/19 «Гасанзаде против России», № 29522/19 «Михайлов против России», № 56652/19 «Максимов против России», № 58917/15 «Сенченко против России» и 4 другим аналогичным делам.

Указанные жалобы признаны неприемлемыми в связи с их необоснованностью.

Исключены из списка рассматриваемых дел 26 жалоб, при рассмотрении которых было установлено, что заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты (не подавались кассационные жалобы): по жалобам № 1311/21 «Андрей Анатольевич Аникеев против России», № 10219/21 «Оксана Владимировна Ермакова против России», № 41743/17 «Евгений Михайлович Шмелев и другие против России» и 16 других жалоб, № 34275/19 «Панцулаи

к оглавлению

против России», № 41701/18 «К.К. против России», №43638/18 «Оганезов против России», № 45099/18 «Ожерельев против России», № 12012/18 «Орлов против России» и двум другим аналогичным жалобам.

13 жалоб исключены ЕСПЧ из списка дел в связи с утратой интереса со стороны заявителей в поддержании жалобы. В ходе рассмотрения запросов по этим жалобам было установлено, что после подачи жалобы ни заявители, ни их представители больше на связь с Европейским Судом не выходили, в том числе не представили замечания на позицию Министерства по их доводам. Из чего был сделан вывод, что нарушений со стороны сотрудников органов внутренних дел не было, жалобы поданы по надуманным обстоятельствам, что и было установлено в ходе работы по запросам Уполномоченного.

Справочно: по жалобам № 51298/17 «Асмаровы против России» (по вопросам пребывания граждан Грузии на территории Российской Федерации);

№ 13934/06 «Радионов против России» (по вопросу отмены регистрации транспортного средства, их сертификации);

№ 4092/13 «Муродов против России» (по вопросам задержания, проведения ОРМ и следственных действий);

№ 5616/13 «Конорев против России» (по вопросам задержания по подозрению в совершении преступления);

№ 51863/17 «Абдусаттаров и Бабина против России» (по вопросам пребывания иностранного гражданина Республики Узбекистан на территории Российской Федерации);

№ 3294/10 «Вохмянин против России» (по вопросам доставления, задержания и применении физической силы);

№ 83888/17 «Каххоров против России» (по вопросу пребывания иностранного гражданина Республики Таджикистан на территории Российской Федерации);

№36741/09 «Глазков против России» (по вопросам доставления, задержания и применении физической силы);

№ 62838/11 «Грачев против России» (по результатам проверки и расследования уголовного дела по факту мошенничества с правом собственности на квартиру);

№ 71693/17 «Хардин против России» (по вопросам задержания, проведения ОРМ и следственных действий);

№ 11107/17 «Кухтин против России» (по вопросам задержания и доставления заявителя);

№ 18965/16 «Павлевский против России» (по вопросам задержания заявителя по подозрению в совершении административных правонарушений и (или) преступлений, а также возбуждения в отношении него дел об административных правонарушениях);

№ 38413/11 «Басария против России» (по вопросам применения оружия);

к оглавлению

№ 60210/16 «Жемухов против России» (по вопросам проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении заявителя).

Решением ЕСПЧ от 8 апреля 2021 г. по жалобе № 15573/18 «Павлов против Российской Федерации» по делу об обжаловании отсутствия эффективных средств правовой защиты в отношении ненадлежащих условий содержания заявителя под стражей Европейский Суд на основании представленной информации пришел к выводу о злоупотреблении правом на подачу жалобы по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции в связи с тем, что представителем представлен документ с поддельной подписью заявителя уже после его смерти.

Положительное решение по индивидуальным жалобам, вынесенное против государства, предполагает внесение изменений или даже отмену действующего в стране национального законодательства, противоречащего соответствующей статье Конвенции, а судебные и другие правоприменительные органы Российской Федерации, руководствуясь частью четвертой статьи 15 Конституции Российской Федерации, должны в случае коллизии норм национального российского права и международного права применять нормы последнего.

В этой связи с целью урегулирования вопросов, возникающих по жалобам, подаваемым в Европейский Суд, при участии в разработке и сопровождении МВД России принят ряд федеральных законов, в частности:

от 17 февраля 2021 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в статьи 19.15.1 и 19.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части дополнения круга лиц, освобождаемых от административной ответственности за проживание гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении без регистрации и за нарушение правил регистрации гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении, подопечными, усыновителями, опекунами и попечителями);

от 24 февраля 2021 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты в части урегулирования правового статуса лиц без гражданства» (в части введения нового вида документа – временного удостоверения личности лица без гражданства в Российской Федерации, которое подтверждает его личность и временное пребывание на территории Российской Федерации);

от 24 февраля 2021 г. № 28-ФЗ «О внесении изменения в статью 13^2 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части уточнения содержания информации, которая предоставляется налоговыми органами по запросу федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в целях контроля за соблюдением работодателями или заказчиками работ (услуг) условий привлечения и использования высококвалифицированных специалистов);

к оглавлению

от 5 апреля 2021 г. № 60-ФЗ «О принятии Российской Федерацией Устава Международной организации по миграции»;

от 5 апреля 2021 г. № 67-ФЗ «О внесении изменения в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в части обеспечения защиты прав граждан от необоснованного преследования по уголовным делам о сбыте наркотических средств);

от 5 апреля 2021 г. № 84-ФЗ «О внесении изменения в статью 10.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (об усилении административной ответственности за нарушения в области культивирования наркотикосодержащих растений);

от 11 июня 2021 г. № 201-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4.6 и 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (в части определения порядка исчисления срока, в течение которого лица, уплатившие административный штраф в половинном размере до вступления постановления о его назначении в законную силу, считаются подвергнутыми административному наказанию);

от 28 июня 2021 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (об усилении административной ответственности за незаконный оборот оружия, злоупотребление свободой массовой информации и участие в деятельности нежелательных организаций);

от 1 июля 2021 г. № 237-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий»;

от 1 июля 2021 г. № 239-ФЗ «О ратификации Протокола о внесении изменений в Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров от 30 ноября 2000 года»;

от 1 июля 2021 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» и статью 271 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (в части возможности регистрации граждан, ведущих кочевой (или) полукочевой образ жизни в муниципальных образованиях);

от 1 июля 2021 г. № 258-ФЗ «О внесении изменения в статью 264^1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части усиления уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения в состоянии опьянения);

от 1 июля 2021 г. № 259-ФЗ «О внесении изменения в статью 228^2 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части уточнения ответственности за нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ);

от 1 июля 2021 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

к оглавлению

(о возможности выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы Российской Федерации);

от 1 июля 2021 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федеральный закон «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации» (в части регулирования временного пребывания иностранных граждан в Российской Федерации);

от 1 июля 2021 г. № 288-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части совершенствования законодательства об обеспечении государственной защиты);

от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» (направлен на усиление гарантий защиты прав граждан и уточнение полномочий полиции);

от 30 декабря 2021 г. № 441-ФЗ «О внесении изменения в статью 15^3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 3 и 5 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части уточнения порядка ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона);

от 30 декабря 2021 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и статью 15 Федерального закона «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (об отмене обязательности технического осмотра для транспортных средств, принадлежащих физическим лицам).

В текущем году Министерством продолжилась планомерная работа, направленная на недопущение нарушений, установленных в постановлениях Европейского Суда, с учетом особенностей деятельности МВД России:

организовано изучение сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации поступивших постановлений Европейского Суда с целью недопущения выявленных нарушений (копии постановлений ЕСПЧ направлены в территориальные органы системы МВД России, а также размещены в автоматизированной информационно-поисковой системе «Судебная практика» специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист»);

актуализирован Сборник постановлений и решений Европейского Суда по отдельным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации (размещен в Сервисе обеспечения деятельности правовых подразделений системы МВД России ИСОД МВД России в разделе Судебно-исковая работа / Позиции Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, ЕСПЧ / Позиции ЕСПЧ);

к оглавлению

подготовлен Обзор запросов Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека – заместителя Министра юстиции Российской Федерации по жалобам, находящимся в производства Европейского Суда по правам человека, а также постановлений и решений Европейского Суда по правам человека, поступивших в Министерство внутренних дел Российской Федерации в 2020 году, для использования в практической деятельности России (письмо МВД России от 26 марта 2021 г., исх. № 1/3129).

В целях повышения эффективности работы по запросам Уполномоченного и недопущению впредь нарушений, выявленных Европейским Судом по правам человека по жалобам, поданным в ЕСПЧ по линии МВД России, разработан новый методический материал – Прецеденты Европейского Суда по правам человека, касающиеся отдельных направлений деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

ГУОООП МВД России, ФКУ НПО «СТиС» МВД России совместно с ДПД МВД России продолжена работа, направленная на совершенствование условий и порядка конвоирования и транспортировки подозреваемых и обвиняемых с целью снижения количества удовлетворяемых Европейским Судом жалоб данной категории.

Так, в 2021 году в соответствии с новыми стандартами (условиями) перевозки подозреваемых и обвиняемых в специальных автомобилях полиции – СТО 061-2019» Автомобили оперативно-служебные для перевозки подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Технические требования», утвержденными приказом ФКУНПО «СТиС» МВД России от 28 июня 2019 г. № 512, приняты на снабжение органов внутренних дел два образца новых автомобилей:

«ГАЗель Некст» С41R92 (предназначен для перевозки до 10 подозреваемых и обвиняемых, изготовитель АО «КАФ» – г. Шумерля, Чувашская Республика);

«ГАЗель Некст» А69R32 (предназначен для перевозки до 7 подозреваемых и обвиняемых, изготовитель ООО «РусКомТранс» – г. Балахна, Нижегородская область).

Закончены государственные испытания опытного образца специального автомобиля «ГАЗон Некст» С41R13 (предназначен для перевозки максимально 13 подозреваемых и обвиняемых, изготовитель АО «КАФ» – г. Шумерля, Чувашская Республика). В настоящее время проводятся организационные мероприятия, в том числе разработка проекта приказа МВД России, по постановке указанного автомобиля на снабжение органов внутренних дел.

Организовано проведение эксплуатационных и государственных испытаний опытного образца специального автомобиля на базе КАМАЗ-4308 (предназначен для перевозки максимально 19 подозреваемых и обвиняемых, изготовитель АО «КАФ» – г. Шумерля, Чувашская Республика).

Разработанные на основе новых стандартов специальные автомобили обеспечивают перевозимым лицам площадь личного пространства в общих камерах от 0,4 м^2 до 0,5 м^2 (ранее – 0,25 м^2), в одиночных камерах – от 0,6 м^2 до

к оглавлению

0,7 м^2 (ранее – 0,33 м^2). Внутренняя высота камер составляет 180 см (ранее – 164 см), уровень освещенности – не менее 100 люкс (ранее 50 люкс). Безопасность во время движения обеспечена за счет оборудования камер поручнями для держания. Сидения для подозреваемых и обвиняемых – полумягкие, изготовлены из негорючих, износостойких материалов.

Транспортные средства соответствуют самому высокому пятому классу экологичности, оборудованы системами кондиционирования и дополнительными автономными системами отопления и вентиляции, а также видеоконтроля за соблюдением режима содержания и несения службы конвойного наряда.

Указанные аспекты перевозки в полной мере отвечают основным стандартам о транспортировке содержащихся под стражей лиц, установленным Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания.

к оглавлению

III. Основные правовые позиции по вопросам деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, изложенные в постановлениях Европейского Суда, поступивших в МВД России в 2021 году

3.1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 66180/09 «Груба и 3 другие жалобы против России» (право на отпуск по уходу за ребенком для полицейских)

Вынесено 6 июля 2021 года. Настоящее постановление вступает в силу в порядке, установленном пунктом 2 статьи 44 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В постановлении Европейского Суда по жалобе обжалуется недопущение совмещения отцами - сотрудниками органов внутренних дел исполнения их служебных обязанностей с воспитанием малолетних детей при наличии материнского попечения посредством отпуска по уходу за ребенком. По делу допущено нарушение статей 8 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

В настоящее время Российской Федерацией постановление Европейского Суда по жалобе № 66180/09 «Груба и другие против России» обжалуется в Большую Палату Европейского Суда.

Дело касается разницы в праве на отпуск по уходу за ребенком между полицейскими и женщинами-полицейскими.

Заявители (сотрудники органов внутренних дел - мужчины) жаловались, что отказ в предоставлении отпуска по уходу за ребенком является дискриминацией по признаку пола. Они ссылались на статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции. Соответствующие положения гласят следующее:

Статья 8

«1. Каждый имеет право на уважение своей частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в целях национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц».

Статья 14

«Осуществление прав и свобод, изложенных в Конвенции, обеспечивается без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальному меньшинству, имущественного положения, рождения или иным признакам».

Краткое изложение соответствующих общих принципов см. в деле Константина Маркина (постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 марта 2012 года по делу «Константин Маркин против России», жалоба №30078/06, пункты124-27).

к оглавлению

В деле Константина Маркина Суд установил, что статья 14 в совокупности со статьей 8 применима к отпуску по уходу за ребенком. Соответственно, если государство решило создать схему отпуска по уходу за ребенком, оно должно было сделать это в порядке, совместимом со статьей 14 Конвенции (см. Дело Константина Маркина, упомянутое выше, пункт 130).

Суд также установил, что ***в отношении отпуска по уходу за ребенком и пособий по уходу за ребенком мужчины находятся в сопоставимом положении с женщинами***. Действительно, в отличие от отпуска по беременности и родам, который был предназначен для того, чтобы женщина могла оправиться от родов и покормить ребенка грудью, если она того пожелает, отпуск по уходу за ребенком и пособие по уходу за ребенком относились к последующему периоду и были предназначены для того, чтобы позволить родителю остаться дома для личного ухода за младенцем. Зная о различиях, которые могут существовать между матерью и отцом в их отношениях с ребенком, Суд пришел к выводу, что ***в отношении роли ухода за ребенком в период, соответствующий отпуску по уходу за ребенком, мужчины и женщины «находились в одинаковом положении»*** (там же, пункт 132).

Из вышеизложенного следует, что заявители, полицейские-мужчины, находились в аналогичной ситуации с женщинами-полицейскими.

Кроме того, Суд не упускает из виду различия между настоящим делом и делом Константина Маркина. Заявитель по делу Константина Маркина, будучи военнослужащим, был полностью лишен права на отпуск по уходу за ребенком, хотя военнослужащие имели право на такой отпуск. И наоборот, полицейские, такие как заявители в настоящем деле, имеют право ходатайствовать о предоставлении отпуска по уходу за ребенком, если их дети остаются без материнского ухода (см. Пункты 58 и 61 выше). Таким образом, российское законодательство предусматривает исключение из правила, согласно которому сотрудники полиции мужского пола не имеют права на отпуск по уходу за ребенком. Однако факт остается фактом: с полицейскими обращаются иначе, чем с женщинами-полицейскими: полицейские имеют условное право на трехлетний отпуск по уходу за ребенком, в то время как женщины-полицейские имеют безусловное право на такой отпуск. Таким образом, необходимо выяснить, было ли различие в обращении между полицейскими и женщинами-полицейскими объективно и разумно оправдано в соответствии со статьей 14.

Суд отмечает, что Конституционный суд Российской Федерации и Правительство выдвинули несколько аргументов, чтобы оправдать различие в обращении между полицейскими и женщинами-полицейскими в отношении права на отпуск по уходу за ребенком. Суд рассмотрит их по очереди.

Суд повторяет, во-первых, что ***гендерные стереотипы, такие как восприятие женщин как основных лиц, осуществляющих уход за ребенком, и мужчин как основных кормильцев, не могут считаться достаточным основанием для различий в обращении между мужчинами и женщинами в отношении права на отпуск по уходу за ребенком*** (см. дело «Константин

к оглавлению

Маркин», упомянутое выше, пункты 139-43). Этот вывод применим как к сотрудникам полиции, так и к военнослужащим.

Что касается довода о том, что при подписании контракта на полицейскую службу полицейские соглашаются с ограничениями своих прав, предусмотренных законом, то он по существу является иском об отказе. Суд уже установил, что ***ввиду фундаментальной важности запрета на дискриминацию по признаку пола, отказ от права не подвергаться дискриминации по таким основаниям не может быть принят, поскольку это противоречило бы важным общественным интересам***, (там же, пункт 150).

Более того, Конституционный Суд опирался на особый статус полиции для оправдания ограничения прав сотрудников полиции, включая их право на отпуск по уходу за ребенком. Правительство развило этот аргумент, заявив, что если поставить полицейских в один ряд с женщинами в том, что касается права на отпуск по уходу за ребенком, то это приведет к значительному сокращению числа сотрудников полиции, которые были бы достаточно физически здоровы, чтобы поддерживать общественный порядок и арестовывать правонарушителей.

Суд признает, что ***поддержание оперативной эффективности полиции является законной целью, которая может оправдывать определенные ограничения прав сотрудников полиции. Однако это не может оправдать различие в обращении между мужчинами и женщинами в полиции***.

Суд принимает к сведению в этой связи ссылку Конституционного Суда на статью 1 Конвенции МОТ № 111 о дискриминации в отношении труда и занятий, согласно которой любое различие, исключение или предпочтение в отношении определенной работы на основе неотъемлемых требований из них не считается дискриминацией. Однако он не убежден, что ***исключение из права на отпуск по уходу за ребенком в настоящем деле может рассматриваться как основанное на неотъемлемом требовании службы полиции.*** Действительно, женщины-полицейские имеют безусловное право на отпуск по уходу за ребенком, и ограничение касается только полицейских.

Важно отметить, что право на отпуск по уходу за ребенком зависит от пола сотрудников полиции, а не от их положения в полиции, наличия замены или любых других обстоятельств, связанных с оперативной эффективностью полиции. Действительно, Правительство признало, что не было никаких ограничений по признаку пола для занятия должностей, эквивалентных должностям заявителей: они могли занимать как полицейские, так и женщины-полицейские. Женщины-полицейские, занимающие эти должности, имеют безусловное право на трехлетний отпуск по уходу за ребенком. Заявители, с другой стороны, могли подать заявление на отпуск по уходу за ребенком только в том случае, если их дети остались без материнского ухода, и это было исключительно потому, что они были мужчинами.

Настоящее дело показывает трудности, с которыми может столкнуться полицейский-мужчина даже в тех случаях, когда его конкретная семейная ситуация требует, чтобы он взял на себя роль основного опекуна за своим

к оглавлению

ребенком. Действительно, г-ну Михайлову и г-ну Морозову было отказано в отпуске по уходу за ребенком, несмотря на то, что их жены не могли в полной мере заботиться о детях из-за проблем со здоровьем. В случае г-на Михайлова национальные власти пришли к выводу, что болезнь его жены не лишала ее возможности заботиться о ребенке, в частности, потому, что она не находилась в больнице или не была инвалидом, и что ребенок, таким образом, не был лишен материнской заботы. В деле г-на Морозова национальные власти также установили, что медицинские справки жены были недостаточными доказательствами того, что она не могла заботиться о ребенке, учитывая, что она возобновила работу и семья жила вместе. Таким образом, исключение из правила, согласно которому полицейские не имеют права на отпуск по уходу за ребенком, толкуется строго.

Что наиболее важно, отказываясь предоставить отпуск по уходу за ребенком каждому из четырех заявителей, ***национальные власти не ссылались на какие-либо обстоятельства, показывающие, что их временный уход в отпуск по уходу за ребенком подорвет оперативную эффективность полиции.*** Таким образом, власти не смогли найти баланс между законным интересом в обеспечении оперативной эффективности полиции, с одной стороны, и правом заявителей не подвергаться дискриминации по признаку пола в отношении доступа к отпуску по уходу за ребенком.

Наконец, поскольку Правительство утверждало, что г-н Маринцев подал заявление о предоставлении отпуска по уходу за ребенком с целью избежать увольнения со службы, этот вопрос был впервые поднят в ходе разбирательства в Суде и на национальном уровне, суды никогда не упоминали об этом в своих решениях. В задачу Суда не входит подменять собой национальные власти и устанавливать соответствующие факты или предоставлять свой собственный анализ этих фактов. Что касается утверждения властей о том, что три других заявителя были уволены со службы за систематическое отсутствие, Суд отмечает, что эти заявители утверждали, что они перестали выходить на работу, поскольку считали, что они имеют право на отпуск по уходу за ребенком. В данных обстоятельствах факт их увольнения не делает спорными их жалобы на отказ в отпуске по уходу за ребенком.

С учетом вышеизложенного Суд считает, что ***различие в обращении между полицейскими и женщинами-полицейскими в отношении права на отпуск по уходу за ребенком не может быть названо разумно и объективно оправданным. Не было разумной пропорциональности между законной целью поддержания оперативной эффективности полиции и оспариваемым различием в обращении.*** Таким образом, Суд приходит к выводу, что это различие в обращении, жертвами которого стали заявители, равносильно дискриминации по признаку пола.

Таким образом, имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 8.

к оглавлению

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 8 Конвенции в отношении каждого заявителя и пункт 1 статьи 6 Конвенции в отношении г-на Морозова, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям от **1 000** до **7 500** евро в качестве компенсации морального вреда, когда настоящее постановление вступит в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Общая сумма выплат составляет **28 597** евро.

Позиция МВД России по данному постановлению ЕСПЧ

1. Правоотношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел Российской Федерации, а также с определением правого положения сотрудника органов внутренних дел, регламентируются специальным нормативным правовым актом – Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В силу части 8 статьи 56 Закона о службе сотруднику органов внутренних дел женского пола, являющемуся матерью (усыновителем), предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в порядке, установленном трудовым законодательством. Указанный отпуск может быть предоставлен сотруднику, являющемуся отцом (усыновителем), опекуном, бабушкой, дедом и фактически осуществляющему уход за ребенком, только в случае отсутствия материнского попечения по объективным причинам (смерть матери, лишение ее родительских прав, длительное пребывание в медицинской организации и другие причины). На такого сотрудника в части, не противоречащей настоящему Федеральному закону, распространяются социальные гарантии, установленные трудовым законодательством.

Таким образом, в силу указанной нормы отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет предоставляется сотруднику, являющемуся отцом и воспитывающему ребенка без матери, в случае отсутствия материнского попечения по объективным причинам.

Аналогичная по содержанию норма была предусмотрена частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 г. № 4202-1, ранее регулировавшим вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации.

При решении вопроса предоставления отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцу (сотруднику органов внутренних дел) обстоятельством, имеющим значение для дела, является определение факта наличия или отсутствия у ребенка материнского попечения.

Основанием для предоставления отпуска является:

к оглавлению

наличие у матери заболевания, исключающего возможность ухода за ребенком, подтвержденного документами медицинских организаций, в том числе установление инвалидности вследствие заболевания;

смерть матери;

установление опеки над несовершеннолетним ребенком (по решению муниципального органа по образованию);

признание матери ребенка недееспособной (ограниченно дееспособной) (подтвержденное вступившим в законную силу решением суда);

признание матери ребенка безвестно отсутствующей (подтвержденное вступившим в законную силу решением суда);

приговор суда о назначении наказания матери ребенка в виде лишения свободы;

избрание меры пресечения матери ребенка в виде заключения под стражу; лишение матери родительских прав;

нахождение матери на стационарном лечении со вторым ребенком;

ограничение матери ребенка в родительских правах (подтвержденное вступившим в законную силу решением суда);

принудительное лечение матери ребенка в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях;

вступившее в законную силу решение суда об установлении факта отсутствия родительского попечения над ребенком;

отсутствие сведений о месте нахождения матери ребенка, подтвержденное справкой органов внутренних дел, а также иные обстоятельства, исключающие материнское попечение.

Заявителям обоснованно отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребенком, так как доказательств, подтверждающих отсутствие материнского попечения по объективным причинам, ими не представлено.

Законность непредоставления заявителям отпуска по уходу за ребенком подтверждена решениями судебных органов Российской Федерации.

2. В соответствии со статьей 8 «Право на уважение частной и семейной жизни» Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности, или защиты прав и свобод других лиц.

Статьей 14 Конвенции закреплено, что пользование правами и свободами должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений,

к оглавлению

национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам.

В соответствии с частью 3 статьи 19 Конституции Российской Федерации мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации.

Вместе с тем частью 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Частью 1 статьи 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» установлено, что полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, специфика государственной службы в Российской Федерации как профессиональной служебной деятельности граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения соответствующих полномочий предопределяет особый правовой статус государственных служащих, исходя из особенностей которого, обусловленных характером выполняемой государственными служащими деятельности, предъявляемыми к ним квалификационными требованиями, вводимыми ограничениями, связанными с государственной службой, законодатель вправе в рамках дискреции и с помощью специального правового регулирования устанавливать и изменять условия и порядок прохождения государственной службы (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 1243-О).

Поступая на службу в органы внутренних дел, гражданин реализует право на свободное распоряжение своими способностями к труду и тем самым добровольно приступает к осуществлению такой профессиональной деятельности, занятие которой предполагает, во-первых, наличие определенных ограничений его прав и свобод, свойственных данной разновидности государственной службы, а во-вторых, исполнение обязанностей по обеспечению безопасности, законности и правопорядка. Вследствие этого сотрудник органов внутренних дел обязуется подчиняться требованиям закона, ограничивающим его права и свободы, в том числе социальные, а также возлагающим на него особые публично-правовые обязанности.

Конституционный Суд Российской Федерации применительно к различным видам деятельности, связанной с осуществлением публичных функций, в своих решениях высказал суждение о том, что гражданин, добровольно избирая такой род занятий, соглашается с условиями и ограничениями, с которыми связан приобретаемый им правовой статус (определения Конституционного Суда

к оглавлению

Российской Федерации от 1 декабря 1999 г. № 219-О, от 7 декабря 2001 г. № 256-О, от 20 октября 2005 г. № 378-О, от 5 марта 2009 г. № 377-О-О).

Пунктом 4 части 3 статьи 4 Закона о службе установлено, что ограничение прав и свобод человека и гражданина в отношении сотрудника органов внутренних дел допускается федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для выполнения задач, связанных с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, и для обеспечения безопасности государства.

По общему правилу, исходя из особого правового статуса сотрудников органов внутренних дел, право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет имеют сотрудники органов внутренних дел женского пола, мужчины – сотрудники органов внутренних дел, воспитывающие ребенка совместно с матерью, безусловного права на такой отпуск не имеют.

Недопущение совмещения отцами (сотрудниками органов внутренних дел) исполнения своих служебных обязанностей с воспитанием малолетних детей при наличии материнского попечения посредством отпуска по уходу за ребенком, с одной стороны, обусловлено спецификой правового статуса сотрудников органов внутренних дел, а с другой – согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации), оправдано необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность. Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан как определенные ограничения, в части реализации ими гражданских прав и свобод, так и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О).

Поскольку служба в органах внутренних дел в силу предъявляемых к ней специфических требований исключает возможность неисполнения сотрудниками указанных органов своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, ограничение права отцов, проходящих службу в указанных органах и воспитывающих ребенка (детей) совместно с матерью, на использование отпуска по уходу за ребенком направлено на соблюдение баланса публичных и частных интересов (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 377-О-О).

к оглавлению

Предоставив право на отпуск по уходу за ребенком в порядке исключения только матерям из числа сотрудников органов внутренних дел и отцам – сотрудникам органов внутренних дел, воспитывающим детей без матери, законодатель исходил, во-первых, из особой, связанной с материнством, социальной роли женщины в обществе, а во-вторых, из необходимости обеспечения ухода за детьми, оставшимися без материнского попечения. В этой связи решение законодателя не может расцениваться как нарушение предусмотренных статьей 19 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства прав и свобод человека и гражданина, а также равноправия мужчин и женщин.

Кроме того, необходимо отметить, что в настоящее время Законом о службе в редакции Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 318-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусмотрено предоставление отпуска по уходу за ребенком в случае отсутствия материнского попечения по объективным причинам сотруднику, являющемуся отцом (усыновителем), опекуном, бабушкой, дедом и фактически осуществляющему уход за ребенком. Соответственно, ограничения, предусмотренные частью 8 статьи 56 Закона о службе, не связаны признаком пола сотрудника.

Таким образом, ограничения, установленные частью 8 статьи 56 Закона о службе, в части предоставления отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет сотрудникам органов внутренних дел – отцам (усыновителям, попечителям), воспитывающим ребенка без матери (в случае ее смерти, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам), согласуются со статьей 8 Конвенции и не являются дискриминацией по признаку пола во взаимосвязи со статьей 14 Конвенции.

3. В указанном постановлении ЕСПЧ признало, как в ранее вынесенном постановлении Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» от 22 марта 2012 г., дискриминацией отсутствие у мужчин-сотрудников органов внутренних дел возможности воспользоваться отпуском по уходу за ребенком, а также указало, что гендерные стереотипы, такие как восприятие женщин как основных лиц, осуществляющих уход за детьми, а мужчин как основных кормильцев в семье, не могут сами по себе являться достаточным оправданием для различий в обращении.

Справочно: Пункт 143 постановления Большой Палаты ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России»: Европейский Суд заключает из вышеизложенного, что ссылка на традиционное распределение гендерных ролей в обществе не может оправдывать исключение мужчин, включая военнослужащих, из числа лиц, которым предоставляется отпуск по уходу за ребенком. Европейский Суд согласен с Палатой в том, что гендерные стереотипы, такие как восприятие женщин как основных лиц, осуществляющих уход за детьми, а мужчин как основных кормильцев в семье, не могут сами по себе являться достаточным оправданием для

к оглавлению

различий в обращении, так же как и аналогичных стереотипов, основанных на расе, происхождении, цвете кожи и сексуальной ориентации.

Решение ЕСПЧ по делу «Константин Маркин против России» не исполнено.

В Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П Конституционный Суд Российской Федерации, в том числе имея в виду всю хронологию дела Маркина, обратил внимание на то, что окончательное решение ЕСПЧ в части, констатирующей нарушение конвенционных прав заявителя и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию, должно подлежать исполнению. Применительно же к пересмотру дела заявителя Конституционный Суд указал, что в случае, если суд общей юрисдикции придет к выводу о невозможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека без признания не соответствующими Конституции Российской Федерации законоположений, относительно которых ранее Конституционный Суд Российской Федерации констатировал отсутствие нарушения ими конституционных прав заявителя в конкретном деле, он правомочен приостановить производство и обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о проверке конституционности этих законоположений.

В связи с вынесением постановления по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» оно было включено в Перечень постановлений Европейского Суда по правам человека, в связи с которыми необходимо внесение изменений в законодательство Российской Федерации (Приложение к докладу о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации).

В рамках выполнение указанного постановления был разработан проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части предоставления военнослужащим мужского пола, проходящим военную службу по контракту, отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет», который был внесен Правительством Российской Федерации в Государственную Думу (распоряжение Правительства Российской Федерации от 3 июня 2014 г. № 942-р). Советом Государственной Думы 3 декабря 2015 г. принято решение о снятии указанного законопроекта с рассмотрения.

Что касается внесения изменений в законодательства в целях устранения гендерного неравенства при предоставлении отпусков по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет мужчинам-сотрудникам органов внутренних дел, то Верховным Судом Российской Федерации и Конституционным Судом Российской Федерации уже были выработаны следующие правовые позиции.

Так, в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 г. № 377-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Булгакова Николая Алексеевича на нарушение его конституционных прав частью седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации» указано, что поскольку правоохранительная служба в органах внутренних дел в силу предъявляемых к ней специфических требований исключает возможность неисполнения сотрудниками указанных органов своих

к оглавлению

служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, ограничение права отцов, проходящих службу в указанных органах и воспитывающих ребенка (детей) совместно с матерью, на использование отпуска по уходу за ребенком направлено на соблюдение баланса публичных и частных интересов и не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод данной категории лиц, в частности закрепленного статьей 38 (часть 2) Конституции Российской Федерации права на заботу о детях и их воспитание.

Кроме того, предоставив право на отпуск по уходу за ребенком в порядке исключения только матерям из числа сотрудников органов внутренних дел и отцам - сотрудникам органов внутренних дел, воспитывающим детей без матери, законодатель исходил, во-первых, из особой, связанной с материнством, социальной роли женщины в обществе, а во-вторых, из необходимости обеспечения ухода за детьми, оставшимися без материнского попечения. Поэтому такое решение законодателя не может расцениваться и как нарушение предусмотренных статьей 19 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации принципов равенства прав и свобод человека и гражданина, а также равноправия мужчин и женщин.

Аналогичная правовая позиция закреплена в определениях Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 № 566-О-О и от 24 января 2013 г. № 124-О.

Положения, аналогичные норме части седьмой статьи 54 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, закреплены в части 8 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Положения части 8 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ являлись предметом рассмотрения Верховного Суда Российской Федерации (определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2013 г. № 20-КГ13-34; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2017 г. № 46-КГ17-17).

В указанных определениях Верховный Суд Российской Федерации указал, что Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях сформулировал правовую позицию, согласно которой недопущение совмещения отцами - сотрудниками органов внутренних дел исполнения их служебных обязанностей с воспитанием малолетних детей при наличии материнского попечения посредством отпуска по уходу за ребенком, с одной стороны, обусловлено спецификой правового статуса сотрудников органов внутренних дел, а с другой - согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина (статья 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации), оправдано необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность. Служба в органах

к оглавлению

внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан как определенные ограничения в части реализации ими гражданских прав и свобод, так и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (определение от 16 апреля 2009 г. № 566-О-О).

Поскольку служба в органах внутренних дел в силу предъявляемых к ней специфических требований исключает возможность неисполнения сотрудниками указанных органов своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, ограничение права отцов, проходящих службу в указанных органах и воспитывающих ребенка (детей) совместно с матерью, на использование отпуска по уходу за ребенком направлено на соблюдение баланса публичных и частных интересов (определение от 5 марта 2009 г. № 377-О-О).

Вместе с тем частью 8 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ предусмотрено предоставление отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцам - сотрудникам органов внутренних дел, но только в случаях воспитания ими ребенка без матери, вызванного отсутствием объективной возможности ухода за ребенком матерью. Примерный перечень таких случаев приведен в названной норме, а именно: в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам.

Таким образом, при разрешении исковых требований о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцу - сотруднику органов внутренних дел обстоятельством, имеющим значение для дела, является определение факта наличия или отсутствия у ребенка материнского попечения как основания предоставления отцу - сотруднику органов внутренних дел отпуска по уходу за ребенком.

Учитывая изложенное, если постановление Европейского Суда по жалобе № 66180/09 «Груба и другие против России» вступит в силу, заявителям будут выплачены присужденные судом суммы в качестве компенсации морального вреда и судебных издержек и расходов.

Что касается внесения изменений в законодательство в целях устранения гендерного неравенства при предоставлении отпусков по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет мужчинам-сотрудникам органов внутренних дел, то необходимо руководствоваться выработанными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

к оглавлению

3.2. Постановление Европейского Суда по вопросам «домашнего насилия»

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 20289/10 «Барсова против России», вынесено и вступило в силу 22 октября 2019 года.

По делу обжалуется непредоставление эффективной защиты от домашнего насилия. постановлением установлено нарушение российскими властями статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с невыполнением обязательств по обеспечению Барсовой Д.М. надлежащей защиты от домашнего насилия со стороны ее мужа – Удалова В.П. ввиду недостатков нормативно-правового регулирования вопросов привлечения к ответственности за соответствующие преступные посягательства и ненадлежащего рассмотрения судом возбужденного заявительницей в отношении мужа дела частного обвинения.

Европейским Судом отмечено, что причиненное заявительнице физическое насилие, повлекшее утрату трудоспособности и зафиксированное в медицинских документах, а также испытанное ею «чувство страха, беспокойства и беспомощности» являются жестоким обращением по смыслу Конвенции и требуют от властей создания и применения на практике надлежащей нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту от такого рода посягательств со стороны физических лиц, а также проведения эффективного расследования соответствующих фактов.

Вместе с тем, как отмечено, российское уголовное законодательство не содержит специальных норм, предусматривающих ответственность за домашнее насилие или признающих его отягчающим обстоятельством других преступных деяний; оно оставляет за пределами уголовно-правовой защиты психологическое и экономическое давление, контролирующее и принуждающее поведение, а также требует, чтобы полученные жертвой травмы достигли определенной степени тяжести, чтобы они были признаны преступлением, подлежащим преследованию в рамках публичного обвинения.

Установлено, что травмы, полученные Барсовой Д.М., не были оценены как достаточно серьезные для инициирования преследования в рамках публичного обвинения (в рамках проверки ее заявления Центральным РОВД г. Воронежа и прокуратурой Центрального района г. Воронежа) и она была вынуждена для защиты своих прав сама обратиться в суд в рамках частного обвинения ее мужа по ст. 116 УК РФ. При этом, как указано, сотрудниками органов внутренних дел и прокуратуры (которые первоначально рассматривали ее заявление о жестоком обращении) заявительнице не оказывалась какая-либо помощь в сборе доказательств и представлении ее интересов в суде, у нее отсутствовало также право на бесплатную юридическую помощь.

к оглавлению

Установлено также, что судебный процесс по делу частного обвинения вотношении Удалова В.П. длился более 2-х лет, что повлекло истечение сроков давности привлечения обвиняемого к ответственности и прекращение в отношении него уголовного преследования. Сочтено, что данные обстоятельства напрямую связаны с недостатками судопроизводства по делу (осуществлялось мировыми судьями судебного участка № 3 Центрального района г. Воронежа), поскольку имели место неоправданно длительные перерывы между судебными заседаниями, слушания неоднократно откладывались, в том числе ввиду замены судей и выезда Удалова В.П. (из-за неприменения к нему судом предусмотренных законодательством ограничительных мер) в зарубежные командировки. Обращено также внимание, что, несмотря на данные недостатки, в дальнейшем заявительнице решением Воронежского областного суда от 10 мая 2011 г., оставленным в силе апелляционной инстанцией, было отказано в удовлетворении ее требований о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

В частности, заявительница жаловалась, что российские власти не предоставили ей эффективной защиты против актов домашнего насилия. Они допустили истечение срока исковой давности без привлечения виновного к какой-либо ответственности.

Суд повторяет, что вопрос домашнего насилия, которое может принимать различные формы - от физических нападений до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия - является проблемой общего характера, которая затрагивает в различной степени все государства-члены и касается различных членов семьи, хотя женщины составляют подавляющее большинство потерпевших. ***Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их защите подчеркивались в ряде международных инструментов и в сложившейся прецедентной практике Суда*** (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2008 года по делу «Беваква и С. против Болгарии», жалоба №71127/01, пункты 64-65; постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции», жалоба №33401/02, пункты 72-86 и 132, и постановление Европейского Суда от 30 ноября 2010 года по делу «Гайдуова против Словакии», жалоба № 2660/03, пункт 46).

Суд отмечает, что заявительница испытывала физическое насилие со стороны ее мужа, что отражено в медицинских документах. Суд признает, что нанесенные травмы, которые сделали ее нетрудоспособной на период в течение десяти дней, ***достигли необходимой степени жестокости в соответствии со статьей 3 Конвенции***. Суд также признает, что, помимо физических травм, важным аспектом домашнего насилия является ***психологическое воздействие*** (см. постановление Суда от 26 марта 2013 года по делу «Валиулиене против Литвы», жалоба № 33234/07, пункт 69). Чувства страха, беспокойства и беспомощности, которые должна была испытывать заявительница в связи с контролирующим и принуждающим поведением ее мужа, были достаточно серьезными, чтобы являться ***равноценными бесчеловечному обращению***

к оглавлению

в значении статьи 3 Конвенции (см. постановление Суда от 28 мая 2013 году по делу «Еремия против Республики Молдова», жалоба № 3564/11, пункт 54).

Если было продемонстрировано, что обращение достигло минимального уровня жестокости, что влечет защиту на основании статьи 3 Конвенции, Суду следует рассмотреть вопрос о том, ***выполнили ли власти государства свое позитивное обязательство по статье 1 Конвенции, толкуемой в совокупности со статьей 3, для обеспечения того, чтобы частные лица, находящиеся под его юрисдикцией, были защищены от всех форм жестокого обращения, включая случаи, когда такое обращение имеет место со стороны физических лиц***. Эти позитивные обязательства, которые являются взаимосвязанными, включают, в частности, обязательство создания и применения на практике надлежащей нормативно-правовой основы, обеспечивающей защиту против жестокого обращения со стороны физических лиц, и обязательство проведения эффективного расследования по небезосновательной жалобе на жестокое обращение (см. упомянутое выше постановление по делу «Беваква и С. против Болгарии», пункт 65; упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункты 144-45 и 162-65; упомянутое выше постановление по делу «Еремия против Республики Молдова», пункты 49-52 и 56; упомянутое выше постановление по делу «Валиулиене против Литвы», пункты 74-75; постановление Европейского Суда от 27 мая 2014 года по делу «Румор против Италии», жалоба № 72964/10, пункт 63; постановление Европейского Суда от 2 марта 2017 года по делу «Тальпис против Италии», жалоба № 41237/14. пункты 100-06; а также постановление Суда от 23 мая 2017 года по делу «Бэлшан против Румынии», жалоба № 49645/09, пункт 57).

Что касается вопроса, предоставляла ли правовая система государства-ответчика надлежащую защиту от домашнего насилия, Суд повторяет, что обязательство государства в делах, связанных с актами домашнего насилия, как правило, ***требует от национальных органов власти принятия позитивных мер в сфере уголовно-правовой защиты***. Такие меры, в частности, включают криминализацию актов насилия в семье, обеспечивая эффективные, пропорциональные и сдерживающие санкции. Привлечение к ответственности виновных в актах насилия призвано обеспечить, чтобы такие действия не игнорировались компетентными органами, и предоставить эффективную защиту от них (см. постановление Суда от 14 октября 2010 года по делу «А. против Хорватии, жалоба № 55164/08, пункт 67; упомянутое выше постановление по делу «Валиулиене против Литвы», пункт 71; упомянутое выше постановление по делу «Еремия против Республики Молдова», пункт 57; а также постановление Суда от 11 июля 2017 года по делу «Ж.Б. против Хорватии», жалоба № 47666/13, пункт 50).

Россия не приняла особое законодательство для борьбы с насилием, происходящим в семьях, будь то в период рассматриваемых событий либо в настоящий момент. Акты домашнего насилия не представляют собой отдельного преступления по российскому законодательству и не являются

к оглавлению

отягчающим обстоятельством любого иного преступления. Российское законодательство не содержит никаких положений, усиливающих наказание за акты домашнего насилия, и не проводит различие между домашним насилием и насилием, причиненным третьими лицами. ***Действующие положения Уголовного кодекса не только оставляют многие формы домашнего насилия, такие как психологическое или экономическое давление или контролирующее или принуждающее поведение, за пределами уголовно-правовой защиты, но также требуют, чтобы травмы достигали определенной степени тяжести, чтобы они могли быть признаны преступлением, подлежащим преследованию в рамках публичного обвинения.***

Травмы, полученные заявительницей, не рассматривались как достаточно серьезные для инициирования преследования в рамках публичного обвинения. У нее была единственная возможность – требовать восстановления своих прав в рамках частного обвинения ее мужа по преступлению «побои» в соответствии со статьей 116 Уголовного кодекса, что не требовало доказательства причинения фактических телесных повреждений или длительного вреда здоровью. Тот факт, что данное преступление являлось предметом частного обвинения, означал, что возбуждение и ведение уголовного дела были оставлены на ее усмотрение, и что она должна была собрать доказательства, которые могли доказать вину причинителя насилия согласно уголовному стандарту доказывания. Суд уже признавал, что эффективная защита конвенционного права на физическую неприкосновенность не требует судебного преследования в форме государственного обвинения во всех делах о нападениях, совершенных физическими лицами (см. постановление Суда от 5 марта 2009 года по делу «Сандра Янкович против Хорватии», жалоба № 38478/05, пункт 50). В контексте домашнего насилия, тем не менее, Суд посчитал, что ***возможность возбудить производство в рамках частного обвинения не является достаточной мерой, так как такое производство требует времени и средств*** (см. упомянутое выше постановление Суда по делу «Беваква и С.», пункт 83).

Заявительница не получала помощь от государственных органов власти в ходе разбирательства в рамках частного обвинения против ее мужа, подвергшего ее жестокому обращению. Никто из полицейских не помогал ей собирать доказательства. Никто из прокуроров не выразил готовность составить правовые документы от ее имени или обеспечить защиту ее прав в суде. Жертвы домашнего насилия не имеют права на бесплатную юридическую помощь в российской правовой системе, поэтому заявительница сама несла расходы по представлению своих собственных интересов. Ей также приходилось временно оставлять работу и ребенка, чтобы присутствовать на слушаниях. Ведение производства против причинителя насилия полностью зависело от ее упорства и решимости привлечь его к ответственности.

Суд считает, что оставление жертвы домашнего насилия, такой как заявительница в настоящем деле, ***действовать лишь своими силами в производстве по частному обвинению возложило на нее чрезмерное бремя.***

к оглавлению

Российская правовая основа, которая не определяет домашнее насилие как отдельное преступление либо отягчающее обстоятельство других преступлений и устанавливает минимальный порог тяжести телесных повреждений, требуемых для возбуждения уголовного преследования в форме публичного обвинения, не соответствует требованиям, присущим позитивному обязательству государства ввести в действие и эффективно применять систему, обеспечивающую наказание за все формы домашнего насилия и обеспечивающую достаточные гарантии для потерпевших (см. упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункт 145).

Возвращаясь к обязательству государства проводить эффективное расследование по всем случаям домашнего насилия, которое способно привести к наказанию виновных, Суд повторяет, что требование своевременности и тщательности, предусматриваемое статьей 3, применяется к производству в целом, включая стадию судебного разбирательства (см. постановление Европейского Суда от 15 января 2015 года по делу «М.А. против Словении», жалоба № 3400/07, пункт 48, и постановление Европейского Суда от 13 июня 2017 года по делу «Костецкас против Литвы», жалоба № 960/13, пункт 41). При работе с делами о домашнем насилии требуется особая тщательность, а в ходе судопроизводства необходимо принимать в расчет особый характер домашнего насилия. Данное обязательство не будет выполнено, если защита, предусмотренная национальным правом, существует лишь в теории; прежде всего она также должна эффективно применяться на практике, что требует быстрого рассмотрения дела без лишних задержек (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции», пункты 145-51 и 168; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Тальпис против Италии», пункты 106 и 129, и постановление Европейского Суда от 28 января 2014 года по делу «Т.М. и С.М. против Республики Молдова», жалоба № 26608/11, пункт 46). Нарушения были установлены в делах, где судопроизводство длилось необоснованно долго либо прекращалось в силу окончания срока давности, что позволяло обвиняемым нарушителям избежать ответственности (см. упомянутое выше постановление по делу «Опуз против Турции», пункт 151, и постановление Европейского Суда от 24 января 2012 года по делу «П.М. против Болгарии», жалоба № 49669/07, пункты 64-66). ***Принцип эффективности означает, что национальные судебные органы ни при каких обстоятельствах не должны оставлять безнаказанным причинение физических или психологических страданий***. Это имеет важное значение для сохранения уверенности общества в верховенстве права и общественной поддержки данного института, а также для предупреждения проявления толерантности или негласного пособничества насильственным действиям со стороны органов власти (см. постановление Европейского Суда по делу «Оккали против Турции», жалоба № 52067/99. пункт 65).

Разбирательства против лица, применившего насилие к заявительнице, велись в суде первой инстанции более двух лет, до тех пор, пока судебное

к оглавлению

преследование было прекращено ввиду истечения срока давности. Незначительный срок давности объясняется тем, что в российском законодательстве «побои» классифицируются как преступление незначительной степени тяжести, независимо от того, раскрывают ли обстоятельства дела простое столкновение с незнакомым лицом или серьезный акт домашнего насилия. Тем не менее, Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела период в два года не был настолько коротким, чтобы оправдать неспособность российских судов довести судебное разбирательство до стадии вынесения приговора. Данное дело не было сложным и включало, фактически, один случай насилия. Личность нарушителя была известна и не оспаривалась. Медицинское заключение, подтверждающее требования заявительницы, было представлено с первого дня судопроизводства; дополнительное медицинское освидетельствование было проведено за один день.

Суд считает, что многочисленные задержки в судопроизводстве были прямо связаны с тем, как российские суды рассматривали данное дело. Неоднократные замены судьи в суде первой инстанции отложили начало судебного разбирательства, как минимум, на несколько месяцев (для сравнения см. постановление Европейского Суда от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России», жалоба № 62936/00, пункт 191). Темп последовавшего судебного разбирательства нельзя описать иначе, как исключительно медленный. Слушания никогда не назначались на следующие подряд дни, или по крайней мере недели, а проводились с длительными интервалами в месяц. Один раз в 2007 году судебное заседание было отложено на три месяца с целью проведения однодневного медицинского освидетельствования. В 2008 году, когда срок давности привлечения к ответственности почти истек, жалоба заявительницы председателю вышестоящего суда не привела к признанию задержек или к мерам, которые могли бы ускорить судебное разбирательство. Вместо этого было принято решение об очередной замене судьи, вследствие чего судебное разбирательство должно было начаться заново (ср. постановление Европейского Суда от 20 мая 2008 года по делу «Хусейн Шимшек против Турции» (жалоба №68881/01, пункт 69). Позже в том же году районному суду понадобилось более трех месяцев, чтобы отменить необоснованное решение судьи первой инстанции о приостановлении судопроизводства.

Что касается утверждения Властей, что они не несут ответственность за задержки по вине подсудимого, Суд повторяет, что ***национальные органы власти обязаны ограничивать поведение стороны разбирательства, характеризующееся злоупотреблениями и направленное на затягивание процесса*** (см. постановление Европейского Суда от 28 мая 2009 года по делу «Нестерова против Украины», жалоба № 10792/04, пункт 43). Ряд слушаний не состоялся ввиду отсутствия ее мужа в России. Власти не представили никаких пояснений, почему ее мужу была предоставлена свобода передвижения на его усмотрение в течение всей продолжительности судопроизводства. Его отсутствие в России не было непрерывным: он присутствовал на нескольких судебных

к оглавлению

слушаниях с апреля по октябрь 2007 года, а также после октября 2008 года. Судья первой инстанции не воспользовался данными случаями, чтобы обеспечить его присутствие на последующих слушаниях: не потребовал от него предоставить обязательство явки и не применил стандартную меру пресечения, используемую в уголовном производстве, а именно, не взял с него обязательство не покидать город без соответствующего разрешения. Судья также не связался с департаментом кадров Министерства внутренних дел с целью отзыва его из командировки. Таким образом, суд никоим образом не отреагировал на поведение подсудимого, направленное на затягивание процесса (см. постановление Европейского Суда от 8 января 2009 года по делу «Рыпакова против России», жалоба № 16004/04, пункт 34, и постановление Европейского Суда от 22 сентября 2005 года по делу «Соколов против России», жалоба № 3734/02, пункт 40). Неограниченная свобода передвижения поставила подсудимого – лицо, персонально заинтересованное в том, чтобы срок исковой давности истек до того, как будет вынесено решение по делу – в положение, позволяющее контролировать темп ведения судебного разбирательства. Суд повторяет, что судебные власти несут полную ответственность за организацию судебных разбирательств таким образом, чтобы они были оперативными и эффективными (см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 2002 года по делу «Митчелл и Холлоуэй против Соединенного Королевства», жалоба № 44808/98, пункт 56, и постановление Европейского Суда от 29 мая 2008 года по делу «Никоненко против Украины», жалоба № 14089/03, пункт 25). В настоящем деле, не применяя меры, доступные согласно национальному законодательству для обеспечения присутствия подсудимого в зале суда, ***власти несут ответственность за то, что не смогли обеспечить рассмотрение дела в разумный срок, и за то, что виновный в домашнем насилии не был привлечен к ответственности***.

Суд повторяет, что хотя национальные суды должны поддерживать права подсудимого в ходе судебного процесса, они также должны обеспечить надлежащую защиту потерпевших, в частности, если они принадлежат к категории уязвимых лиц (см. постановление Европейского Суда от 18 января 2011 года по делу «Ристич против Сербии», жалоба № 32181/08, пункт 50). В настоящем деле, однако, вызвало обеспокоенность не только то, что жертве жестокого обращения крайне не хватало надлежащей защиты в ходе судебного разбирательства, но и последовавшая ситуация безнаказанности, достаточная для того, чтобы усомниться в способности судебного механизма, задействованного в настоящем деле, оказать достаточное сдерживающее воздействие с целью защиты женщин от домашнего насилия (в аналогичном контексте уязвимых жертв жестокого обращения, см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Оккали против Турции», пункт 70, и постановление Европейского Суда от 20 января 2015 года по делу «Атесоглу против Турции», жалоба № 53645/10, пункт 27).

Суд наконец отмечает, что прекращение уголовного производства против мужа заявительницы по нереабилитирующим основаниям не мешало

к оглавлению

заявительнице подать гражданский иск против него. Нельзя сказать, что ей было отказано в доступе к суду для определения ее гражданских прав (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 25 июня 2019 года по делу «Николае Вирджилиу Гэнасе против Румынии», жалоба № 41720/13, пункты 200-01). Тем не менее, такой гражданский иск мог привести лишь к выплате компенсации, но не наказанию виновного. Соответственно, это не способствовало бы выполнению государством своего процессуального обязательства по статье 3 в отношении привлечения к ответственности за жестокое обращение (см. упомянутое выше постановление по делу «Оккали против Турции», пункт 78; постановление Европейского Суда от 25 июня 2009 года по делу «Беганович против Хорватии», жалоба № 46423/06, пункт 56, и постановление Суда от 11 марта 2014 года по делу «Абду против Болгарии», жалоба №26827/08, пункт 51).

Учитывая недостатки российского законодательства, касающиеся домашнего насилия, и то, каким образом российские суды рассматривали дело заявительницы, не рассмотрев ее жалобы в разумный срок и не подвергнув санкциям причинителя насилия за поведение, направленное на затягивание судебного разбирательства, тем самым, оставляя безнаказанными причиненные ей страдания, Суд считает, что государство не выполнило свои обязательства согласно статье 3 Конвенции. Соответственно, имело место нарушение данного положения.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статей 6 и 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице по **7 500** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **9 196** евро.

2. Постановление Европейского Суда по жалобе № 65557/14 «Польшина против России», вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года.

По делу обжалуется непредоставление эффективной защиты от домашнего насилия. Настоящее дело касается невыполнения властями Российской Федерации каких-либо действий по предотвращению и судебному преследованию актов домашнего насилия в отношении заявительницы и по борьбе с дискриминационными последствиями домашнего насилия для женщин в целом. По делу было допущено нарушение статей 3 и 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Применительно к нарушению статьи 3 Конвенции отмечено, что Польшина С.С. в период с августа 2011 года по декабрь 2012 года 4 раза обращалась в органы внутренних дел г. Санкт-Петербурга (77 и 71 отделы полиции УМВД России по Адмиралтейскому и Петроградскому районам соответственно) с заявлениями о физическом и психологическом насилии со

к оглавлению

стороны мужа - Польшина А.А. (побои, угрозы, в том числе убийством), однако не получила защиты от его противоправного поведения.

Указано также, что, несмотря на «заслуживающие доверия утверждения» заявительницы и полученные ею травмы (подтвержденные медицинскими документами и ссылками на очевидцев имевших место событий), ни по одному из её заявлений не были возбуждены уголовные дела; проведенные доследственные проверки в основном базировались на объяснениях Польшина С.С., а вынесенные по их результатам постановления об отказе в возбуждении уголовного дела неоднократно отменялись органами прокуратуры ввиду неполноты проверочных действий.

Обращение Польшиной С.С. к судебным средствам правовой защиты, как отмечено, также не позволило установить обстоятельства насильственных действий в отношении заявительницы, защитить ее от домашнего насилия и привлечь виновное лицо к ответственности.

Отмечено, в частности, что Петроградским и Ленинским районными судами г. Санкт-Петербурга по формальным основаниям было отказано в удовлетворении жалоб Польшиной С.С. на вынесенные органами внутренних дел постановления, что процесс по возбужденному ею в суде делу частного обвинения против мужа был чрезмерно длительным и обременительным для заявительницы с малолетним ребенком (состоялось 23 судебных заседания) и завершился прекращением производства по делу за примирением сторон при том, что суд (мировой судья судебного участка № 9 г. Санкт-Петербурга) не установил обстоятельства нападений на заявительницу и не убедился, что ей была предоставлена надлежащая защита и достаточная компенсация.

Кроме того, как отмечено, заявительнице ***не было оказано какого-либо содействия со стороны органов полиции и прокуратуры при сборе доказательств и представлении её интересов в суде по делу частного обвинения о домашнем насилии.***

Обращено также внимание, что вынесение судом постановления о прекращении за примирением сторон производства по делу частного обвинения о нанесении побоев (13 августа 2011 года и 20 ноября 2012 года) Польшиной С.С. ее мужем явилось основанием для принятия органами внутренних дел решений об отказе в возбуждении уголовного дела по другим фактам насильственных действий Польшина А.А. (3 июля и 4 декабря 2012 года) в отношении заявительницы, которые не были предметом судебного рассмотрения и мирного урегулирования по делу частного обвинения.

В частности, Европейский Суд напоминает, что проблема ***домашнего насилия, которое может принимать различные формы, от физического нападения до сексуального, экономического, эмоционального или словесного насилия,*** является общей проблемой, которая затрагивает в различной степени все государства-члены, но не всегда проявляется, поскольку часто имеет место в межличностных отношениях или закрытых сообществ. Особая уязвимость жертв домашнего насилия и необходимость активного участия государства в их

к оглавлению

защите подчеркиваются в ряде международных документов и прочно установлены в прецедентной практике Европейского Суда (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бевака и С. против Болгарии» от 12 июня 2008 г., жалоба № 71127/01, пункт 64-65, Постановление Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» от 9 июня 2009 г., жалоба № 33401/02, пункт 72-86 и 132, и Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации» от 9 июля 2019 г., жалоба № 41261/17, пункт 71-72).

Европейский Суд отмечает, что заявительница подвергалась физическому насилию со стороны ее мужа, позднее бывшего, что было зафиксировано в медицинских документах. Ее телесные повреждения сами по себе не достигали уровня жестокости, требуемого в соответствии со статьей 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 74). ***Помимо физических травм, психологическое воздействие представляет собой важный аспект домашнего насилия.*** Заявительница сообщала в полицию об угрожающем поведении со стороны мужа. Он запер ее на ночь в квартире, поэтому она не могла выйти или позвонить кому-либо. Его угрозы заставляли ее бояться за свою безопасность, поэтому она переезжала, не сообщая мужу свой новый адрес. Однако она не могла избежать встреч с ним, поскольку он был отцом ее ребенка. Их встречи приводили к новым нападениям. Чувства страха, тревоги и беспомощности, которые заявительница должна была испытывать в связи с контролирующим и агрессивным поведением мужа, были достаточно серьезными, чтобы представлять собой бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3 Конвенции (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 75).

После того, как было установлено, что ***обращение достигало уровня тяжести, гарантирующего защиту статьи 3 Конвенции***, Европейскому Суду необходимо рассмотреть вопрос о том, выполнили ли органы государственной власти свои позитивные обязательства, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, по обеспечению того, что лица, находящиеся под их юрисдикцией, защищены от любых форм жестокого обращения, в том числе со стороны частных лиц. ***Данные позитивные обязательства, которые взаимосвязаны между собой, включают обязанность:***

(a) создавать и применять на практике соответствующую правовую основу, предоставляющую защиту от жестокого обращения со стороны частных лиц;

(b) принимать разумные меры, которых можно ожидать, с целью предупреждения реального и непосредственного риска жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать;

(c) проводить эффективное расследование в случае получения доказуемых утверждений о жестоком обращении (см. упомянутое выше

Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 76 - 77).

Что касается того, создали ли власти Российской Федерации соответствующую нормативную правовую основу для решения проблемы домашнего насилия, Европейский Суд уже установил, что ***в Российской Федерации не было принято специального законодательства по данному вопросу.*** Акты домашнего насилия не являются отдельным преступлением в соответствии с законодательством Российской Федерации или отягчающим обстоятельством совершения иных преступлений. Законодательство Российской Федерации не содержит положений об ужесточении наказания в связи с актами домашнего насилия или о проведении различия между домашним насилием и насилием со стороны незнакомых лиц. Существующие положения уголовного законодательства не способны надлежащим образом охватить различные аспекты домашнего насилия. Они оставляют за пределами защиты уголовного права многие формы домашнего насилия такие, как психологическое или экономическое насилие или контролирующее и агрессивное поведение. Они также требуют, чтобы реальные телесные повреждения были определенной степени тяжести для того, чтобы речь могла идти о деле публичного обвинения, оставляя преследование за менее тяжкие преступления на усмотрение потерпевшего. Однако возможности инициировать производство в порядке частного обвинения недостаточно в контексте домашнего насилия, поскольку такое производство требует времени и средств и налагает чрезмерное бремя на потерпевшую сторону. Задержки производства по делам частного обвинения и низкая вероятность добиться осуждения обвиняемого подрывают право потерпевших на доступ к правосудию (см. фактически аналогичную ситуацию в Постановлении Европейского Суда по делу «Барсова против Российской Федерации» от 22 октября 2019 г., жалоба № 20289/10, пункт 37, и упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 81-84 и 123).

Российская Федерация остается в числе немногих государств-членов, законодательство которых не предоставляет жертвам домашнего насилия каких-либо мер защиты, сравнимых со «сдерживающими приказами», «защитными приказами» или «приказами безопасности», которые предусмотрены в законодательстве других государств - членов Совета Европы. ***Целью данных приказов являются предупреждение повторения домашнего насилия и ограждение жертв такого насилия обычно путем предписания виновному лицу покинуть место совместного проживания и не приближаться или не контактировать с потерпевшей*** (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 86-89). Власти Российской Федерации в своих замечаниях по делу не указали альтернативных сдерживающих мер, которые власти могли принимать для предотвращения повторения эпизодов насилия в отношении заявительницы.

к оглавлению

Таким образом, Европейский Суд подтверждает свой вывод о том, что ***нормативная правовая база Российской Федерации не соответствует требованиям, вытекающим из позитивного обязательства государства создать и эффективно применять систему наказания в отношении всех форм домашнего насилия и обеспечения достаточных гарантий для потерпевших*** (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 85). У заявительницы не было возможности добиться улучшения ситуации в ответ на ее жалобы, связанные с отсутствием защиты от домашнего насилия, в рамках того или иного производства.

Обращаясь к следующей обязанности, а именно ***по проведению эффективного расследования инцидентов домашнего насилия так, чтобы оно могло привести к наказанию виновных***, Европейский Суд напоминает, что в подобных делах требуется проявлять особую тщательность и что в ходе производства по делу необходимо принимать во внимание особый характер домашнего насилия. ***Обязанность государства провести расследование не будет выполнена, если защита предоставляется законодательством страны только в теории; прежде всего она должна эффективно действовать на практике, что требует оперативного рассмотрения дела без ненужных задержек*** (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 92).

С августа 2011 года заявительница сообщила в полицию как минимум о четырех инцидентах серьезного насилия или угроз применением насилия со стороны мужа и представила доказательства, в том числе медицинские справки и имена свидетелей, в подтверждение своих утверждений. Ее заявления представляли собой доказуемое утверждение о жестоком обращении, и каждый инцидент требовал от властей Российской Федерации проведения расследования, соответствующего требованиям статьи 3 Конвенции.

Однако на протяжении более двух лет продолжающегося преследования со стороны мужа (бывшего мужа) власти так и не возбудили уголовное дело по факту использования насилия или угрозы применения насилия в отношении заявительницы. Полиция провела ряд «доследственных проверок», которые неизбежно завершались отказом в возбуждении уголовного дела и проведении полномасштабного расследования. Европейский Суд последовательно придерживался мнения о том, что ***отказ в возбуждении уголовного дела в ответ на правдоподобные утверждения о серьезном жестоком обращении указывает на невыполнение государством его процессуальной обязанности, предусмотренной статьей 3 Конвенции***. «Доследственная проверка» сама по себе не может соответствовать требованиям эффективного расследования в соответствии статьей 3 Конвенции. Данная предварительная стадия слишком ограничена и не может привести к судебному разбирательству и наказанию виновных, поскольку возбуждение уголовного дела и проведение по нему расследования являются необходимыми условиями для предъявления обвинения,

к оглавлению

которое впоследствии может быть рассмотрено судом (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 95, и приведенные в нем).

Европейский Суд не убежден в том, что власти Российской Федерации предприняли серьезную попытку установить обстоятельства нападений или рассматривали серию насильственных действий как единое целое, как это требуется в делах о домашнем насилии. В большинстве случаев проверки ограничивались получением показаний мужа относительно его версии событий. Они не включали в себя получение показаний свидетелей, контактные данные которых предоставила заявительница, или медицинскую экспертизу ее телесных повреждений. Не ссылаясь на какие-либо соответствующие правовые акты, ***полиция произвольно завысила требования, предъявляемые к доказательствам, необходимым для возбуждения уголовного дела,*** утверждая, что угрозы убийством должны быть физическими, а не словесными, чтобы за них можно было подвергать лицо уголовному преследованию. Однако Европейский Суд напоминает, что угрозы являются формой психологического насилия, и уязвимая жертва может испытывать страх независимо от объективного характера такого запугивающего поведения. Власти со своей стороны должны всегда предпринимать серьезную попытку выяснить, что произошло на самом деле, и не должны делать поспешные или необоснованные выводы, чтобы прекратить расследование (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Володина против Российской Федерации», пункт 98).

Телесные повреждения, которые были причинены заявительнице, не были признаны достаточно серьезными для того, чтобы начать преследование в рамках публичного обвинения. Ей пришлось добиваться восстановления своих прав в рамках преследования в отношении бывшего мужа по делу частного обвинения о побоях, что не требовало доказывания наличия телесных повреждений или причинения какого-либо вреда здоровью. Тот факт, что это было дело частного обвинения, означал, что возбуждение и продолжение производства по уголовному делу было полностью оставлено на ее усмотрение. ***Она не получала какой-либо помощи от властей в рамках данного производства. Полиция не помогала ей собирать доказательства***. Прокурор не оказал ей помощь в составлении юридических документов от ее имени или защите ее прав в суде. Продолжение производства по уголовному делу полностью зависело от ее усилий и целеустремленности. После проведения 23 судебных заседаний, в каждом из которых заявительница была обязана присутствовать, суд утвердил мировое соглашение о прекращении производства по делу, не проверив, были ли заявительнице предоставлены надлежащая защита и достаточная компенсация за ее страдания. В рамках данного производства не были выяснены факты, касавшиеся нападений на заявительницу, и не было установлено лицо, которое несло за это ответственность. Вытекающая из этого безнаказанность нападавшего была достаточной для того, чтобы бросить тень на способность судебного

к оглавлению

механизма, задействованного в настоящем деле, произвести достаточно отпугивающий эффект для защиты женщин от домашнего насилия.

Что касается исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Европейский Суд отмечает, что прокуроры отменили некоторые постановления полиции, вынесенные по итогам доследственных проверок. По-видимому, они установили, что жалобы заявительницы были достаточно серьезными и требовали дополнительного рассмотрения. Однако сотрудники полиции не предприняли каких-либо дополнительных мер для расследования и снова выносили постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, формулировки данных постановлений по существу воспроизводили текст предыдущих постановлений. Обращение в суд с жалобой на постановления полиции об отказе в возбуждении уголовного дела не улучшило положение заявительницы. ***Даже после того, как суд постановил, что неустранение недостатков, выявленных прокурорами, нарушило права заявительницы, следователи полиции не предприняли попыток исправить эти недостатки.*** Сотрудники полиции постановили закрыть дело, ссылаясь на те же судебные решения, в которых суды отказались рассмотреть по существу вопрос об адекватности расследования на основании того, что предыдущие постановления полиции уже были отменены прокурорами. При таких обстоятельствах Европейский Суд считает, ***что новое обращение в суд с жалобой на идентичные постановления полиции было бы лишено какой-либо практической цели***. Следовательно, он отклоняет предварительный довод властей Российской Федерации о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Нечто против Российской Федерации» от 24 января 2012 г., жалоба № 24893/05, пункт 82).

Ввиду недостатков законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с домашним насилием и того, как власти Российской Федерации отреагировали на правдоподобные утверждения заявительницы о жестоком обращении, Европейский Суд приходит к выводу, что они не выполнили свои обязательства, предусмотренные статьей 3 Конвенции. Соответственно, по делу было допущено нарушение статьи 3 Конвенции.

Применительно к нарушению ст. 14 Конвенции отмечено, что к общей ситуации в России с домашним насилием в отношении женщин и обеспечения гендерного равенства в рассматриваемый период полностью применимы выводы, изложенные в постановлении по жалобе № 41261/17 «Володина против России».

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции и статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице по **20 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **23 000** евро.

к оглавлению

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

1. К преступлениям в сфере семейно-бытовых отношений относят побои (статья 116 Уголовного кодекса Российской Федерации, далее – УК), нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (статья 1161 УК), умышленное причинение легкого, средней тяжести вреда здоровью (статьи 115, 112 УК), угрозу убийством (статья 119 УК), истязание (статья 117 УК), а также преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних (статьи 150, 151, 156 УК).

Расследование таких уголовных дел имеет превентивную направленность и является одной из профилактических форм предупреждения совершения более тяжких преступлений.

Раскрытие и расследование преступлений рассматриваемой категории осложняется нежеланием потерпевших принимать участие в официальной огласке семейных отношений, самоустранением очевидцев от информирования полиции об известных фактах насилия.

Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК) дополнен такой мерой пресечения, как запрет определенных действий и заключается в применении запретов (часть шестая статьи 105^1 УПК):

– находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них;

– общаться с определенными лицами;

– отправлять и получать почтово-телеграфные отправления;

– использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Применение данной меры пресечения, в том числе по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 116 и 116^1 УК, позволит исключить нежелательные контакты потерпевшего с подозреваемым или обвиняемым.

Нормативным правовым актом, направленным на создание дополнительных гарантий и эффективной защиты от домашнего насилия, является Федеральный закон от 16 октября 2019 г. № 337-ФЗ «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона «О полиции» (далее – Федеральный закон № 337-ФЗ).

Федеральный закон № 337-ФЗ наделил сотрудников полиции правом объявлять физическому лицу официальное предостережение (предостережение) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения.

к оглавлению

Во исполнение законодательства издан приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения».

Часть третья статьи 11 (охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве) УПК обязывает суд, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, орган дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, а также его близкому родственнику, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, принять в отношении них предусмотренные УПК меры безопасности, а также иные меры безопасности, предусмотренные Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (далее – Федеральный закон № 119-ФЗ).

В соответствии с частью 2 статьи 3 Федерального закона № 119-ФЗ решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело, если иное не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Из взаимосвязанных положений части 3 статьи 3 и частей 2^3, 4 статьи 18 Федерального закона № 119-ФЗ следует, что меры безопасности осуществляются уполномоченными органами, в том числе органами внутренних дел Российской Федерации, на основании постановления о применении мер безопасности, выносимого перечисленными должностными лицами.

Кроме этого, при анализе правоприменительной практики установлено, что применение карательных (запретительных) мер к правонарушителю порождает еще большую агрессию с его стороны к жертве (как «виновнику» таких мер) и не способствует оздоровлению обстановки в семье.

В этой связи МВД России (не отвергая в целом идею дополнительных мер профилактики бытового насилия) предложено придать законопроекту «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» ярко выраженную социальную направленность, сконцентрировав усилия на профилактике семейно-бытового насилия именно госорганов социального блока.

В качестве дополнительных направлений их деятельности инициировано:

1. Проведение мероприятий по:

а) формированию в обществе непримиримого отношения к семейному насилию;

б) поддержанию семейного благополучия, здорового климата в семье;

к оглавлению

в) содействию гражданам в мобилизации их собственных ресурсов по преодолению сложных жизненных ситуаций;

г) повышению стрессоустойчивости и психологической культуры населения, особенно в сфере межличностного, семейного, родительского общения.

2. Развитие сети учреждений специализированного социального обслуживания.

3. Расширение их функционала (не только предоставлять убежище) в части:

а) оказания правовой, психологической, медицинской помощи жертвам насилия;

б) реализации психокоррекционных программ с агрессорами для их ресоциализации и нормализации их поведения в целях сохранения семьи;

в) социального патронажа лиц, нуждающихся в социальной помощи.

2. В целях повышения профессионального уровня сотрудников органов внутренних дел МВД России ранее разработаны и направленны в территориальные органы информационно-методические материалы: «Психологические аспекты допроса потерпевших при производстве дознания (исх. № 90/1184 от 10.07.2013), «Особенности привлечения законных представителей при расследовании уголовных дел с участием несовершеннолетних (исх. № 90/2066 от 25.11.2013), «Особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних» (исх. № 90/1399 от 26.08.2014), «О порядке рассмотрения сообщений о преступлениях, уголовное преследование по которым осуществляется в частном порядке» (исх. № 1/9075 от 02.10.2014), «Предупреждение преступлений дознавателем» (исх. № 90/958 от 27.05.2016), «Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных частями первыми статей 150 и 151 УК» (исх. № 90/543 от 03.04.2017).

На постоянной основе проводится работа по методическому обеспечению профилактики правонарушений.

По заказу ГУОООП МВД России в настоящее время научными и образовательными организациями МВД России осуществляется подготовка трех методических пособий, связанных с тематикой предотвращения семейно-бытового насилия: Нижегородской академией МВД России (Профилактическая деятельность участковых уполномоченных полиции в сфере семейно-бытовых конфликтов, их пресечение и меры процессуального реагирования); ФГКУ «ВНИИ МВД России» (аналитический обзор «Насильственная преступность в отношении членов семьи»); Санкт-Петербургский университет МВД России (Деятельность участковых уполномоченных полиции по предупреждению и пресечению семейного насилия в отношении женщин).

В целях совершенствования деятельности подразделений дознания территориальных органов МВД России в 2021 ФГКУ «ВНИИ МВД России» осуществлена подготовка методического пособия на тему «Особенности

к оглавлению

квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьей 116^1 УК».

3. МВД России трижды рассматривался проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», по результатам высказан ряд предложений о необходимости его доработки.

В частности, замечания МВД России (от 12 декабря 2019 года) по законопроекту (в редакции, размещенной на официальном сайте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 29 ноября 2019 года для общественного обсуждения) заключаются в несогласии с отведением главной роли в профилактике семейно-бытового насилия органам внутренних дел с акцентом на введение института защитных предписаний.

Вместе с тем полиция уже наделена достаточным спектром механизмов предупреждения преступлений указанного вида, включая такие формы воздействия, как профилактические беседа и учет, объявление официального предостережения, которые предельно схожи с мерами, предлагаемыми в защитных предписаниях.

Помимо этого, превентивная работа полиции состоит в привлечении лиц к административной и уголовной ответственности за совершение преступлений небольшой тяжести в указанной сфере, а в рамках расследования уголовных дел имеется процессуальная возможность введения ограничений подозреваемому (идентична с предполагаемым в законопроекте судебным защитным предписанием).

Относительно внесения изменений, направленных на дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации нормами, определяющими домашнее насилие как отдельное уголовное преступление или криминализирующими его как отягчающую форму других преступлений (убийство и угроза его причинения, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, изнасилование и т.д.), а также предусматривающих ответственность за единичные удары и психологическое воздействие и более жесткие санкции за соответствующие преступления, МВД России выработана следующая позиция.

Принимая во внимание, что термин «домашнее насилие» в законодательстве Российской Федерации отсутствует, а проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», в котором дается такое определение, еще не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, рассматривать данную инициативу представляется преждевременно.

Вместе с тем следует учитывать, что пунктами «з» и «п» части первой статьи 63 (обстоятельства, отягчающие наказание) УК к обстоятельствам, отягчающим наказание, отнесено совершение преступления:

в отношении женщин, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а также в отношении малолетнего, другого беззащитного или беспомощного лица либо лица, находящегося в зависимости от виновного;

к оглавлению

в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней) родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего.

Кроме того, согласно статьи 17 (совокупность преступлений) УК при совершении преступлений по совокупности, лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК.

Учитывая, что в настоящее время в УК за нанесение побоев и угрозу убийством уже предусмотрена ответственность по статьям 116, 116^1 и 119 соответственно, инициатива о введении ответственности за единичные удары и психологическое воздействие представляется неактуальной.

В соответствии с позицией Правительства Российской Федерации, неоднократно изложенной в официальных отзывах на проекты федеральных законов, поддержка законопроектов, направленных на усиление уголовной ответственности, целесообразна только при наличии данных, свидетельствующих о недостаточности установленных мер уголовной ответственности, а также устойчивой тенденции роста числа преступных деяний.

Относительно внесения изменений в УК, позволяющих обеспечивать уголовное преследование за домашнее насилие в форме частно-публичного обвинения в целях реализации «общественного интереса» судебного преследования данного проявления даже в тех случаях, когда потерпевший не подает жалобу или впоследствии отзывает ее, в МВД России в настоящее время выработана следующая позиция.

Во исполнение конституционного требования о защите прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений, федеральный законодатель устанавливает порядок уголовного судопроизводства, в том числе виды уголовного преследования, которое в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления осуществляется в публичном, частно-публичном и частном порядке (часть первая статьи 20 УПК).

Следует отметить, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью первой статьи 115 и статьей 1161 УК, считаются уголовными делами частного обвинения и возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, а уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьей 116 УК, отнесены к уголовным делам частно-публичного обвинения.

В соответствии с частью первой статьи 318 (возбуждение уголовного дела частного обвинения) УПК уголовные дела частного обвинения возбуждаются в отношении конкретного лица путем подачи потерпевшим или его законным представителем заявления в суд, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 части первой и частью четвертой статьи 147 (возбуждение уголовного дела частного и частно-публичного обвинения) УПК.

Устанавливая эти правила, законодатель исходил из того, что указанные преступления относятся к числу тех, которые не представляют значительной общественной опасности и раскрытие которых, по общему правилу, не вызывает

к оглавлению

трудностей, в связи с чем потерпевший сам может осуществлять в порядке частного обвинения уголовное преследование лица, совершившего в отношении него соответствующее преступление, – обращаться за защитой своих прав и законных интересов непосредственно в суд и доказывать как сам факт совершения преступления, так и виновность в нем конкретного лица, минуя обязательные в иных ситуациях (по делам частно-публичного и публичного обвинения) процессуальные стадии досудебного производства (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П и от 17 октября 2011 года № 22-П).

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в целях защиты законных прав, в том числе пострадавших от семейного насилия, предусмотрено право дознавателя с согласия прокурора возбудить уголовное дело о любом преступлении частного или частно-публичного обвинения при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы (часть четвертая статьи 20 УПК).

Относительно рекомендации о введении государственного статистического учета проявлений домашнего насилия, деятельности по рассмотрению заявлений о таком насилии, проведению расследований, рассмотрению судами соответствующих уголовных и жалоб на действия (бездействие) и решения дознавателей, следователей и прокуроров, а также использование результатов статистики в целях разработки и реализации мер по борьбе с домашним насилием, МВД России выработана следующая позиция.

Учитывая, что проект федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации», в котором, в том числе, определяется порядок ведения статистики, анализа и обобщения состояния домашнего насилия, изучения причин и условий, способствующих домашнему насилию, а также оценки эффективности деятельности субъектов и мер профилактики домашнего насилия, в настоящее время еще не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации, рассматривать данную инициативу представляется преждевременным.

Одновременно следует отметить, что в соответствии с формой 2-Е федерального статистического наблюдения, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 23 декабря 2019 года № 890, осуществляется сбор сведений о рассмотрении органами внутренних дел сообщений по отдельным составам преступлений.

Дознаватель при возбуждении уголовного дела заполняет соответствующие учетные документы, в которых отражает, в том числе, информацию о преступлении, совершенном в быту.

При этом понятие «бытовое преступление» дано в Инструкции о порядке заполнения и представления учетных документов, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России,

к оглавлению

Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря № 39/1070/1021/253/780/353/399.

Также ведомственной статистической отчетностью Форма «Профилактика» (утверждена приказом МВД России от 19 февраля 2015 г. № 269 «Об утверждении формы статистической отчетности «Профилактика») предусмотрен учет сведений о количестве преступлений, совершенных на бытовой почве, в том числе в отношении женщин.

С учетом повышенного внимания общественности и мирового сообщества к проблеме домашнего насилия, участия Министерства в реализации Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы, а также поставленных руководством МВД России задач по осуществлению постоянного мониторинга оперативной обстановки в указанной сфере и своевременного принятия мер, направленных на ее стабилизацию, в проектируемую форму статотчетности включены 87 новых показателей, характеризующих состояние бытовой преступности и работу полиции по ее предупреждению.

В рамках реализации Национальной стратегии в интересах женщин на 2017–2022 годы МВД России совместно с другими правоохранительными органами и федеральными органами исполнительной власти проводятся мероприятия по профилактике различных форм насилия, в том числе семейно-бытового.

В настоящее время в целях профилактики указанной категории правонарушений на информационных стендах административных зданий территориальных органов МВД России размещены сведения об организациях, оказывающих социальную помощь женщинам и детям, пострадавшим от «домашнего насилия».

Законодательством Российской Федерации и ведомственными нормативными актами не предусмотрена возможность оказания сотрудниками органов внутренних дел содействия жертвам «домашнего насилия» в подготовке материалов в суд.

Вместе с тем получить помощь в подготовке материалов в суд указанная категория лиц может в рамках Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», которым предусмотрено предоставление бесплатной юридической помощи гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации.

3.3. Постановления Европейского Суда по вопросам участия граждан в несанкционированных публичных мероприятиях

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 74814/14 и 12 других жалоб «Завьялова и другие против России», вынесено и вступило в силу 8 сентября 2020 года.

По делу обжалуется непропорциональность мер, принятых в отношении заявителей как участников мирных публичных собраний (задержание с последующим осуждением за административное правонарушение). По делу допущено

к оглавлению

нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении всех заявителей, а также статей 5 и 6 Конвенции в отношении других жалоб, поданных в соответствии с прочно сложившейся прецедентной практикой Европейского Суда. Жалоба на отсутствие стороны обвинения в ходе административного производства, отказ в проведении перекрестного допроса сотрудников правоохранительных органов объявлена неприемлемой для рассмотрения по существу.

2 марта 2014 года заявители приняли участие в политическом митинге в г. Москве. После вышеупомянутой манифестации они были задержаны и осуждены за совершение административного правонарушения.

Заявители были задержаны во время митинга и доставлены в различные отделы полиции г. Москвы, где были составлены соответствующие протоколы об административных правонарушениях. Данные протоколы были составлены на основании рапортов и объяснений сотрудников полиции, задержавших заявителей. В тот же день, как только были составлены протоколы об административных правонарушениях, заявители были освобождены.

В различные даты суды Российской Федерации признали заявителей виновными в соответствии с пунктом 5 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях и назначили каждому из них наказание в виде штрафа.

Опираясь на административные протоколы, рапорты и объяснения сотрудников полиции, суды Российской Федерации признали заявителей виновными в нарушении установленного порядка проведения публичного мероприятия в связи с их участием в несанкционированном митинге. В частности, суды сочли незаконным то, что некоторые заявители выкрикивали лозунги и/или не проверяли законность собрания.

Заявители жаловались на непропорциональные меры, принятые в отношении них как участников мирных публичных собраний, а именно на их задержание с последующим осуждением за административное правонарушение. Они прямо или косвенно ссылались на статью 11 Конвенции. Некоторые заявители также ссылались на статью 10 Конвенции, однако этот вопрос подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 11, которая гласит следующее:

«*1. Каждый имеет право на свободу проведения мирных собраний и на свободу создания союза с другими участниками, включая право создания профессиональных союзов и вступления в них для защиты своих интересов.*

2. Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов Государства».

к оглавлению

В ведущих постановлениях (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Фрумкин против Российской Федерации» от 5 января 2016 г., жалоба № 74568/12, Постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации» от 4 декабря 2014 г., жалоба № 76204/11, и Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации» от 3 октября 2013 г., жалоба № 21613/07), Европейский Суд уже устанавливал нарушения в отношении ситуации, аналогичной той, которая рассматривается в настоящем деле.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по данному вопросу, Суд считает, что ***в настоящем деле меры, примененные к заявителям как мирным участникам публичного собрания, не отвечали насущной социальной необходимости и, следовательно, не были необходимы в демократическом обществе***.

Филюшкин (жалоба № 7110/15) жаловался, в частности, на отсутствие стороны обвинения в ходе административного производства и на то, что суд отказал ему в возможности проведения перекрестного допроса сотрудников полиции, показания которых были использованы для его осуждения. Что касается этих жалоб, Европейский Суд отмечает, что заявитель отсутствовал в ходе административного разбирательства на заседании в суде Российской Федерации. Суд не усматривает причин считать, что ему не была предоставлена надлежащая возможность присутствовать на слушании или организовать юридическое представление своих интересов. В этих обстоятельствах Суд считает, что эти жалобы в отношении статьи 6 Конвенции ***являются явно необоснованными***.

Рассмотрев все представленные ему материалы, Европейский Суд приходит к выводу, что упомянутые остальные жалобы также ***свидетельствуют о нарушениях статей 5 и 6 Конвенции*** в свете его выводов, указанных в Постановлении Европейского Суда по делу «Карелин против Российской Федерации» от 20 сентября 2016 г., жалоба № 926/08 и Постановлении Европейского Суда по делу «Лашманкин и другие против Российской Федерации» от 7 февраля 2017 г., жалоба № 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 486-492).

Что касается пункта 1 статьи 5 Конвенции, то вывод о нарушении связан ***с произвольным характером задержания заявителей*** 2 марта 2014 г. Придя к такому выводу, в обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд не считает необходимым рассматривать некоторые утверждения заявителей о том, что срок их содержания под стражей в тот день превысил установленный законом трехчасовой срок.

Что касается пункта 1 статьи 6 Конвенции, то заявления, основанные на этом положении, ***свидетельствуют о нарушении требования беспристрастности в связи с отсутствием стороны обвинения***. Европейский Суд отмечает, что многие из тех же заявителей также жаловались в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции на предполагаемую невозможность для них провести перекрестный допрос сотрудников полиции, на письменных показаниях которых основывалось их осуждение. С учетом

к оглавлению

вышеизложенного Суд считает, что, поскольку он уже пришел к выводу о том, что административное производство, взятое в целом, было проведено с нарушением права на справедливое судебное разбирательство, отсутствует необходимость рассматривать остальные жалобы заявителей в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Фрумкин против Российской Федерации», пункт 168).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 5, 6 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции относительно ограничения свободы на срок более трех часов, а также жалоб в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, касающихся перекрестного допроса некоторых свидетелей, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям по **5 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **61 310** евро.

2. Постановление Европейского Суда по жалобе № 74602 и 3 других «Майзульс и другие против России», вынесено и вступило в силу 20 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также пункта 1 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей и необеспечения им справедливого судебного разбирательства.

После окончательного слушания по уголовному делу о массовых беспорядках на Болотной площади в Москве и Санкт-Петербурге прошли массовые митинги в поддержку осужденных по этому делу. Заявители принимали участие в таких митингах. В результате они были задержаны и осуждены за административные правонарушения.

Заявители были задержаны и доставлены в различные отделения полиции. Заявители были осуждены по части 5 статьи 20.2 Кодекса об административных правонарушениях за нарушение установленного порядка организации либо проведение митинга. Они были приговорены к штрафам в размере от 10 000 до 20 000 российских рублей.

Внутригосударственные суды опирались на протоколы об административном задержании, рапорты и объяснения сотрудников полиции. В частности, суды сочли незаконным то, что заявитель по жалобе № 3093/15 выкрикивал лозунги и отказывался прекратить участие в общественном собрании, в отношении которого властям не было представлено предварительного уведомления.

Все заявители, за исключением Щурова И.В., Скорохода А.В. и Маслова П.В., жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирного общественного собрания, а именно на их задержание и

к оглавлению

последующее осуждение за совершение административного правонарушения. Они прямо или косвенно ссылались на статью 11 Конвенции.

Суд считает, что задержание заявителей, их доставление в отделение полиции и последующие наказания представляли собой вмешательство в право на свободу мирных собраний, предусмотренное пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

Суд указал, что из заявлений сторон следует, что заявители были задержаны, доставлены в отделение полиции и обвинены в совершении административных правонарушений по той единственной причине, что их митинг не был санкционирован.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике, касающейся права на свободу мирных собраний (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками) и пропорциональности вмешательства.

В руководящих решениях Европейский Суд уже установил нарушение в связи с проблемами, схожими с рассматриваемыми в настоящем деле. Более того, в постановлении по делу Навального (постановление Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России», жалоба № 76204/11, пункты 113 и 138–53) Суд установил, помимо прочего, ***нарушение статьи 11 Конвенции в отношении спонтанного общественного собрания***, состоявшегося вечером 24 февраля 2014 года на Тверской улице в Москве.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле ***меры, примененные к заявителям как мирным участникам общественного собрания, не отвечали насущной социальной потребности и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе***.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 5, 6 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции относительно ограничения свободы на срок более трех часов, а также жалоб в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, касающихся перекрестного допроса некоторых свидетелей, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям по **5 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **70 800** евро.

3. Постановление Европейского Суда по жалобе № 9685/08 и 8 другим «Нагибин и другие против России», вынесено и вступило в силу 20 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также пункта 1 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей и необеспечения им справедливого судебного разбирательства.

к оглавлению

Данное дело касается ограничений, наложенных властями на место, время и порядок проведения ряда публичных мероприятий. Заявители также жаловались на незаконное задержание и осуждение за различные административные правонарушения.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике в отношении свободы собраний (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками).

В ведущем постановлении по делу Лашманкина и других Суд уже устанавливал нарушение в отношении вопросов, аналогичных рассматриваемым в рамках рассматриваемых жалоб.

Рассмотрев все представленные материалы, Европейский Суд не усмотрел каких-либо обстоятельств или доводов, которые бы позволили ему прийти к иному выводу относительно настоящего дела. Учитывая прецедентную практику по данному вопросу, Суд считает, что по настоящему делу вмешательство в право заявителя на свободу собраний было основано на правовых нормах, которые ***не отвечали требованиям Конвенции о «качестве закона» и не являлись «необходимыми в демократическом обществе»***.

Заявители по жалобам №№ 22572/08, 42250/08, 10460/09 и 1965/10 жаловались, что условия содержания под стражей ночью в помещениях ОВД Первомайского и Кировского районов не соответствовали статье 3 Конвенции. Нагибин также жаловался (жалоба № 1965/10) на предположительно ненадлежащие условия его перевозки 13 декабря 2008 года. Статья 3 Конвенции гласит:

«*Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию*».

Что касается жалобы Нагибина (жалоба № 1965/10) относительно предполагаемых ненадлежащих условий его перевозки 13 декабря 2008 года, то Суд отмечает, что 25 марта 2009 года и 28 мая 2009 года внутригосударственные суды установили, что фургон, используемый для доставления заявителя, был оборудован для перевозки лиц. Суд не располагает какими-либо дополнительными материалами, ***свидетельствующими о том, что заявитель подвергался обращению, достигшему порога жестокости, предусмотренного статьей 3 Конвенции***. С учетом вышеизложенного, Суд заключает, что жалоба по данной части является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

Суд отмечает, что по жалобе № 42250/08 Власти признали, что было допущено нарушение права заявителя в соответствии со статьей 3 Конвенции в связи ***с ненадлежащими условиями содержания под стражей*** в ОВД по Кировскому району 24-26 ноября 2007 года, в частности, требования о пространстве, предусмотренные Конвенцией в свете его выводов по делу

к оглавлению

Навального и Яшина (пункты 110-12), а также в постановлении от 31 июля 2014 года по делу «Немцов против России» (жалоба № 1774/11, пункты 117-21).

Ряд заявителей жаловались на то, что их задержание и содержание под стражей были произвольными и незаконными.

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд приходит к выводу, что жалобы по статье 5 в жалобах №№ 22572/08, 42250/08, 57374/08 и 39189/09 ***свидетельствуют о нарушениях Конвенции*** в свете его выводов в постановлении по делу Навального и Яшина, упомянутое выше, пункты 91-98); в постановлении от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России» (жалоба № 74568/12, пункты 147-52); в постановлении по делу Лашманкина и других (упомянутое выше, пункты 486-92); а также в постановлении от 10 апреля 2018 года по делу «Цветкова и другие против России» (жалобы №№ 54381/08 и 5 других, пункты 10624).

Ряд заявителей жаловались на предполагаемую невозможность допросить свидетелей обвинения в рамках административного производства против них. Они ссылались на пункт 1 и подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, которые в части, применимой к настоящему делу, предусматривают следующее:

«*1. Каждый… при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое … разбирательство дела … судом …*

3. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены…»

Суд также отмечает, что внутригосударственный суд заслушал одного из сотрудников полиции, задерживающего заявителя. Из этого следует, что в ходе разбирательства суды приняли во внимание, помимо административных протоколов, показания двух свидетелей и по крайней мере одного из соответствующих сотрудников полиции. С учетом вышеизложенного, ***Суд считает данную жалобу явно необоснованной***.

Нагибин (в жалобах №№ 22572/08, 9685/08, 37565/08 и 39189/09) жаловался на то, что его задержание и содержание под стражей преследовали цель подрыва его права на свободу и права на свободу собраний. Заявитель также жаловался на нарушение статьи 18 Конвенции, которая гласит:

«*Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены*».

Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «a» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

Суд установил нарушения статей 3, 5, 6, 10 и/или 11 Конвенции в соответствующих жалобах. Принимая во внимание указанные выводы, Суд считает, что необходимость в рассмотрении вопроса о наличии нарушения статьи

к оглавлению

18 Конвенции (см. упомянутое выше постановление по делу Фрумкина (Frumkin), пункты 172-173) в данном деле отсутствует.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 3, 5, 6, 10 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пунктов 1 и 2 статьи 5 и статьи 18 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям от **4 000** до **9 800** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **21 190** евро.

4. Постановление Европейского Суда по жалобе №15024/12 и 13 другим «Котлярский и другие против России», вынесено и вступило в силу 20 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также статей 3, 5 и 6 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей, необеспечением им надлежащих условий содержания и судебного разбирательства.

5 декабря 2011 года заявители приняли участие в публичном собрании в Москве в знак протеста против предположительных фальсификаций на выборах, которые состоялись накануне. После демонстрации они были задержаны, заключены под стражу и обвинены в совершении административных правонарушений.

4 декабря 2011 года в России состоялись всеобщие выборы в Государственную Думу. 5 декабря 2011 года заявители приняли участие в публичном мероприятии в Москве, протестуя против выборов, которые они считали фальсифицированными. Власти были должным образом уведомлены об этом собрании. Обстоятельства, относящиеся к этому же событию, уже были рассмотрены Судом (см. постановление Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России», жалоба № 76204/11, пункты 6-11).

После демонстрации заявители были задержаны и доставлены в различные отделения полиции г. Москвы, где были составлены соответствующие протоколы об административных правонарушениях. Протоколы об административных правонарушениях были основаны на рапортах и объяснениях сотрудников полиции, задержавших заявителей. Заявители были задержаны и провели до трех ночей в соответствующих отделениях полиции, прежде чем предстать перед мировыми судьями. Заявители утверждали, помимо прочего, что во время их содержания под стражей им негде было спать и доступ к туалетам был ограничен. Некоторые из них также утверждали, что во время доставления к месту содержания под стражей после вынесения им административного приговора их несколько часов держали в неотапливаемом автобусе.

В разные даты все заявители были осуждены по пункту 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях (неповиновение законному

к оглавлению

распоряжению сотрудника полиции) и были приговорены либо к административному штрафу, либо к административному аресту (см. прилагаемую таблицу). Внутригосударственные суды опирались на протоколы об административном задержании, рапорты и объяснения сотрудников полиции. В частности, суды сочли незаконным то, что некоторые заявители выкрикивали лозунги и/или отказывались прекратить участие в общественном собрании (которое последовало за первоначальной демонстрацией), в отношении которого властям не было представлено предварительного уведомления.

Суд также отмечает, что в своих жалобах соответствующие заявители жаловались в соответствии со статьей 11 Конвенции на предположительно незаконные и несоразмерные меры, принятые в отношении них как мирных демонстрантов. Кроме того, они жаловались в соответствии со статьями 3, 5 и 6 Конвенции на незаконные задержания, несправедливость административного производства и условия содержания под стражей в различных отделениях полиции.

Заявители жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирного общественного собрания, а именно на их задержание и последующее осуждение за совершение административного правонарушения. Они также прямо или косвенно ссылались на статьи 10 и 11 Конвенции; однако их жалобы должны быть рассмотрены в рамках статьи 11 Конвенции.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле меры, примененные к заявителям как мирным участникам общественного собрания, ***не отвечали насущной социальной потребности*** и, следовательно, ***не были необходимыми в демократическом обществе***.

Изучив все представленные материалы, Суд приходит к выводу о том, что жалобы также указывают на нарушения статей 3, 5 и/или 6 Конвенции, в свете его выводов в постановлении по делу Навального и Яшина (упоминавшемуся выше, пункты 91-98), в постановлении от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (жалоба № 926/08) и в постановлении от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (жалобы №№ 57818/09 и 14 других, пункты 486-92).

Что касается пункта 1 статьи 6, то все жалобы, поданные со ссылкой на это положение, ***указывают на нарушение требования беспристрастности в связи с отсутствием стороны обвинения***. Суд отмечает, что заявители также жаловались на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи ***с невозможностью подвергнуть перекрестному допросу сотрудников полиции, письменные показания которых послужили основанием для их осуждения***. Заявители также жаловались в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «c» пункта 3 статьи 6 Конвенции на то, что им предположительно ***не был предоставлен доступ к адвокату после их задержания и в ходе судебного разбирательства в первой инстанции***, а один заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «b» пункта 3 статьи 6 Конвенции

к оглавлению

на нехватку времени и средств для подготовки своей защиты. Суд считает, что поскольку уже было установлено, что административное производство в целом было проведено с нарушением права на справедливое слушание дела, необходимость в рассмотрении остальных жалоб заявителей на нарушение пункта 1 и подпунктов «b» «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствует (см. упоминавшееся выше постановление по делу Фрумкина, пункт 168).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 3, 5, 6 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 и подпунктов «b» «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям от **5 000** до **10 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **145 630** евро.

5. Постановление Европейского Суда по жалобе №19126/11 и 5 другим «Шнейдер и другие против России», вынесено и вступило в силу 20 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также пункта 1 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей и необеспечения им справедливого судебного разбирательства.

В различные даты заявители участвовали в политических демонстрациях. Они были задержаны на месте проведения демонстраций и доставлены в различные отделения полиции Москвы или Санкт-Петербурга, где в их отношении были составлены соответствующие протоколы об административных правонарушениях. Протоколы об административных правонарушениях были основаны на рапортах и объяснениях полицейских, задержавших заявителей. Некоторые из заявителей были освобождены через несколько часов, тогда как другие провели ночь в отделении полиции.

Заявители были осуждены на основании пункта 1 статьи 19.3 Кодекса об административных правонарушениях за отказ подчиниться законному требованию сотрудника полиции. Некоторым из заявителей было предписано уплатить штрафы в сумме от 500 до 1 000 рублей, а другие были приговорены к административному аресту на сроки от трех до пятнадцати дней. Внутригосударственные суды опирались на протоколы об административном задержании, рапорты и объяснения полицейских. В частности, суды сочли незаконным то, что некоторые из заявителей выкрикивали лозунги и/или отказывались прекратить участие в публичном собрании, в отношении которого властям не было представлено предварительного уведомления.

Заявители жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирных публичных собраний, а именно на их задержание и

к оглавлению

последующее осуждение за совершение административного правонарушения. Они прямо или косвенно ссылались на статью 11 Конвенции.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле ***меры, примененные к заявителям как мирным участникам публичных собраний, не отвечали насущной социальной необходимости*** и, следовательно, ***не были необходимыми в демократическом обществе***. Следовательно, данные жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о нарушении статьи 11 Конвенции.

В части жалоб на нарушение статьи 5 Конвенции Власти утверждали, что некоторые ***заявители не исчерпали внутригосударственные средства правовой защиты***. Они утверждали, в частности, что заявители могли использовать процедуры, предусмотренные главой 25 Гражданского процессуального кодекса и статьей 1070 Гражданского кодекса. В отсутствие со стороны Властей каких-либо примеров из практики внутригосударственных судов, демонстрирующих эффективность этих средств правовой защиты, и принимая во внимание свои предыдущие выводы по аналогичным делам (см. постановление Европейского Суда от 10 апреля 2018 года по делу «Цветкова и другие против России», жалобы №№ 54381/08 и 5 других жалоб, пункты 95-101), Суд отклоняет возражение Властей как необоснованное.

Виноградов (жалоба № 55308/15), в частности, жаловался на отсутствие стороны обвинения в ходе административного производства и на то, что суд отказал ему в возможности перекрестного допроса полицейских, чьи письменные показания были использованы для вынесения ему обвинительного приговора. В отношении этих жалоб Суд отмечает, что Д.В. Виноградов отсутствовал на слушаниях в ходе внутригосударственного административного производства. Суд не видит причины считать, что ему не была предоставлена надлежащая возможность присутствовать на слушании или организовать юридическое представление [своих] интересов. В этих обстоятельствах Суд считает, что ***данные жалобы на нарушение статьи 6 Конвенции являются явно необоснованными.***

Что касается пункта 1 статьи 6, то Суд отмечает, что в пяти жалобах, в которых речь идет об этом положении, административное производство в целом было проведено с нарушением права заявителей на справедливое разбирательство в суде в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции. В некоторых из этих дел Суд установил нарушение требования беспристрастности в связи с отсутствием стороны обвинения.

Суд также отмечает, что те же самые заявители также жаловались на нарушение статьи 6 Конвенции. Шнейдер (жалоба № 19126/11), Пономарев (жалоба № 30367/15) и Щербаков (жалоба № 55308/15) жаловались на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с предполагаемой невозможностью для них подвергнуть перекрестному допросу тех сотрудников полиции, письменные показания которых послужили основанием для их осуждения. Костенко (жалоба № 76684/11) жаловался на то, что он не мог

к оглавлению

добиться присутствия выбранного им адвоката в суде первой инстанции, и что апелляционный суд переквалифицировал обвинение, не предоставив стороне защиты возможности представить свои комментарии по вопросу. Кригер (жалоба № 4876/15) жаловался на отсутствие доступа к адвокату после своего задержания и в ходе судебного разбирательства в суде первой инстанции. Ввиду вышеупомянутого вывода касательно справедливости административного производства по делам заявителей в целом Суд полагает, что необходимость в рассмотрении остальных жалоб заявителей на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствует (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу Фрумкина, пункт 168).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 5, 6 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 и подпунктов «a»-»d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям от **5 000** до **10 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **52 446** евро.

6. Постановление Европейского Суда по жалобе № 31333/07 «Дубровина и другие против России», вынесено и вступило в силу 25 февраля 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний вследствие прекращения по инициативе сотрудников правоохранительных органов публичного мероприятия.

Заявители, которые являлись правозащитниками, с 2003 года участвовали в работе благотворительной и правозащитной организации «Фродо» в Краснодарском крае. Ее цель заключалась в борьбе с нетерпимостью и дискриминацией этнических меньшинств в Краснодарском крае. Одним из ключевых направлений ее деятельности была организация матчей «толерантный футбол» с участием детей, принадлежащих к разным этническим группам, в г. Новороссийске.

В 2006 году второй заявитель получил электронное письмо от С.Г., бывшего гражданина России, проживающего в Германии. Он выразил заинтересованность в концепции «толерантный футбол» и желание встретиться со вторым заявителем для ее обсуждения. Они встретились в 11:00 23 января 2007 года в местной художественной школе, поскольку ее директор являлся членом организации «Фродо» с момента ее основания, и так как у «Фродо» не было собственного офиса, он предложил использовать помещение школы для проведения встречи. На встрече присутствовали шесть членов организации «Фродо» (в том числе заявители), С.Г. и Р.К. из Германии, переводчик и три студента университета. Всего на встрече было двенадцать участников.

Около 13:00 в зал собраний вошло около пятнадцати сотрудников милиции и миграционной службы. Они обнаружили, что участники встречи пили чай

к оглавлению

с тортом. По словам заявителей, здание школы было окружено еще двадцатью вооруженными сотрудниками милиции, но Власти оспорили эту информацию как неподтвержденную. Сотрудники милиции попросили присутствующих в комнате показать удостоверяющие личность документы, что они и сделали. Сотрудники милиции потребовали объяснения причин собрания, но члены «Фродо» отказались называть их, поскольку им не было предъявлено никаких обвинений.

Сотрудники милиции оставались в зале заседаний до прибытия сотрудников Департамента культуры и Отдела взаимодействия с общественными организациями и мониторинга миграции Новороссийска. Должностные лица попросили участников собрания покинуть помещение, поскольку в Департамент культуры не подавалось уведомление о проведении общественного мероприятия. Участники отказались сделать это на том основании, что их собрание не было публичным и поэтому не требовало уведомления. Через несколько минут директор художественной школы сообщил участникам собрания, что в кабинете скоро начнется урок, и они ушли.

30 января 2007 года мировой судья судебного участка № 81 Центрального района г. Новороссийска рассмотрела административное дело в отношении первого заявителя. Она постановила, что встреча в художественной школе являлась собранием, т.е. публичным мероприятием, проводимым с целью высказывания мнений по различным вопросам. Следовательно, организатор должен был уведомить о нем краевые органы власти. Мировой судья признала первого заявителя виновной в участии в несанкционированном публичном мероприятии в соответствии с частью 2 статьи 20.2 КоАП и назначила ей наказание в виде штрафа в размере 500 рублей. 12 марта 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска оставил это постановление без изменений.

2 февраля 2007 года мировой судья судебного участка № 81 Центрального района г. Новороссийска рассмотрела административные дела в отношении второго и третьего заявителей. Она постановила, что они организовали публичное мероприятие, а именно собрание с десятью участниками, не уведомив об этом краевые органы власти. Мировой судья признала заявителей виновными по части 2 статьи 20.2 КоАП и назначила каждому из них наказание в виде штрафа в размере 2 000 рублей. 20 февраля и 2 марта 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска рассмотрел апелляционные жалобы, поданные вторым и третьим заявителями соответственно в том числе на том основании, что собрание носило частный характер. Он поддержал вывод суда первой инстанции о том, что собрание, проведенное 23 января 2007 года, было публичным мероприятием, которое требовало уведомления властей, но изменил квалификацию правонарушения как подпадающее под действие части 1 статьи 20.2 КоАП, и уменьшил сумму штрафов до 1 000 рублей в отношении второго заявителя и до 1 500 рублей в отношении третьего заявителя.

9 февраля 2007 года мировой судья судебного участка № 81 Центрального района г. Новороссийска рассмотрела административное дело в отношении четвертого заявителя. Как и в предыдущих делах, мировой судья отклонила

к оглавлению

утверждения о том, что собрание носило частный характер. Она признала четвертого заявителя виновным в участии в несанкционированном публичном мероприятии в соответствии с частью 2 статьи 20.2 КоАП и назначила ему наказание в виде штрафа в размере 1 000 рублей. 2 марта 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска оставил это постановление без изменений по апелляции.

В неустановленный день первый заместитель Прокурора Краснодарского края подал ходатайство о пересмотре административного дела в отношении второго, третьего и четвертого заявителей в порядке надзора.

9 июля 2007 года исполняющий обязанности Председателя Краснодарского краевого суда рассмотрел административное дело в отношении четвертого заявителя в порядке надзора. Он оставил постановление от 9 февраля 2007 года и апелляционное решение от 2 марта 2007 года без изменений, сочтя их законными и обоснованными.

3 августа 2007 года заместитель Председателя Краснодарского краевого суда рассмотрел дела в отношении второго и третьего заявителей в порядке надзора и отменил постановление от 2 февраля 2007 года и решения от 20 февраля и 2 марта 2007 года на том основании, что статья 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не предусматривала обязательство по уведомлению о проведении собраний. Их административные дела были возвращены в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

12 и 14 сентября 2007 года соответственно мировой судья судебного участка № 80 Центрального района г. Новороссийска рассмотрел административные дела в отношении второго и третьего заявителей. Он прекратил производство по административным делам обоих заявителей на том основании, что собрание было проведено в надлежащем месте, т.е. в «специально отведенном или обустроенном месте» в соответствии со статьей 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» и не требовало уведомления, в соответствии со статьей 7 этого Закона.

Второй и третий заявители подали против Администрации города Новороссийска и Министерства финансов Российской Федерации иск о компенсации вреда. Они утверждали, что вмешательство милиции в их частное собрание носило незаконный и запугивающий характер и сорвало их собрание, что их последующее осуждение за административные правонарушения было незаконным, и что, несмотря на прекращение производства по административному делу, им не были возмещены суммы административных штрафов и судебных издержек, которые они понесли в ходе этого разбирательства.

25 декабря 2007 года Октябрьский районный суд г. Новороссийска отказал в удовлетворении иска второго и третьего заявителей о возмещении вреда. Суд установил, что милиция действовала законно и в рамках своих полномочий для проверки сообщения о несанкционированном проникновении в здание школы и

к оглавлению

что в соответствии с директивами местной администрации и в целях борьбы с терроризмом школы должны были уведомлять власти о любых планируемых мероприятиях. Суд установил, что заявители не были арестованы или выведены из помещения и, более того, они могли продолжить свою встречу в другом месте. Поэтому в результате милицейской проверки им не было причинено никакого ущерба.

Что касается штрафов, то суд установил, что они были отменены предыдущим судебным решением, которое не подлежало пересмотру в этом суде, и поэтому он не нашел оснований для присуждения возмещения судебных издержек, понесенных заявителями в рамках прекращенного административного судопроизводства. 19 февраля 2008 года Краснодарский краевой суд оставил это постановление без изменений по апелляции.

Ссылаясь на статью 11 Конвенции, заявители жаловались на то, что срыв властями их собрания 23 января 2007 года и их последующее осуждение в рамках административного судопроизводства представляли собой незаконное вмешательство в их свободу мирных собраний, которое не преследовало законную цель и не было соразмерным заявленным целям.

Суд отмечает решения об отмене приговоров, вынесенных по административным делам в отношении второго и третьего заявителей. Суд напоминает, что ***в контексте статей 10 и 11 оправдательный приговор или прекращение судопроизводства в отношении заявителя не может автоматически устранить последствия вмешательства в их право на свободу выражения мнения и свободу собраний и, тем самым, лишить их статуса жертвы*** (см. постановление Суда от 19 января 2016 года по делу «Гюльчу против Турции», жалоба № 17526/10, пункт 99, и постановление Суда от 7 марта 2017 года по делу «Донер и другие против Турции», жалоба № 29994/02, пункт 89). В настоящем деле надзорный орган постановил, что, собравшись на собрании без предварительного уведомления властей, эти два заявителя не совершили административное правонарушение. Тем не менее, он не рассмотрел жалобу на срыв собрания милицией, особенно с учетом аргументации, приводящейся в последующих судебных решениях об оставлении их исков о возмещении ущерба без удовлетворения. Поэтому, отменив приговоры, вынесенные двум заявителям в рамках административных дел, власти приняли меры в пользу заявителей, но они ни прямо, ни косвенно, ***не признали нарушение статьи 11 Конвенции и не предоставили компенсацию за это нарушение***.

По этой причине нельзя считать, что второй и третий заявители утратили статус жертвы в результате пересмотра их административных дел в порядке надзора. По той же причине вопрос, поднятый в их жалобе, не может считаться решенным по смыслу подпункта «b» пункта 1 статьи 37 Конвенции.

Суд напоминает, что ***право на свободу собраний является фундаментальным правом в демократическом обществе*** и, как и право на свободу выражения мнений, является одним из основ такого общества. Это право распространяется как на частные собрания, так и на собрания в публичных местах,

к оглавлению

будь то статичные собрания или процессии; кроме того, оно может осуществляться отдельными участниками и организаторами собрания (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, пункт 91). Поэтому независимо от того, можно ли было охарактеризовать встречу в настоящем деле как частную или публичную, она представляла собой «собрание», и, будучи, несомненно, мирным, оно подпадало под действие статьи 11 Конвенции.

Суд напоминает, что вмешательство в осуществление права на свободу собраний не обязательно должно представлять собой прямой юридический или фактический запрет, но может заключаться в принятии властями различных других мер (см. упоминаемое выше постановление по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», пункт 100). Ранее он уже устанавливал, что срыв религиозного собрания, повлекший его преждевременное прекращение, является ограничение права на свободу религии (см. постановление Суда от 11 января 2007 года по делу «Кузнецов и другие против России», жалоба № 184/02, пункты 59-62) и косвенно является вмешательством в право на свободу мирных собраний (там же, пункт 53). В настоящем деле заявители не могли продолжить свою небольшую неформальную встречу в присутствии большого количества сотрудников милиции, которые обвиняли их в том, что они не уведомили власти о своем собрании, и которые оставались в комнате до тех пор, пока участники встречи не покинули ее. Очевидно, что встреча была преждевременно прекращена в результате вмешательства властей, которое представляло собой «ограничение» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции.

Суд напоминает, что ***выражение «предусмотрено законом»*** требует не только наличия во внутригосударственном законодательстве правовых оснований для применения оспариваемой меры, но и предъявляет определенные требования к качеству такого законодательства, которое должно быть доступным для соответствующего лица и иметь предсказуемые последствия. Для того чтобы национальное законодательство соответствовало этим требованиям качества, оно должно предусматривать меры правовой защиты от произвольного вмешательства государственных органов в осуществление гарантируемых Конвенцией прав. В вопросах осуществления основных прав это будет противоречить принципу верховенства права, одного из основополагающих принципов демократического общества, закрепленного в Конвенции, если законная свобода действий, предоставленная органам исполнительной власти, выражена в неограниченных полномочиях. Следовательно, ***закон должен с достаточной ясностью устанавливать пределы такой свободы усмотрения и способ ее осуществления*** (см. постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России», жалобы №№ 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 114-15).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 11 Конвенции и обязал

к оглавлению

государство-ответчика выплатить заявителям по **7 500** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **37 016** евро.

7. Постановление Европейского Суда по жалобе № 61978/08 «Казанцев и другие против России», вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статей 3 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний и жестоким обращением со стороны сотрудников правоохранительных органов.

15 апреля 2007 года в Санкт-Петербурге коалиция оппозиционных группировок организовала антиправительственный митинг, чтобы провести кампанию перед предстоящими парламентскими выборами (в рамках серии демонстраций протеста под названием «Марш несогласных»). Городская администрация санкционировала митинг в виде собрания, которое должно было состояться с 12:00 до 14:00 на Пионерской площади.

Место проведения митинга было оцеплено металлическими перилами и несколькими рядами сотрудников милиции. Власти утверждали, что было развернуто 6 100 сотрудников милиции, в том числе 400 сотрудников отряда милиции особого назначения.

Заявители присутствовали на месте митинга. По их словам, когда митинг закончился, милиция направила всех протестующих на ближайшую станцию метро Пушкинская, закрыв все соседние кварталы для движения транспорта и пешеходов. Заявители видели, как сотрудники ОМОН бежали к ним и без разбора избивали всех окружающих. Станция метро была закрыта. Они пытались пройти через Загородный проспект, но были заблокированы между милицейскими кордонами. Сотрудники милиции вытолкнули мирных жителей в небольшой парк. Некоторые люди вошли в него через ворота, а другим пришлось перелезть через забор.

Как утверждают Власти, в конце митинга группа примерно из 60 человек под флагами Национал-большевистской партии попыталась прорваться через милицейский кордон и провести несанкционированный марш по Загородному проспекту в направлении Московского проспекта. По данным Властей, лица из этой группы выкрикивали лозунги и бросали бутылки и другие предметы в сотрудников милиции.

Согласно версии событий Властей, ОМОНу пришлось применить силу для разгона этой отдельной группы протестующих и восстановления общественного порядка.

Во время этих событий к первому заявителю приблизился сотрудник ОМОНа и жестоко избил его. Сотрудник милиции ударил его по груди, ребрам и плечам и оставил лежать без сознания. Другие протестующие и второй заявитель отвели первого заявителя в машину скорой помощи. Позднее его увезли в Мариинскую больницу. В больнице первому заявителю был поставлен диагноз

к оглавлению

«закрытый перелом седьмого ребра, травматический пневмоторакс, закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение мозга».

В течение того же периода третий заявитель была ранена сотрудником ОМОНа резиновой дубинкой в лицо. Она начала падать без сознания, но ей помогли другие протестующие. Третьему заявителю впоследствии был поставлен диагноз «черепно-мозговая травма, сотрясение мозга, закрытые переломы костей носа и правой скулы». Первый и третий заявители оставались в больнице в течение нескольких дней, а затем были выписаны для амбулаторного лечения.

В апреле 2007 года заявители подали жалобы в органы прокуратуры Санкт-Петербурга на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции. Они подали дополнительные жалобы в мае 2007 года.

21 июня 2007 года было возбуждено уголовное дело. Заявители были признаны потерпевшими.

В период с декабря 2007 года по июнь 2009 года расследование по уголовному делу семь раз приостанавливалось ввиду невозможности установить сотрудников милиции, которые напали на заявителей.

25 июня 2009 года производство по уголовному делу было прекращено в связи с невозможностью установления личности преступников. Первый заявитель обжаловал постановление о приостановлении производства по делу, утверждая, что следователь не предпринял все необходимые меры для установления личности сотрудников милиции, участвовавших в нападениях.

29 апреля 2011 года Октябрьский районный суд г. Санкт-Петербурга признал постановление от 25 июня 2009 года законным. Суд отметил, что в ходе расследования было установлено, что 15 апреля 2007 года некоторые неустановленные сотрудники милиции превысили свои официальные полномочия и избили ряд протестующих. Кроме того, суд отметил, что потерпевшие и свидетели не могли опознать сотрудников милиции вследствие того, что сотрудники были в шлемах и не имели опознавательных знаков. Фотографии, предоставленные одним из свидетелей, не выявили какой-либо относящейся к расследованию информации. Суд признал, что в деле первого заявителя была предпринята попытка идентифицировать соответствующего сотрудника милиции по номеру на его шлеме (который виден на фотографиях, предоставленных самим заявителем). Наконец, суд отметил, что в ходе расследования по уголовному делу некоторые сотрудники милиции, задействованные во время митинга, были допрошены, а видео- и фотоматериалы были проанализированы. Однако ни одна из вышеуказанных мер не позволила установить личности преступников. Поэтому суд отклонил жалобу заявителей.

21 июня 2011 года Санкт-Петербургский городской суд оставил в силе постановление от 29 апреля 2011 года.

Первый и третий заявители жаловались на основании статей 3 и 13 Конвенции, что с ними 15 апреля 2007 года жестоко обращались сотрудники ОМОНа, и что по этому вопросу не было проведено эффективное расследование.

к оглавлению

Суд напоминает, что статья 3 Конвенции категорически запрещает пытки и бесчеловечное или унижающие достоинство обращение или наказание. Чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, ***жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня степени тяжести***, оценка которого зависит от всех обстоятельств дела, ***таких как длительность такого обращения, его физические и психологические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья потерпевшего***.

Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что сторонами не оспаривался тот факт, что соответствующие заявители были избиты неустановленными сотрудниками милиции в день митинга. Также не было сомнений в том, что нанесенные травмы были достаточно серьезными, чтобы достичь «минимального уровня степени тяжести», требуемого в соответствии со статьей 3 Конвенции.

При таких обстоятельствах Суд приходит к выводу, что насильственные действия милиции в отношении первого и третьего заявителей ***представляли собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение***.

Соответственно, имело место нарушение статьи 3 в ее материальном аспекте в отношении первого и третьего заявителей.

Суд напоминает, что, если лицо предъявляет небезосновательную жалобу о том, что в нарушение статьи 3 Конвенции оно подверглось крайне жестокому обращению со стороны представителей государства, по данному факту ***должно быть проведено тщательное и эффективное расследование***.

Хотя не каждое расследование должно обязательно прийти к заключению, совпадающему с версией событий, изложенной заявителем, любое ***расследование в принципе должно быть способным привести к установлению обстоятельства дела***, и, если утверждения окажутся верными, выявить и ***привлечь к ответственности виновных***.

Расследование таких обвинений в жестоком обращении должно быть проведено тщательно. Это означает, что ***органы власти всегда должны тщательно пытаться установить хронику событий и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу или как основание для вынесения решений***. Они должны принимать все разумные и доступные им меры в целях получения доказательств, касающихся происшествия, включая свидетельские показания и доказательства, полученные посредством судебно-медицинской экспертизы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрикулу против Турции», жалоба № 23763/94, пункты 104-111, и постановление Европейского Суда от 14 декабря 2000 года по делу «Гюль против Турции», жалоба № 22676/93, пункт 89). Кроме того, Суд часто оценивал оперативность реагирования властей на жалобы в период, относящийся к обстоятельствам дела, придавая значение дате начала расследования, задержкам в сборе показаний и длительности периода времени, потребовавшегося для завершения расследования (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», жалоба № 26772/95, пункты 133-136, и постановление Европейского Суда от 18 октября 2001 года по

к оглавлению

делу «Инделикато против Италии», жалоба № 31143/96, пункт 37). ***Любые недостатки в расследовании***, которые негативным образом сказываются на возможности установить причину повреждений или личность виновных, могут привести к выводу о том, что ***расследование не соответствовало соответствующим стандартам***.

Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что заявители выдвинули свои «спорные» обвинения в жестоком обращении со стороны сотрудников милиции вскоре после 15 апреля 2007 года. Их жалобы были подтверждены соответствующими медицинскими свидетельствами, указывающими на травмы различной степени тяжести, полученные в результате предполагаемого жестокого обращения. Тем не менее, органам власти потребовалось два месяца, чтобы возбудить уголовное дело. Потребовалось еще два и пять месяцев, чтобы предоставить первому и третьему заявителю, соответственно, статус потерпевшего в уголовном деле. Суду не было предоставлено правдоподобного объяснения этих задержек.

Суд отмечает, что в результате четырехлетнего расследования по уголовному делу органам власти не удалось установить сотрудников, ответственных за жестокое обращение. В качестве «объективного препятствия» для такого установления органы власти сослались на тот факт, что соответствующие сотрудники милиции носили шлемы и не имели опознавательных знаков на форме. Суд признает, что ношение шлемов и отсутствие опознавательных знаков на сотрудниках милиции усложнило установление личности преступников. Он также отмечает, что в ходе расследования третий заявитель и очевидцы, участвующие в деле, утверждали, что они не могли установить сотрудников полиции, ответственных за нападения, поскольку на них были надеты закрытые шлемы, а на их форме не было опознавательных знаков. В то же время, первый заявитель и свидетель предоставили фотографии с изображением сотрудников милиции, которые могли быть возможными преступниками. Следователь проверил версию, предложенную первым заявителем, в то время как материалы, представленные свидетелем, были сочтены не относящимися к делу. Из постановления от 29 апреля 2011 года также следует, что следователи допросили некоторых сотрудников полиции, ответственных за оцепление во время митинга, и изучили другие фото- и видеоматериалы. Однако, материалы дела не содержат подробностей, касающихся этих сотрудников (их личности, местонахождение и роль во время жестокого обращения), или их заявлений. В них также не содержится описания или анализа видео- и фотоматериалов, упомянутых в постановлении от 29 апреля 2011 года. Из материалов дела не следует, что следственные органы предприняли какие-либо меры, помимо упомянутых выше, для установления личности сотрудников милиции, ответственных за нападения, или что заявители были должным образом проинформированы о сути расследования (см. постановление Европейского Суда от 18 января 2007 года по делу «Читаев против России», жалоба № 59334/00, пункты 163-166). Таким образом, материалы, находящиеся на

к оглавлению

рассмотрении Суда***, не указывают на то, что расследование было тщательным или публичным***.

Вышеизложенные соображения достаточны для того, чтобы Суд мог сделать вывод, что расследование не соответствовало требованиям Конвенции.

Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте в отношении первого и третьего заявителей.

Заявители жаловались на агрессивное и насильственное поведение со стороны милиции в отношении протестующих. Они ссылались на статью 11 Конвенции.

Власти опротестовали данный довод. Они утверждали, что после митинга 15 апреля 2007 года группа его участников попыталась провести несанкционированный марш. Они утверждали, что члены группы выкрикивали провокационные лозунги и бросали бутылки в сотрудников милиции. Власти также утверждали, что милиция применила силу в отношении этих лиц для восстановления общественного порядка.

В ответ заявители утверждали, что вмешательство милиции представляло собой вмешательство в их права, закрепленные статьей 11 Конвенции. Они утверждали, что их не было среди лиц, которые действовали агрессивно или сопротивлялись распоряжениям сотрудников милиции. Они также утверждали, что подверглись нападению на пути к станции метро «Пушкинская», в противоположном направлении от Московского проспекта, куда направилась группа предполагаемых провокаторов. По их мнению, действия сотрудников милиции были направлены на то, чтобы заставить людей воздержаться от участия в публичных собраниях.

Суд напоминает, что ***вмешательство не обязательно выражается в полном запрете, установленном законом или фактически, но может представлять собой различные другие меры, предпринятые органами власти***. Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 должен толковаться как включающий как меры, предпринятые до или во время собрания, так и меры, например, штрафные санкции, примененные впоследствии (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 года по делу «Эзелин против Франции», пункт 39, Серия А № 202).

Физическое лицо ***не может быть лишено права на участие в мирных собраниях в результате единичных актов насилия или совершения других наказуемых деяний в ходе демонстрации, если это лицо сохраняет мирные намерения или поведение*** (см. постановление Европейского Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России», жалоба № 17391/06, пункт 155). Даже если имеется реальная угроза того, что публичная демонстрация выльется в беспорядки вследствие развития событий, которые организаторы не в состоянии контролировать, такая демонстрация не выходит за рамки действия пункта 1 статьи 11 Конвенции, но любые ограничения, наложенные на такое собрание, должны отвечать требованиям пункта 2 данной статьи.

к оглавлению

Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что сторонами не оспаривается, что заявители участвовали в митинге 15 апреля 2007 года и что их поведение было мирным. Не утверждалось, что они были среди лиц, которые, по данным Властей, нарушали общественный порядок во время собрания.

Суд считает, что вмешательство полиции и жестокое обращение представляли собой вмешательство в право заявителей, закрепленное статьей 11 Конвенции.

Суд готов признать, что в настоящем деле применение силы милицией было «предусмотрено законом» и преследовало законную цель предотвращения беспорядков и преступлений. Однако, учитывая приведенные выше выводы о жестоком обращении в отношении первого и третьего заявителей, а также выводы внутригосударственных судов о превышении полномочий сотрудниками милиции в ходе публичного собрания 15 апреля 2007 года, Суд считает, что вмешательство милиции и применяемая сила были несоразмерными и необязательными по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции. ***По мнению Суда, применение силы милицией могло иметь сдерживающее воздействие и заставить заявителей и других лиц воздержаться от участия в аналогичных собраниях.***

Соответственно, данные жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о нарушении статьи 11 Конвенции.

Следовательно, было допущено нарушение статьи 11 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 3 и 11 Конвенции и обязал государство-ответчика выплатить первому и третьему заявителям по **19 500** евро, второму **4 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **48 574** евро.

8. Постановление Европейского Суда по жалобе №№ 10780/07 и 54004/07 «Ачилов и другие против России», вынесено и вступило в силу 9 июня 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статей 10 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также пункта 1 статьи 5 и пункта 1 статьи 6 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей и необеспечения им справедливого судебного разбирательства.

11 апреля 2006 года Иванов уведомил городскую администрацию Геленджика о своем намерении провести публичное собрание в 11:00 22 апреля 2006 года на ступенях местного кинотеатра, а затем, в 13:00, марш в знак протеста против коррупции среди государственных должностных лиц. Первый и третий заявители были указаны как лица, оказывающие содействие организатору мероприятия (уполномоченные лица).

15 апреля 2006 года мэр города направил письмо Иванову, указав, что здание кинотеатра (включая ступени) является муниципальным учреждением и

к оглавлению

поэтому должно быть получено согласие его владельца. Кроме того, марш должен был пройти через район в непосредственной близости от суда, что было запрещено Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Наконец, организатор мероприятия должен был указать в запросе, как он намеревался обеспечить общественную безопасность и, при необходимости, оказать медицинскую помощь в ходе проведения публичного мероприятия. Поэтому мэр попросил Иванова воздержаться от проведения мероприятия.

18 апреля 2006 года первый и второй заявители направили письмо в мэрию, заявив, что требования, изложенные мэром, незаконны, и что мероприятие будет проходить в соответствии с планом.

По словам заявителей, 22 апреля 2006 года они были «приглашены» в местное отделение милиции для допроса в рамках доследственной проверки. По словам заявителей, их продержали там три часа, т.е. до конца времени, отведенного для публичного мероприятия. Двери отделения милиции были заперты и охранялись двумя вооруженными сотрудниками. Протокол задержания составлен не был.

8 июня 2006 года заявители обратились с заявлением о возбуждении уголовного дела против сотрудников милиции и городской администрации. Они утверждали, что действия государственных должностных лиц представляли собой состав ряда уголовных преступлений, таких как воспрепятствование публичному мероприятию, злоупотребление должностными полномочиями и незаконный арест или содержание.

11 июня 2006 года следователь принял постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении соответствующих должностных лиц.

Заявители требовали судебного пересмотра этого постановления в соответствии со статьей 125 Уголовно-процессуального кодекса. 28 июня 2006 года Геленджикский городской суд Краснодарского края оставил в силе отказ в возбуждении дела. 2 августа 2006 года рассмотрев постановление в апелляционном порядке, Краснодарский краевой суд оставил его без изменений.

Также Ачилов жаловался на то, что было допущено нарушение статьи 11 Конвенции в связи с нарушением его права на пикетирование, а также статей 3 и 13 Конвенции в связи с условиями его содержания с 23 по 26 апреля 2007 года, с 9 по 16 мая 2007 года и с 28 февраля по 4 марта 2011 года и отсутствием у него эффективных средств правовой защиты в этом отношении.

Одновременно Ачилов жаловался на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с его ограничением свободы 22 апреля 2006 года. Заявитель утверждал, что не было никаких фактических оснований для обоснованного подозрения в том, что он повредил стены каких-либо муниципальных зданий, и что фактическая цель его задержания 22 апреля 2006 года состояла в том, чтобы помешать ему участвовать в митинге (см. пункт 12 выше). Он указал, что протокол задержания не был составлен. Его продержали в отделении милиции в течение двух часов после окончания беседы, и ему было разрешено покинуть отделение

к оглавлению

милиции только по истечении времени, отведенного для публичного мероприятия.

Для того, чтобы установить, имело ли место ограничение свободы, отправной точкой в оценке Суда является конкретная ситуация, в которой оказалось соответствующее лицо; при этом необходимо учесть весь спектр факторов, возникающих в данном деле, например, тип, продолжительность, последствия и способ осуществления рассматриваемой меры. ***Различие между лишением и ограничением свободы проявляется лишь в степени или интенсивности, а не в природе меры или ее характере*** (см. постановление Европейского Суда от 26 июня 2014 года по делу «Крупко и другие против России», жалоба № 26587/07, пункт 34). Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статьи 5 Конвенции, ***применяется к лишению свободы на любой срок, каким бы коротким оно ни было*** (там же, пункт 35, с дальнейшими ссылками).

Имеются достаточные доказательства, демонстрирующие, что первый ***заявитель в самом деле находился под исключительным контролем органов власти*** в день рассматриваемых событий, то есть он был «официально вызван по повестке органами власти и вошел в помещение, которое находилось под их контролем». Принимая во внимание фактические элементы дела и прецедентную практику, Суд установил, что заявитель был лишен свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции, по крайней мере, после первого допроса, когда он пытался покинуть отделение милиции и не мог свободно выйти.

Далее Суд должен убедиться, соответствовало ли ограничение свободы требованиям пункта 1 статьи 5. В этой связи он напоминает, что ***список исключений в отношении права на свободу, перечисленный в пункте 1 статьи 5, является исчерпывающим***, и только узкое толкование этих исключений согласуется с целью этого положения, а именно, обеспечить, чтобы никто не был лишен свободы произвольно.

Лицо может быть задержано в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции в контексте уголовного судопроизводства с целью доведения его до компетентного правоохранительного органа по обоснованному подозрению в совершении преступления. «Обоснованность» подозрения, на котором должно основываться ограничение свободы, составляет существенную часть гарантии, изложенной в подпункте «с» пункта 1 статьи 5. Кроме того, предпосылка «обоснованное подозрение» означает наличие фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить правонарушение. Однако то, что может считаться «обоснованным», зависит от всех обстоятельств дела.

В подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции не предполагается, что следственные органы получили достаточные доказательства для предъявления обвинения во время ареста. ***Целью допроса в ходе задержания согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5 является дальнейшее проведение уголовного расследования путем подтверждения или опровержения конкретного***

к оглавлению

подозрения, явившегося основанием для ареста. Таким образом, вызывающие подозрение факты не обязательно должны достичь такого уровня, который необходим для осуждения или даже для предъявления обвинения, которое происходит на следующем этапе уголовного процесса.

Жалоба по уголовному делу от 21 апреля 2006 года касалась расклеивания листовок (неизвестными лицами), которые явно касались демонстрации, организатором и уполномоченным лицом которой были, соответственно, второй и первый заявители. Таким образом, не является необоснованным, что сотрудники милиции сочли необходимым также допросить заявителя в связи с этим. Однако, было (и остается) неясно, какое конкретное преступление в соответствии с Уголовным кодексом имело место. Суд также отмечает, что повестки ссылались на статью 73 Уголовно-процессуального кодекса, которая касается перечня обстоятельств, которые необходимо установить в ходе уголовного судопроизводства. Ни в этой статье, ни в повестках не указывался процессуальный статус заявителя во время его пребывания в отделении милиции.

Следовательно, ограничение свободы, которому был подвергнут заявитель, не имело какой-либо законной цели согласно пункту 1 статьи 5 и было произвольным (см., в аналогичном контексте, упоминавшееся выше постановление по делу «Крупко и другие против России», пункты 39-41).

Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении Ачилова, что касается событий 22 апреля 2006 года.

Ачилов жаловался на то, что имело место нарушение статей 10 и 11 Конвенции в отношении событий 22 апреля 2006 года и 23 апреля, 9 мая и 10 августа 2007 года, а также соответствующих разбирательств, возбужденных им или против него.

В жалобе № 54004/07 Иванов подал жалобы в соответствии со статьями 10, 11 и 13 Конвенции в связи с его преследованием после демонстрации 10 августа 2007 года.

Суд считает, что жалобы в отношении событий 22 апреля 2006 года и 10 августа 2007 года подлежат рассмотрению в соответствии со статьей 11 Конвенции, а жалобы в отношении событий 23 апреля и 9 мая 2007 года – в соответствии со статьей 10 Конвенции.

Митинг 22 апреля 2006 года

Суд уже установил, что содержание заявителя в отделении милиции было связано с митингом и что, по крайней мере, часть времени, проведенного им там, представляла собой незаконное ограничение свободы

Не было доказано, что было непрактично или иным образом нецелесообразно продолжать беседу с заявителем в связи с жалобой на расклеивание листовок в другое время. ***Продолжительное ограничение свободы Ачилова 22 апреля 2006 года, которое не позволило ему принять участие в митинге,*** также представляло собой «вмешательство» в соответствии со статьей 11 Конвенции. Это ***вмешательство не было «предписано законом» и не было доказано, что оно «необходимо в демократическом обществе».***

к оглавлению

Соответственно, Суд делает вывод, что имело место нарушение статьи 11 Конвенции.

Одиночное пикетирование 23 апреля 2007 года

Сторонами не оспаривалось, и у Суда нет оснований утверждать иное, что приговор об административном аресте представлял собой «вмешательство» в право заявителя на свободу выражения мнения, по крайней мере, в отношении его преследования в связи с сообщением на одном из его плакатов с надписью: «Долой Путина и Ткачева!», которое суд первой инстанции квалифицировал как призыв к свержению главы государства и губернатора Краснодарского края и как состав преступления, мелкое хулиганство. Таким образом, независимо от действительности судебного преследования заявителя в отношении некоторых аспектов его фактического поведения, которые он не заявлял, как часть своей свободы выражения мнения, защищенной статьей 10 Конвенции, и которые апелляционный суд не подтвердил как фактически установленные, ***Суд не убежден в том, что было «необходимо в демократическом обществе» привлечь заявителя к ответственности за его плакат***. Отмечая, что апелляционный суд прекратил рассмотрение дела, ни его обоснование, ни обоснование гражданского суда не содержат какого-либо признания в отношении свободы выражения мнения заявителя. В любом случае ***компенсация в размере 270 евро была явно недостаточной, чтобы лишить заявителя его статуса «жертвы» согласно Конвенции***.

Демонстрация 9 мая 2007 года

Суд отмечает, что при назначении заявителю штрафа внутригосударственные суды не установили, является ли событие, которое на самом деле произошло, «групповым событием», и не опровергли довод заявителя о том, что он провел одиночное пикетирование.

Суд заключает, что в отношении Ачилова, что касается пикетирования 9 мая 2007 года, было допущено нарушение статьи 10 Конвенции.

Демонстрация 10 августа 2007 года

Поскольку Ачилов жаловался на прекращение демонстрации, Суд, во-первых, отмечает, что он не может оценить действительность оснований, предоставленных мэром при возражении против демонстрации. В ходе внутреннего разбирательства было кратко упомянуто, что ***демонстранты оказались на дороге, препятствуя движению и работам по реконструкции в непосредственной близости от здания***. Однако, Суд не убежден в том, что все соответствующие факты были надлежащим образом установлены в ходе различных процедур внутригосударственного разбирательства и подвергнуты тщательной оценке, чтобы установить, было ли прекращение демонстрации (или участия заявителя в ней) «необходимо в демократическом обществе», в частности, в силу любых уважительных причин, выходящих за рамки простой незаконности демонстрации (см. постановление по делу «Лашманкин и другие против России», пункт 461), например, в целях защиты «прав других лиц» и общественной безопасности. Суды не привели никаких причин, которые были бы уместными и

к оглавлению

достаточными для обоснования «вмешательства». В частности, ***не было выяснено, нарушала ли демонстрация, и если да, то каким образом и в какой степени, обычную жизнь*** (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, пункт 155 и далее). Суд приходит к выводу, что было допущено нарушение статьи 11 Конвенции в отношении Ачилова в этой связи.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование пункта 1 статьи 5, пункта 1 статьи 6, статей 10 и 11 Конвенции и обязал государство-ответчика выплатить заявителям по **14 200** евро в качестве компенсации морального вреда.

9. Постановление Европейского Суда по жалобе № 4505/08 «Сокирянская и другие против России» вынесено и вступило в силу 23 июня 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей и необеспечения.

12 октября 2006 года лидер правозащитной ассоциации «Машр», базирующейся в г. Назрани, Республика Ингушетия, представил властям уведомление о планируемой стационарной демонстрации (пикете) в соответствии с Законом от 19 июня 2004 года «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетах»). Пикет должен был состояться 16 октября 2006 года с 16:00 до 18:00 возле памятника героям Второй мировой войны на проспекте Базоркина. Пикет был посвящен памяти журналистки Анны Политковской, которая была убита 7 октября 2006 года.

15 октября 2006 года руководитель организации «Машр» получил от главы администрации города Назрани собственноручное письмо о запрете проведения запланированного пикета на том основании, что «Машр», будучи некоммерческой организацией, не имела права его организовывать.

Считая решение городской администрации нарушением закона, лидер «Машр» продолжил организацию пикета.

16 октября 2006 года, до 16:00, заявители прибыли на место проведения пикета. Там было несколько полицейских и людей в гражданской одежде. Полицейские и люди в гражданской одежде предположительно оскорбили пикетчиков, в том числе заявителей, и приказали им разойтись. Когда заявители поняли, что они не смогут провести пикет, они решили уйти.

Третий, четвертый и пятый заявители были задержаны по пути к автомобилю, шестой заявитель был задержан на месте запланированного пикета. Примерно в 16:00 их перевели в Назрановское отделение полиции. По словам заявителей, их доставили в отделение полиции на автомобилях, не имевших опознавательных знаков полиции, им не было своевременно сообщено

к оглавлению

о причинах их задержания, а их адвокату не разрешили встретиться с ними, когда он прибыл в отделение полиции.

Как утверждали заявители, в полночь 16 октября 2006 года они были доставлены к мировому судье, который зачитал им протоколы об их задержании, составленные полицейскими. В протоколах отмечалось: заявители участвовали в пикете и отказались выполнить распоряжение сотрудников полиции и покинуть место собрания, что являлось административным правонарушением, предусмотренным статьей 20.2 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации. Заявители опротестовали эти протоколы. Заявителей освобождали с 12:30 до 13:30 17 октября 2006 года. Впоследствии слушание было отложено до 31 октября 2006 года. 31 октября 2006 года мировой судья прекратил административное производство в отношении указанных заявителей на том основании, что правонарушения совершено не было.

Как утверждают заявители, при выходе с места запланированного пикета на второго заявителя сзади напали двое мужчин. Во время последовавшей драки мужчина в гражданской одежде, Т., ударил первого заявителя по лицу. У нее началось кровотечение из носа, и второй заявитель отвез ее в больницу. У первого заявителя диагностировали открытый перелом кости носа, сотрясение мозга и закрытая черепно-мозговая травма.

Заявители жаловались, что власти незаконно запретили пикет и не позволили им принять в нем участие. Они ссылались на статью 11 Конвенции.

В руководящих решениях (см., например, постановление Европейского Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России», жалоба № 74568/12, пункты 100-42; постановление Европейского Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России» жалоба № 76204/11, пункты 49-75; и постановление Европейского Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России», жалоба № 21613/07, пункты 82-97) Суд уже установил нарушение в отношении вопросов, аналогичных рассматриваемым в настоящем деле.

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не установил каких-либо фактов или доводов, способных убедить его прийти к другому выводу по поводу приемлемости и существа данных жалоб. Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что разгон общественного собрания 16 октября 2006 года и задержание третьего, четвертого, пятого и шестого заявителей ***не были «необходимыми в демократическом обществе»***.

Соответственно, данные жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о нарушении статьи 11 Конвенции.

Ссылаясь на статью 3 Конвенции, первый заявитель жалуется на то, что она была подвергнута жестокому обращению в присутствии высокопоставленных должностных лиц, и что власти не провели эффективного расследование по этим фактам.

Суд напоминает, что обязательство Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии со статьей 1 Конвенции обеспечивать каждому человеку,

к оглавлению

находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, взятое в сочетании со статьей 3, ***требует от государств принятия мер, направленных на обеспечение того, чтобы лица, находящиеся под их юрисдикцией, не подвергались пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению***, включая такое жестокое обращение, совершаемое физическими лицами.

В случаях, когда имеется утверждение о том, что власти нарушили свое позитивное обязательство по защите права на жизнь в контексте упомянутой обязанности предупреждать преступления и бороться с преступлениями против жизни, должно быть установлено убедительным для Европейского Суда способом, что ***власти знали или должны были знать на момент существования реальной и непосредственной угрозы для жизни установленного лица или лиц от уголовно запрещенного деяния со стороны третьих лиц***, и то, что они ***не приняли мер, исходя из имеющихся у них полномочий, от которых, по разумной оценке, можно было бы ожидать предотвращения упомянутой угрозы***. Аналогичным образом, когда предполагаемое нарушение касается статьи 3 Конвенции, Суд постановил, что государство обязано принять «разумные меры» для предотвращения жестокого обращения, о котором властям было или должно было быть известно.

Переходя к настоящему делу, нельзя оспаривать тот факт, что заявитель была избита Т. в присутствии полицейских. Без ущерба для тяжести нанесенных телесных повреждений Суд отмечает, что это было ***мгновенное действие, а не повторное избиение***. Из имеющихся документов не следует, что Т. угрожал первому заявителю, прежде чем оскорбить ее, или что первый заявитель обратилась в полицию за помощью, чтобы предотвратить нападение. Суд далее отмечает, что после этого первого удара полицейские вмешались и предотвратили агрессивное поведение Т. в отношении первого заявителя. Таким образом, ***нельзя сказать, что в данном деле органы государственной власти не обеспечили должной защиты первому заявителю во время публичного мероприятия***.

Суд также ***не считает, что расследование по данному делу было неэффективным***. Власти провели расследование в отношении полицейских, но не нашли в их действиях признаков уголовного преступления. Уголовное расследование в отношении Т. было возбуждено и привело к его осуждению 10 июня 2007 года, которое заявитель не оспаривала.

С учетом вышеизложенного Суд считает, что ***жалоба первого заявителя на нарушение статьи 3 Конвенции является явно необоснованной***. Поэтому данная жалоба должна быть отклонена на основании пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

С третьего по шестой заявители жаловались на то, что их задержание и заключение под стражу 16 октября 2006 года не были проведены в соответствии с процедурой, предусмотренной законом, что они были незаконными и произвольными и что их заключение под стражей превышало три часа.

к оглавлению

Суд уже рассматривал дела, затрагивающие аналогичные вопросы (см. постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России», жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 486-92, со ссылками на него), и установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. В настоящем деле Власти не выдвинули никаких фактов или доводов, которые могли бы побудить Суд прийти к другому выводу.

Вышеизложенного достаточно для того, чтобы Суд пришел к выводу, что в настоящем деле имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 11 Конвенции, а также пункт 1 статьи 5 Конвенции относительно ограничения свободы на срок более трех часов и обязал государство-ответчика выплатить заявителям от **4 00**0 до **5 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **29 000** евро.

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

МВД России в пределах компетенции реализован комплекс мероприятий организационного и управленческого характера, направленных на предотвращение установленных ЕСПЧ нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Вопросы соблюдения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации регулярно рассматриваются на оперативных совещаниях у руководства подразделений центрального аппарата МВД России, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений и управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации. С сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации проводятся занятия по изучению основных положений Конвенции.

На постоянной основе обобщается практика применения законодательства зарубежных стран в области административного и уголовного судопроизводства в целях выработки правовых, организационных и иных мер по повышению эффективности обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Согласно пунктам 5 и 12 раздела А Декларации о полиции Парламентской ассамблеи Совета Европы (Страсбург, 8 мая 1979 г.) полицейский должен противодействовать фактам нарушения закона; в случае, когда правонарушение может непосредственно повлечь причинение непоправимого и серьезного ущерба, он должен незамедлительно принять все возможные меры по предотвращению такого правонарушения; при исполнении своих обязанностей полицейский должен действовать решительно для достижения цели, предписанной или допущенной законом, но при этом применять силу только в разумных пределах.

к оглавлению

В соответствии со статьей 10 Конвенции каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

В соответствии со статьей 11 Конвенции каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

Реализация этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Одновременно статьей 31 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Вместе с тем гарантированное Конституцией Российской Федерации указанное право граждан Российской Федерации не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности, с тем, чтобы вводимые им ограничения не посягали на само существо данного конституционного права и не препятствовали открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения мирных публичных акций.

Указанным требованиям общепризнанных норм международного права корреспондируют положения национального законодательства Российской Федерации.

Организация подготовки и проведения на территории Российской Федерации публичных мероприятий регламентируется Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Федеральный закон № 54-ФЗ).

В соответствии с требованиями части 5 статьи 5 Федерального закона № 54-ФЗ организатор публичного мероприятия не вправе проводить публичное мероприятие, если уведомление о его проведении не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия.

Необходимость такого согласования обусловлена прежде всего обеспечением бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры, а также необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан (как участников публичного мероприятия, так и лиц, которые могут находиться

к оглавлению

в месте его проведения в определенное для этого время) либо иными подобными причинами.

По смыслу статьи 5 Федерального закона № 54-ФЗ проведение публичного мероприятия без выполнения указанных требований является нарушением порядка проведения публичного мероприятия и образует состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.2 КоАП.

Согласно части 4 статьи 17 Федерального закона 54-ФЗ неисполнение законных требований сотрудников полиции или неповиновение (сопротивление) им отдельных участников публичного мероприятия влечет за собой ответственность этих участников, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Согласно статье 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции») полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Так, пунктом 6 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» на полицию возложена обязанность обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасность граждан и общественный порядок, оказывать в соответствии с законодательством Российской Федерации содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий.

Для выполнения указанной обязанности сотрудники полиции наделены правом осуществлять в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места (пункт 18 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции»).

В соответствии с требованиями пунктов 2 и 11 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» на полицию возложены обязанности по незамедлительному прибытию на место совершения административного правонарушения, пресечению противоправных деяний, в том числе административных правонарушений, отнесенных к подведомственности полиции, документированию обстоятельств совершения административного правонарушения, обеспечению сохранности следов административного правонарушения.

к оглавлению

В соответствии с частью 1 статьи 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления, уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, в том числе доставление и административное задержание.

Доставление не только позволяет процессуально закрепить факт совершенного правонарушения, но одновременно является и мерой, пресекающей правонарушение (статья 27.1 КоАП). Данный подход подтверждается и ЕСПЧ, который нашел очевидным, что при определенных обстоятельствах у властей могут быть законные основания для применения таких мер. Например, лицо может быть доставлено в отдел полиции, чтобы пресечь на первый взгляд незаконное поведение, если он или она отказываются подчиняться законному распоряжению о прекращении подобного поведения, или по другим основаниям, которые содержатся в пункте 1 статьи 5 Конвенции (пункт 177 постановления Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 2016 года «Новикова и другие против Российской Федерации»« (жалобы № 25501/07, 57569/11, 80153/12, 5790/13 и 35015/13).

На руководителей территориальных органов МВД России возложена персональная ответственность за недопущение совершения личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм поведения, предъявляемых к сотруднику полиции.

В территориальных органах МВД России изучены и неукоснительно соблюдаются в служебной деятельности положения, отраженные в Методических рекомендациях по реализации постановлений Европейского Суда по правам человека и Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам обеспечения прав граждан на мирные собрания (№ 1/579 от 24.01.2019).

Кроме того, в практической деятельности используются 2 учебных пособия «Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя) и «Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов» (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова).

В указанных учебных пособиях рассматриваются особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего и индивидуального характера, а также проводится анализ правовых позиций по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

к оглавлению

На руководителей территориальных органах МВД России возложена персональная ответственность за совершение личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм поведения, предъявляемых к сотруднику полиции.

3.4. Постановление Европейского Суда по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 других жалоб (проведение обследования, осмотров мест происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях адвокатов и иных лиц, оказывающих юридические услуги)

Вынесено 4 февраля 2020 года, вступило в силу 4 июня 2020 года.

В постановлении Европейского Суда по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 других жалоб обжалуется незаконность обысков в помещениях заявителей, являющихся адвокатами, изъятие электронных устройств, содержащих личную информацию, а также отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты. По делу допущено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Жалоба № 14244/11 «Белинская и другие против России» объявлена неприемлемой.

Заявители - практикующие адвокаты. Кроме Федорова, Силиванова и Мезенцева (жалобы № 58290/08, 10825/11 и 73629/13), все заявители являются членами коллегий адвокатов. Сотрудники правоохранительных органов провели обыски в домах и офисах адвокатов. Заявители жаловались в суды Российской Федерации на незаконность судебных решений, разрешающих производство обысков и (или) на порядок проведения обысков. Их жалобы были безуспешными.

Европейский Суд обращает внимание, что согласно пункту 22 Основных принципов роли адвокатов (принятых в 1990 году Восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) «правительства признают и уважают, что все коммуникативные и консультативные связи между адвокатами и их клиентами в рамках их профессиональных отношений являются конфиденциальными».

Комитет министров Совета Европы в своей Рекомендации № Rec(2000)21 призвал правительства государств-членов принять все необходимые меры «для обеспечения соблюдения конфиденциальности отношений между адвокатом и клиентом». Исключения из этого принципа могут допускаться «только в том случае, если они совместимы с верховенством права».

Парламентская Ассамблея Совета Европы в своей Рекомендации № 2085 (2016) и Резолюции № 2095 (2016) напомнила государствам-членам о роли правозащитников и необходимости усиления их защиты.

к оглавлению

В Рекомендации № Rec21 (2018) Парламентская Ассамблея Совета Европы предложила Комитету министров разработать и принять конвенцию о профессии юриста, основанную на стандартах, изложенных в Рекомендации № R(2000)21 и других соответствующих документах, включая Хартию основных принципов европейской юридической профессии Совета коллегий адвокатов и юридических обществ Европы, Туринские принципы профессиональной деятельности юристов для юридической профессии в XXI веке и стандарты Международной ассоциации адвокатов для независимости юридической профессии, принципы Международной ассоциации юристов для юридической профессии и руководство по установлению и поддержанию процедур подачи жалоб и дисциплинарного производства. По мнению Парламентской Ассамблеи Совета Европы, эти меры будут способствовать усилению таких основополагающих гарантий, как юридическая профессиональная привилегия и конфиденциальность общения между адвокатом и клиентом.

Заявители жаловались на то, что обыски в их жилых или служебных помещениях и изъятие электронных устройств, содержащих личную информацию или документы, подпадающие под действие профессиональной адвокатской тайны, являлись нарушением статьи 8 Конвенции. Заявители также жаловались на то, что в нарушение статьи 13 Конвенции, взятой во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции, они не располагали эффективными средствами правовой защиты в отношении обысков в их помещениях.

Указанные статьи Конвенции гласят следующее:

Статья 8

1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц...

Статья 13

Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

Заявители утверждали, что обыски в их помещениях не соответствовали стандартам, установленным статьей 8 Конвенции. Судебные решения, разрешающие производство обысков, не были основаны на достаточных доказательствах, подтверждающих утверждения о том, что заявители владели искомой информацией. В 14 случаях заявители не являлись официальными подозреваемыми в соответствующих расследованиях. В 12 случаях единственной

к оглавлению

связью заявителей с уголовными делами было то, что они оказывали юридическую помощь физическим или юридическим лицам, участвующим в этих уголовных делах. Кроме того, суды не уточняли подробно пределы обысков и не дали каких-либо указаний, направленных на защиту документов, относившихся к профессиональной адвокатской тайне. Наконец, обыски в помещениях и изъятие электронных устройств не сопровождались такими процедурными гарантиями, как присутствие независимых наблюдателей.

Европейский Суд отмечает, что следственные органы проводили «обследования», «осмотры на месте преступления» или «обыски» в домах или офисах заявителей. Европейский Суд вновь повторяет, что любая мера, если она не отличается по способу исполнения и практическим последствиям от обыска, равносильна, независимо от ее характеристик в соответствии с внутренним законодательством, вмешательству в права заявителей, предусмотренные статьей 8 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Аванесян против Российской Федерации» от 18 сентября 2014 г., жалоба № 41152/06, пункт 39).

Европейский Суд неоднократно утверждал, что преследование и притеснение представителей юридической профессии наносят удар по самому сердцу конвенционной системы. В связи с этим ***обыски в домах или офисах адвокатов должны подлежать особо строгому контролю***. Для определения того, были ли эти меры «необходимы в демократическом обществе», надо выяснить, имеются ли во внутригосударственном законодательстве эффективные гарантии против злоупотреблений или произвола и как эти гарантии применяются в конкретных рассматриваемых случаях. В этом отношении следует учитывать тяжесть преступления, в связи с которым производились обыск и выемка, были ли они проведены с разрешения судьи или судебного должностного лица либо подвергнуты судебному контролю после вынесения решения, было ли оно основано на разумных подозрениях и был ли его объем разумно ограничен. Европейскому Суду необходимо также проверить порядок проведения обыска, в том числе если речь идет об адвокатской конторе, был ли он произведен в присутствии независимого наблюдателя или существовали ли другие специальные гарантии для обеспечения того, чтобы материалы, подпадающие под действие юридической профессиональной привилегии, не были изъяты. Европейскому Суду необходимо, наконец, принять во внимание степень возможного влияния на работу и репутацию лиц, затронутых обыском.

Переходя к настоящим делам, Европейский Суд отмечает, что только по одной из 15 жалоб адвокат-заявитель был официальным подозреваемым в совершении уголовного преступления - клевете на судью. В остальных 14 случаях заявителями были адвокаты, против которых не были возбуждены уголовные дела. По двум жалобам были разрешены обыски в отношении родственников заявителей, подозреваемых в совершении преступлений. В остальных 12 жалобах в помещениях адвокатов производился обыск, поскольку их клиенты находились под следствием и, следовательно, адвокаты могли располагать какой-либо полезной информацией о них.

к оглавлению

В постановлениях судов о разрешении производства обысков, если они были вынесены, указывалось, что материалы, представленные по уголовным делам, давали достаточные основания полагать, что документы или предметы, имеющие отношение к расследованию, могут находиться в помещениях заявителей. ***Однако в них не разъяснялось, что это были за материалы и на чем основывалось предположение о том, что соответствующие доказательства могут быть найдены в помещениях, подлежащих обыску***. Постановления судов о разрешении производства обысков были составлены в очень широких выражениях, что ***давало следователям неограниченную свободу действий при проведении обысков***. В соответствии с устоявшейся прецедентной практикой Европейского Суда судебные решения, разрешающие производство обысков, должны быть составлены, насколько это практически возможно, таким образом, чтобы их воздействие оставалось в разумных пределах (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Юдицкая и другие против Российской Федерации» от 12 февраля 2015 г., пункт 29, с дальнейшими ссылками).

Что касается заявителей, являвшихся членами коллегии адвокатов, то внутригосударственные суды, по-видимому, полагали, что единственной гарантией, обеспечиваемой в ходе обыска помещений адвокатов, является предварительное судебное разрешение и что это требование имеет чисто процессуальный характер. Европейский Суд ранее указывал, что ***судебный контроль сам по себе не является достаточной гарантией против злоупотреблений*** (см. Решение Европейского Суда по делу «Крин против Соединенного Королевства от 6 января 2004 г., жалоба № 15848/03, и Постановление Европейского Суда по делу «Геращенко против Украины» от 7 ноября 2013 г., жалоба № 20602/05, пункт 130). Внутригосударственные суды ни разу не пытались сопоставить обязанность защищать конфиденциальность отношений между адвокатом и клиентом с учетом потребностей уголовного расследования. Например, суды не рассматривали возможность получения запрашиваемой информации из других источников (например, от клиентов самих адвокатов). Кроме того, отсутствуют какие-либо доказательства того, что суды руководствовались какими-либо правилами для определения того, когда возможно и когда недопустимо нарушать конфиденциальность юридически привилегированных документов (см. Постановление Европейского Суда по делу «Саллинен и другие против Финляндии» от 27 сентября 2005 г., жалоба № 50882/99, пункт 92). Напротив, при принятии постановлений о разрешении производства обысков суды, по-видимому, исходили из того, что конфиденциальность отношений между адвокатом и клиентом может быть нарушена в любом случае, пока ведется уголовное расследование, даже если это расследование возбуждено не против адвокатов, а в отношении их клиентов.

Европейский Суд приходит к выводу, что в тех случаях, когда выносились постановления о разрешении производства обысков, внутригосударственные суды не проводили всестороннего анализа или не проверяли, отвечало ли

к оглавлению

вмешательство в права заявителей настоятельной общественной необходимости и было ли оно соразмерно преследуемым правомерным целям.

Аналогичным образом в ситуациях, когда заявители жаловались также или только на порядок проведения обысков, суды Российской Федерации рассматривали главным образом вопрос о том, соответствовали ли действия властей соответствующим уголовно-процессуальным требованиям. Однако внутригосударственные суды не оценили необходимость и соразмерность действий следственных органов.

Законодательство Российской Федерации в период, относившийся к обстоятельствам дела, не предусматривало процессуальных гарантий предотвращения вмешательства в профессиональную тайну, таких как, например, ***запрет на изъятие документов, относящихся к сфере действия режима конфиденциальности «адвокат-клиент», или контроль за обыском со стороны лица, способного независимо от следственной группы установить, какие документы подпадают под действие такого режима конфиденциальности*** (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Юдицкая и другие против Российской Федерации», пункт 30, с дальнейшими ссылками). Отсутствие процессуальных гарантий в то время подтверждается изменениями, внесенными в законодательство 17 апреля 2017 г. Однако это не повлияло на положение заявителей до указанной даты. В этот же период не было возможности обеспечить присутствие представителя коллегии адвокатов или поручить судье решить, могут ли те или иные документы или предметы быть использованы следствием, если заявители возражают против этого на основании профессиональной конфиденциальности. ***Присутствие понятых не являлось достаточной гарантией, поскольку они были непрофессионалами, не имеющими юридического образования, неспособными идентифицировать привилегированный материал*** (см. упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Юдицкая и другие против Российской Федерации», пункт 30, с дальнейшими ссылками). Кроме того, что касается данных электронных устройств заявителей, которые были изъяты следователями, то, по-видимому, во время обысков не проводилось какой-либо процедуры их отбора.

Даже существующие гарантии, такие как обращение за юридической помощью во время обыска, были недоступны, по крайней мере, одной заявительнице под тем предлогом, что ее адвокат прибыл на место происшествия с опозданием, когда обыск уже начался. Не ясно, как адвокат мог присутствовать в начале обыска, учитывая, что заявительница не была заранее уведомлена об обыске и не она выбирала время начала обыска.

Принимая во внимание вышеизложенное, Европейский Суд приходит к выводу, что ***обыски в настоящих делах нарушали профессиональную конфиденциальность в такой степени, которая была несоразмерна преследуемой правомерной цели***.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требования статьи 8 Конвенции в отношении

к оглавлению

22 заявителей, жалобы которых были объявлены приемлемыми для рассмотрения по существу, и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции в отношении 11 заявителей, а также постановил, что отсутствует необходимость отдельно рассматривать вопрос о нарушении статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции ;в рассмотрении жалоб на нарушение статей 6 и 13 Конвенции и о нарушении статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 1 Протокола № 1 к Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям от **2 000** до **12 700** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **220 600** евро.

Позиция МВД России по данному постановлению ЕСПЧ

1. Меры общего характера.

Министерством внутренних дел Российской Федерации в пределах компетенции реализован комплекс мероприятий организационного и управленческого характера, направленных на предотвращение установленных Европейским Судом по правам человека в постановлении по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 другим жалобам нарушений российскими властями статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с проведением обследования, осмотров места происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях адвокатов и иных лиц, оказывающих юридические услуги.

Вопросы соблюдения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации регулярно рассматриваются на оперативных совещаниях при руководстве подразделений центрального аппарата МВД России, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений и управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации. С сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации проводятся занятия по изучению основных положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В системе морально-психологической подготовки личного состава проводятся дополнительные практические тренинги по управлению негативными эмоциями, а также корректному и вежливому обращению с гражданами, в том числе отработке действий сотрудников органов внутренних дел при воспрепятствовании им в осуществлении законной деятельности.

В МВД России обобщается практика применения законодательства зарубежных стран в области уголовного судопроизводства в целях выработки правовых, организационных и иных мер по повышению эффективности обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

На руководителей территориальных органов МВД России возложена персональная ответственность за совершение личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм поведения, предъявляемых к сотруднику органов внутренних дел Российской Федерации.

к оглавлению

Ко всем сотрудникам, допустившим в своей деятельности нарушения законности, а также их руководителям, не обеспечившим надлежащую результативность воспитательной работы с подчиненным личным составом, применяются меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные статьей 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вплоть до увольнения со службы в органах внутренних дел.

В целях предупреждения неправомерных действий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации МВД России в подразделения центрального аппарата, территориальные органы МВД России и ведомственные образовательные организации направлено указание от 1 октября 2019 г. № 1/11024 за подписью статс-секретаря – заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации «О мерах реагирования на нарушения в действиях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, выявляемые Европейским Судом по правам человека».

В территориальные следственные подразделения МВД России по итогам работы за 2020 год направлены обзоры «О состоянии работы с обращениями граждан и организаций, поступившими в Следственный департамент МВД России» и «О дополнительных мерах по укреплению законности». В целях устранения недостатков предписано принять исчерпывающие меры, направленные на восстановление и защиту законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства, организовать должный ведомственный и процессуальный контроль, обеспечить на постоянной основе качество и полноту досудебного производства по рассматриваемым сообщениям о преступлениях и уголовным делам, находящимся в производстве, исключив факты принятия незаконных и необоснованных процессуальных решений.

В целях предотвращения в дальнейшем нарушений положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. текст неофициального перевода на русский язык указанного Постановления направлен в территориальные органы МВД России для организации учёта в практической деятельности правовых позиций Европейского Суда по правам человека и недопущения нарушений уголовно-процессуального законодательства в дальнейшем.

2. Меры индивидуального характера.

Указанные в жалобе № 2397/11 «Балян и другие против России» предметы изымались в рамках расследования уголовного дела № 304794, возбужденного следователем следственной части Главного следственного управления Главного управления МВД России по г. Москве (далее – СЧ ГСУ) 28 августа 2009 года, по признакам состава преступления, предусмотренного пунктами «а», «б» части второй статьи 171 (Незаконное предпринимательство) Уголовного кодекса Российской Федерации, которое в декабре 2012 года изъято из производства СЧ

к оглавлению

ГСУ заместителем Генерального прокурора Российской Федерации и передано для дальнейшего расследования в Следственное управление Юго-Западного административного округа Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве.

Соответственно, сведениями о возврате указанных предметов Баляну А.В. МВД России не обладает.

Указанные в жалобе № 29786/15 «Парначев и другие против России» предметы изымались в рамках расследования уголовного дела № 40313, возбужденного по признакам состава преступления, предусмотренного частью третьей статьи 160 (Присвоение или растрата) УК следователем 2 отдела по расследованию особо важных дел Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Новосибирской области, которое 22 мая 2015 года в порядке статьи 222 (Направление уголовного дела в суд) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации направлено в Железнодорожный районный суд г. Новосибирска.

Соответственно, сведениями о возврате указанных предметов Парначеву В.В., Прохорову В.В., Пестову А.В. и Рожкову М.В. МВД России не обладает.

3. Внесение изменений в законодательство Российской Федерации.

Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен статей 450^1 «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката», которая в должной мере регулирует особенности производства обыска, осмотра, выемки в жилых и служебных помещениях, используемых адвокатами для осуществления адвокатской деятельности, что отмечено в пункте 94 постановления Европейского Суда по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 другим жалобам.

По вопросу обеспечения профессиональной тайны при производстве обследований, осмотров мест происшествия и обысков в жилищах и рабочих помещениях лиц, оказывающих юридические услуги, но не являющихся адвокатами, в МВД России сформирована следующая позиция.

Под юридическими услугами понимаются услуги правового характера, в том числе предоставление консультаций и разъяснений, подготовка и правовая экспертиза документов, представление интересов заказчиков в судах (Договор о Евразийском экономическом союзе, подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.).

Сравнивая статусные публично-правовые характеристики лиц, оказывающих юридические услуги, представляется, что при всей схожести осуществляемых ими видов деятельности не исключается возможность социально оправданной дифференциации в правовом регулировании отношений с их участием.

к оглавлению

Так, Конституционный Суд Российской Федерации отмечал, что адвокаты, на которых законом возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина (в том числе по назначению судов), осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, реализуя тем самым гарантии права каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Такая деятельность не преследует цель извлечения прибыли, а гражданин Российской Федерации, приобретающий в силу осуществляемой им деятельности публично-правовой статус, добровольно принимает связанные с ним условия, ограничения и преимущества *(Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 декабря 1999 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 г. «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд Социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов», определения Конституционного Суда Российской Федерации от 1 июня 2010 г. № 782-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарева Николая Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», от 29 сентября 2011 г. № 1278-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тимушева Артема Андреевича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пунктом 1 постановления Правительства Российской Федерации «О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда», пунктом 1 постановления Правительства Российской Федерации «Об индексации размера оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, и размера выплат при оказании адвокатами юридической помощи военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, по вопросам, связанным с прохождением военной службы, а также по иным основаниям, установленным федеральными законами», а также пунктами 2 и 3 Порядка расчета оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда, в зависимости от сложности уголовного дела« и от 20 февраля 2014 г. № 426-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ламбина Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав подпунктом 5 пункта 1 и пунктом 6 статьи 17, пунктом 1 статьи 40 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).*

В отличии от адвокатов, иные лица, оказывающие юридические услуги, не имеют указанных обязательств и ограничений, следовательно, при имеющейся схожести осуществляемой ими деятельности, они не могут быть отнесены к специальным субъектам, которые должны обладать дополнительными гарантиями и средствами правовой защиты.

к оглавлению

Такая дифференциация не может рассматриваться как нарушение принципа равенства всех перед законом. Конституционный принцип, предполагающий равный подход к формально равным субъектам, не обусловливает необходимость предоставления одинаковых гарантий лицам, относящимся к разным категориям, а равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимость их учета законодателем *(определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 ноября 2014 г. № 2651-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Геннадьевича на нарушение его конституционных прав абзацем седьмым пункта 1 статьи 64 и статьей 848 Гражданского кодекса Российской Федерации» и от 9ноября 2017 г. № 2515-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пименова Дмитрия Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 2 статьи 5 и положением части 11.1 статьи 12 Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»).*

С учетом изложенного, внесение изменений в законодательство Российской Федерации в связи с изданием Европейским Судом по правам человека постановления Европейского Суда по жалобе № 11264/04 «Круглов и другие против России» и 15 другим жалобам не требуется.

3.5. Постановления Европейского Суда по вопросам административного выдворения заявителей за пределы территории Российской Федерации без учета обстоятельств их семейной жизни

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 29790/14 «Гулиев и Шеина против России», вынесено 17 апреля 2018 года, вступило в силу 17 июля 2018 года.

По делу обжалуется административное выдворение заявителей за пределы территории Российской Федерации в Республику Азербайджан в связи с совершением административного правонарушения, что составило нарушение их права на семейную жизнь. По делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

13 декабря 2013 года первый заявитель был задержан сотрудниками полиции за нарушение статьи 18.8 Кодекса об административных правонарушениях ввиду его уклонения от обращения за продлением срока действия разрешения на временное проживание, который истек 2 ноября 2012года. В показаниях, данных полиции, которые были в тот же день представлены в Свердловский районный суд г. Перми, первый заявитель указал, что он проживал в России на протяжении двенадцати лет, жил со вторым заявителем в семейных отношениях и воспитывал с ней двоих детей. Он также указал, что они не состояли в официально зарегистрированном браке, а также что его отцовство в отношении детей официально установлено не было. Он пояснил, что превысил срок законного пребывания на территории России ввиду полученного 21 ноября 2012 года огнестрельного ранения, в результате которого он перенес несколько операций и проходил лечение в больнице до 31 декабря

к оглавлению

2012 года; согласно рекомендации врачей, он не мог находиться в сидячем положении более двух часов, а поскольку поездка до границы с Азербайджаном заняла бы более десяти часов, то он решил остаться в России вплоть до своего полного выздоровления.

13 декабря 2013 года Свердловский районный суд г. Перми постановил взыскать с первого заявителя штраф в размере 2 000 рублей и подвергнуть его административному выдворению (высылке) с территории Российской Федерации в Азербайджан, что также подразумевало введение пятилетнего запрета на последующий въезд.

Европейский Суд отметил, что пунктом 2 статьи 5 Федерального закона 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» предусмотрено, что иностранный гражданин обязан выехать из России по истечении разрешенного срока за исключением случаев, когда на день истечения указанных сроков ему продлен разрешенный срок или выдано новое разрешение, либо у него приняты заявление и соответствующие документы. В соответствии с пунктом 1 и подпунктом 4 пункта 3 статьи 6 Закона, иностранный гражданин, состоящий в браке с гражданином России, получает разрешение на временное проживание со сроком действия на три года.

В течение трехлетнего срока действия разрешения на временное проживание иностранный гражданин имеет право обратиться за получением продлеваемого вида на жительство на пять лет. Подача такого заявления возможна только после того, как иностранный гражданин прожил в России, по меньшей мере, один год на основании трехлетнего разрешения на временное проживание (пункты 1-3 статьи 8).

Иностранный гражданин, который обладает статусом постоянно проживающего в России, должен подавать в миграционные органы ежегодные уведомления с целью подтверждения факта своего проживания в России. Указанные уведомления могут быть предоставлены лично, отправлены по почте или с помощью электронных средств связи (пункт 6 статьи 8).

Европейский Суд отметил, что Верховный Суд признал, что ***постановление о депортации должно быть основано на данных, которые подтверждают необходимость такой меры «как единственно возможного способа достижения справедливого баланса публичных и частных интересов»*** (постановление № 86-АД06-1 от 29 марта 2006 года).

Прежде всего Суд вновь подтверждает, что Государство, в рамках международного права и действуя как субъект обязательств по своим международным договорам, имеет право контролировать въезд иностранцев на свою территорию и их проживание на данной. То, что власти страны пребывания столкнулись с фактом наличия семейной жизни как со свершившимся фактом, ***не ведет к тому, что власти в результате этого обязаны, в соответствии со статьей 8 Конвенции, позволить заявителю поселиться в данной стране***. Европейский Суд ранее указывал, что лица в такой ситуации, как правило,

к оглавлению

не наделяются правом ожидать, что им будет предоставлено право проживания в стране.

Если речь идет об иммиграции, ***нельзя считать, что статья 8 Конвенции накладывает на государство общее обязательство уважать решение женатых пар на выбор места семейного проживания и санкционировать воссоединение членов семьи на своей территории.*** Тем не менее, в случае, когда дело касается семейной жизни, а также иммиграции, рамки обязательств государства по допуску на свою территорию родственников лиц, проживающих на его территории, изменяются в соответствии с конкретными обстоятельствами соответствующих лиц и общественным интересом. Факторами, которые должны учитываться в данном контексте, являются ***степень фактического разрыва семейной жизни, степень существующих связей в государстве-участнике, наличие непреодолимых препятствий в отношении пребывания семьи в родной стране соответствующего иностранного гражданина, и вопрос о том, имеются ли факторы иммиграционного контроля (например, история нарушений миграционного законодательства) или интересы общественного порядка, которые перевешивают в сторону принятия решения о запрете на въезд***.

Выдворение человека из страны, где проживают близкие члены его семьи, может считаться нарушением права на уважение семейной жизни, гарантированного пунктом 1 статьи 8 Конвенции.

Особое внимание следует уделить тому, ***была ли семейная жизнь создана в то время, когда заинтересованные лица осознавали, что миграционный статус одного из них будет означать, что сохранение семейной жизни на территории страны пребывания с самого начала будет рискованным***. В соответствии с прочно утвердившейся прецедентной практикой Европейского Суда, в подобных случаях выдворение члена семьи, не являющегося гражданином соответствующего государства, будет являться нарушением статьи 8 Конвенции ***лишь при исключительных обстоятельствах***.

При наличии детей необходимо учитывать их наилучшие интересы, при этом национальные органы, ответственные за процесс принятия решений, обязаны оценить доказательства с точки зрения практичности, осуществимости и соразмерности выдворения любого из родителей ребенка, не являющегося гражданином соответствующего государства, ***в целях обеспечения эффективной защиты и надлежащего учета наилучших интересов детей.***

Суд напоминает, что понятие «семьи» не сводится только к отношениям, основанным на браке, и может охватывать другие de facto «семейные» связи, когда стороны проживают совместно вне брака. Ребенок, рожденный при таких отношениях, ipso jure является частью «семьи» с момента и в силу самого факта своего рождения. Таким образом, между ребенком и его родителями существует связь, которая может рассматриваться в качестве семейной жизни. Кроме того, при принятии решения о том, могут ли отношения рассматриваться в качестве «семейной жизни», может учитываться целый ряд факторов, в том числе ***факт***

к оглавлению

совместного проживания пары, продолжительность их взаимоотношений и наличие у них совместных детей.

Задача Суда при осуществлении своей контрольной функции заключается не в том, чтобы выполнять функции национальных органов власти, а в том, чтобы проверять решения, в свете всего дела, которые они приняли в пределах своей свободы усмотрения. При этом Суду необходимо убедиться, что национальные власти применили стандарты в соответствии с принципами, закрепленными в его прецедентной практике и, более того, что они основывали свои решения на приемлемой оценке фактов, относящихся к делу. В частности, Суд должен рассмотреть, являлся ли процесс принятия решения, приведшего к мерам вмешательства, справедливым, и обеспечивающим надлежащее соблюдение интересов частного лица, защищенных статьей 8 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чапман против Соединенного Королевства».

В свете прецедентной практики Суда в отношении понятия «семейная жизнь» не может быть никаких сомнений в том, что в обстоятельствах настоящего дела существовала «семейная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции.

Суд также напоминает, что так как первый заявитель не обращался с заявлениями о предоставлении ему вида на жительство или гражданства России, несмотря на то, что он прибыл в Россию еще в 2002 или 2003 году, он должен был знать об отсутствии у него устойчивого миграционного статуса задолго до начала семейной жизни на территории России. В случаях столкновения со свершившимся фактом, ***выдворение органами государственной власти члена семьи, не являющегося гражданином соответствующего государства, несовместимо с положениями статьи 8 Конвенции только при наличии исключительных обстоятельств***. Таким образом, Суду следует рассмотреть вопрос о том, имелись ли в деле заявителя какие-либо исключительные обстоятельства, свидетельствующие о том, что органы государственной власти не обеспечили справедливого баланса при принятии решения о выдворении первого заявителя, что повлекло за собой введение пятилетнего запрета на повторный въезд на территорию данного государства.

В настоящем деле национальные суды не только не установили справедливого баланса между различными интересами, в том числе с учетом наилучших интересов детей, но и не провели тщательного анализа по вопросу о соразмерности примененной в отношении первого заявителя меры и ее влиянии на семейную жизнь заявителей. Таким образом, они не приняли во внимание соображения и принципы, разработанные Судом, и не применили стандарты, соответствующие требованиям статьи 8 Конвенции.

Судебные разбирательства, в ходе которых было вынесено и оставлено без изменений постановление о выдворении первого заявителя, ***не соответствовали требованиям Конвенции и не затрагивали все элементы, которые внутригосударственным органам власти следовало учесть при оценке того, являлась ли соответствующая мера «необходимой в демократическом обществе» и была ли она соразмерна преследуемой законной цели***.

к оглавлению

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 8 Конвенции и обязал государство-ответчика выплатить заявителям общую сумму в размере **7 500** евро в качестве компенсации морального вреда.

2. Постановление Европейского Суда по жалобе № 48453/16 «Саргсян против России», вынесено и вступило в силу 8 декабря 2020 года.

Настоящее дело касается выдворения заявителя из России с последующим запретом на повторный въезд в течение пяти лет за нарушение миграционных правил. По делу обжалуются административное выдворение и последующий запрет на повторный въезд, которые были несоразмерной санкцией за незначительное административное правонарушение, а суды Российской Федерации не смогли найти баланс между рассматриваемыми частными и общественными интересами. По делу было допущено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Европейский Суд констатировал, что по словам заявителя, в 2007 году он приехал в Российскую Федерацию, а в 2008 году начал проживать совместно с А.П. в Краснодарском крае. Неясно, на каких основаниях он проживал на территории страны. Из представленных документов следует, что он регулярно выезжал с территории Российской Федерации и въезжал обратно. По данным Властей, заявитель прибыл в Российскую Федерацию в 2011 году и 17 февраля 2012 года зарегистрировал свое временное пребывание в Российской Федерации в органах миграционного учета одного из населенных пунктов Краснодарского края.

В ноябре 2008 года А.П. родила дочь М.П. По словам заявителя, ребенок был его, хотя в свидетельстве о рождении в качестве отца было указано другое лицо, А.П. Заявитель утверждал, что он принимал полноценное участие в воспитании своей дочери. Согласно позиции Властей, учитывая, что в свидетельстве о рождении в качестве отца было указано другое лицо, заявитель не был отцом М.П. и не было никаких доказательств обратного.

15 января 2014 года заявитель официально устроился на работу электриком в компанию «Благо-Строй». Срок действия его трудового договора истек 26 декабря 2014 года.

24 октября 2014 года заявитель официально зарегистрировал свой брак с А.П.

9 декабря 2014 года заявитель, его жена и ее родители обратились в ФМС с заявлением о предоставлении заявителю разрешения на временное пребывание. По словам заявителя, он обратился в ФМС с рядом документов, в том числе копией свидетельства о заключении брака и копией трудового договора. Однако сотрудники ФМС отказались принять эти документы и вызвали полицию, которая задержала заявителя за нарушение части 1 статьи 18.8 Кодекса Российской

к оглавлению

Федерации об административных правонарушениях, то есть за превышение девяностодневного срока пребывания на территории Российской Федерации в течение периода в 180 дней. Был составлен протокол об административном задержании, после чего заявителя доставили в Брюховецкий районный суд. Согласно информации Властей заявитель указал в протоколе о задержании, что у него есть жена в Российской Федерации, на которой он женился в октябре 2014 года, но он не указал ни того, что он работает в Российской Федерации, ни того, что у него есть дети, проживающие в этой стране.

27 декабря 2014 года заявитель был выдворен из Российской Федерации и лишен права на повторный въезд в течение пяти лет.

Заявитель обжаловал постановление о выдворении в Краснодарский краевой суд. К апелляционной жалобе он приложил, среди прочих документов, справку с места работы в компании «Благо-Строй», свидетельствующую о том, что он работал там с 15 января по 26 декабря 2014 года.

25 декабря 2014 года краевой суд отклонил жалобу и оставил постановление о выдворении заявителя без изменений.

27 декабря 2014 года заявитель был подвергнут административному выдворению за пределы Российской Федерации.

Адвокат заявителя подал кассационную жалобу на выдворение в краевой суд. 30 января 2015 года краевой суд оставил постановление о выдворении без изменений. Суд не рассмотрел жалобу заявителя в соответствии со статьей 8 Конвенции на негативные последствия выдворения для его семейной жизни.

Адвокат заявителя обжаловал вышеуказанное решение в Судебную коллегию по административным делам Верховного Суда Российской Федерации (далее – «Верховный Суд»).

23 июня 2015 года Верховный Суд рассмотрел жалобу, отменил постановление о выдворении и направил дело в краевой суд на новое рассмотрение.

22 июля 2015 года краевой суд вновь рассмотрел дело заявителя и оставил первоначальное постановление о выдворении без изменений.

20 октября 2015 года заявитель обжаловал вышеуказанное постановление в Верховный Суд.

15 февраля 2016 года Верховный Суд отклонил жалобу и оставил постановление о выдворении без изменений. В частности, Верховный Суд указал, что в отсутствие каких-либо других подтверждающих документов справка с места работы заявителя за период с 1 марта по 30 декабря 2014 года не является действительным доказательством, поскольку ранее он представил в суды справку с указанием различных дат своего приема на работу. Относительно жалобы заявителя по поводу негативных последствий выдворения для его семейной жизни, суд указал, что в протоколе задержания от 9 декабря 2014 года не содержится никакой информации о наличии у заявителя детей, и что он не представил никаких доказательств, что «он действительно проживает со своей

к оглавлению

женой и ребенком, что они ведут совместное хозяйство и что он исполняет родительские обязанности».

Обзор применимых общих принципов см. в постановлении Европейского Суда от 17 апреля 2018 года по делу «Гулиев и Шеина против России», жалоба № 29790/14, пункты 46-52.

Обращаясь к фактам настоящего дела, Суд отмечает, что Власти оспаривали тот факт, что у заявителя была дочь М.П. и что он работал в местной компании в 2014 году. В то же время они не оспаривали, что на момент выдачи постановления о выдворении заявитель был женат на гражданке России А.П. или что их брак был подлинным.

Суд далее отмечает, что внутригосударственные миграционные органы были полностью осведомлены о пребывании заявителя на территории Российской Федерации в период с 14 марта по 9 декабря 2014 года, поскольку они неоднократно регистрировали его место жительства в Краснодарском крае.

Кроме того, представленные документы ясно показывают, что на момент вынесения постановления о выдворении и рассмотрения жалоб заявителя на данное постановление, внутригосударственным судам было известно о браке заявителя с гражданкой России и его утверждениях о семейной жизни на территории Российской Федерации. Однако они ***не смогли должным образом изучить необходимость и соразмерность его выдворения из страны с учетом его влияния на семейную жизнь заявителя***. Таким образом, они не приняли во внимание соображения и принципы, разработанные Судом, и не применили стандарты, соответствующие требованиям статьи 8 Конвенции.

С учетом вышеизложенного Суд приходит к выводу, что судебные разбирательства, в ходе которых было вынесено и оставлено в силе постановление об административном выдворении заявителя, ***не соответствовали требованиям Конвенции и не затрагивали все элементы, которые внутригосударственным органам власти следовало учесть при оценке того, являлась ли соответствующая мера «необходимой в демократическом обществе» и была ли она соразмерна преследуемой законной цели***.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 8 Конвенции и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **9 750** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **11 550** евро.

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

1. Меры общего характера.

В настоящее время в рамках исполнения плана мероприятий по реализации в 2020 – 2022 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы ведется работа по подготовке проекта федерального закона в сфере миграции «Об условиях въезда (выезда) и

к оглавлению

пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

Законопроект предполагает широкомасштабную реформу миграционного законодательства, в том числе упорядочение институтов высылки и ограничений на въезд для иностранных граждан. Предусматривается дифференцированный подход при применении мер государственного принуждения, в частности, будут устанавливаться обстоятельства (критерии), подлежащие рассмотрению, учитываться международные обязательства Российской Федерации, сведения об иностранном гражданине, в том числе его семейное положение.

Территориальные органы МВД России ориентированы на дифференцированный подход при принятии решений о неразрешении въезда на территорию Российской Федерации, соответствующие указания МВД России направлены 6 июля 2020 года и 14 января 2021 года.

2. Меры индивидуального характера.

а) Постановлением Брюховецкого районного суда Краснодарского края от 9 декабря 2014 года гражданин Республики Армения Саргсян Артур Меружанович, 1977 года рождения, признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с назначением наказания в виде штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме принудительного выдворения за пределы Российской Федерации.

Данное решение было исполнено 29 декабря 2014 года.

Вместе с тем заявитель вновь въехал на территорию Российской Федерации 17 февраля 2015 года воспользовавшись тем, что решение о неразрешении в соответствии с подпунктом 2 части первой статьи 27 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» принято УФМС России по Краснодарскому краю 6 апреля 2015 года.

Постановлением Брюховецкого районного суда Краснодарского края от 15 апреля 2019 года гражданин Республики Армения Саргсян Артур Меружанович, 1977 года рождения, признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с назначением наказания в виде штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда.

24 апреля 2019 года заявитель покинул территорию Российской Федерации.

В соответствии с подпунктом 2 части первой статьи 27 Федерального закона въезд на территорию Российской Федерации Саргсяну А.М. не разрешен сроком до 24 апреля 2024 года.

к оглавлению

Решение о неразрешении въезда в Российскую Федерацию будет отменено после отмены соответствующим российским судом ранее принятого решения об административном выдворении.

б) Постановлением Свердловского районного суда Пермского края от 13 декабря 2013 года гражданин Азербайджанской Республики Гулиев Натиг Яхья оглы, 1975 года рождения, признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1.1 статьи 18.8 КоАП, с назначением наказания в виде штрафа с административным выдворением за пределы Российской Федерации в форме контролируемого самостоятельного выезда.

6 марта 2014 года заявитель покинул территорию Российской Федерации.

В соответствии с подпунктом 2 части первой статьи 27 Федерального закона въезд на территорию Российской Федерации Гулиеву Н.Я. не разрешен сроком до 6 марта 2019 года.

Гулиев Н.Я. въехал в Российскую Федерацию 12 апреля 2019 года с целью «работа по найму».

Заявителю ГУ МВД России по Пермскому краю был оформлен патент, 12 апреля 2019 года Гулиев Н.Я. встал на миграционный учет.

Брак Гулиева Н.Я. и Шеиной Ю.Ю. был расторгнут 30 сентября 2016 года, а 28 мая 2018 года решением Свердловского районного суда г. Перми заявитель лишен родительских прав. Информация об обжаловании данного решения отсутствует.

В период после марта 2019 года Гулиев Н.Я. или его представители в органы внутренних дел с заявлениями по вопросам, связанным со снятием введенных в отношении него ограничений, разрешением на въезд, предоставлением разрешения на временное проживание или вида на жительство не обращались.

3.6. Постановления Европейского Суда по вопросам предполагаемого незаконного задержаниям и доставления заявителей в отделы полиции для составления протокола об административном правонарушении

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 76695/11 «Удальцов против России», вынесено 6 октября 2020 года, вступило в силу 6 января 2021 года.

Постановлением установлено нарушение пункта 1 статьи 5, статьи 6 и статьи 18 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с решениями об административном аресте заявителя и обвинения в неподчинении законному требованию сотрудника полиции.

Заявитель среди прочего жаловался на то, что он был незаконно и произвольно задержан, содержался в больнице и привлечен к административному аресту в конце 2011 года, и что производство по делу об административном правонарушении в отношении него было несправедливым.

к оглавлению

Представители заявителя в Суде утверждали, что он был известным политическим и гражданским активистом, координатором Московского совета движения «Левый фронт» и членом Национальной ассамблеи Российской Федерации – оппозиционной политической организации.

По словам представителей заявителя, с 2010 года он подвергался преследованиям со стороны российских властей за свою политическую деятельность. Он привлекался к ответственности за административные правонарушения более ста раз, и не менее тридцати раз лишался свободы (очевидно, в рамках процедуры доставления или задержания). Он якобы занимал позицию, направленную против властей, в частности, во время и после выборов в Государственную Думу 2011 года. Представители заявителя утверждали, что он подвергался преследованию за его политическую активность и что действия властей были направлены на его недопущение к участию в различных мероприятиях оппозиции, в частности, в митингах протеста после выборов, первоначально запланированных на 5 и 10 декабря 2011 года (по всей видимости, мероприятие, назначенное на последнюю дату, должно было состояться на Болотной площади в Москве в 14:00, и заявитель был одним из его организаторов) и 24 декабря 2011 года. Как следует из материалов дела, заявитель записал видео (из больницы), и затем это видео было продемонстрировано на экране во время митинга протеста 24 декабря 2011 года.

Как отметил Европейский Суд, отбывая наказание в виде административного ареста, 13 октября 2011 года заявитель объявил голодовку. Он был осмотрен фельдшером специального приемника, который впоследствии уведомил районного прокурора о голодовке. Заявитель сделал письменное заявление, в котором указывалось, что он не возражает против содержания вместе с другими задержанными и не имеет жалоб на материальные условия в специальном приемнике. 14 октября 2011 года заявитель почувствовал недомогание; прибывшая бригада фельдшеров и решила, что ему нужно пройти стационарное обследование. 15 октября 2011 года он был возвращен в специальный приемник. 16 октября 2011 года снова были вызваны фельдшеры, и заявитель был госпитализирован с диагнозом дисфункция вегетативных сосудов. 19 октября 2011 года заявитель покинул больницу.

4 декабря 2011 года заявитель был помещен в специальный приемник, где он отбывал очередное наказание в виде административного ареста. Он объявил голодовку, отказавшись от еды и воды. Заявителя осмотрел фельдшер специального приемника. О голодовке уведомили прокурора. В ночь на 7 декабря 2011 года заявитель был госпитализирован в Боткинскую больницу. Начальник специального приемника потребовал от полиции предоставить сотрудников для охраны заявителя в больнице.

Согласно выписке заявитель был доставлен в больницу в удовлетворительном состоянии. Заявитель был осмотрен терапевтом и урологом; ему сделали УЗИ почек, ЭКГ, взяли анализы. 9 декабря 2011 года главный врач распорядился о переводе заявителя в другое отделение из-за

к оглавлению

нарушения электролитного баланса. Как следует из материалов дела, заявитель был переведен в отделение интенсивной терапии. В тот же день, до или после перевода, заявитель «решительно отказался пройти медицинское обследование». 10 декабря 2011 года заявитель «решительно настаивал на выписке из больницы». По результатам консилиума медики решили, что, поскольку электролитный дисбаланс был исправлен и жизни заявителя ничего не угрожало, заявитель может быть выписан. Заявитель подписал выписку.

После выписки из Боткинской больницы 10 декабря 2011 года заявитель, почувствовав головокружение и упав после судебного заседания, был госпитализирован в тот же день в больницу № 64, где он оставался до 12 декабря 2011 года. Как следует из материалов дела, 12 декабря 2011 года он был доставлен в специальный приемник.

Согласно выписке от 12 декабря 2011 года, в период с 10 по 12 декабря 2011 года заявитель был осмотрен несколькими врачами (травматолог, невролог, уролог и хирург), сдал несколько анализов, прошел рентгенограмму, УЗИ и КТ. Он также получил внутривенную терапию.

С 12 по 16 декабря 2011 года его без госпитализации отвозили в различные гражданские больницы для прохождения лечения.

Как следует из материалов дела, с 16 по 19 декабря 2011 года заявитель был госпитализирован в больницу № 64. С 19 по 25 декабря 2011 г. он содержался в специальном приемнике. После дальнейшего привлеченный заявитель был госпитализирован в больницу № 64 с 25 декабря 2011 года по 4 января 2012 года.

По неустановленным причинам 9 декабря 2011 года несколько членов Общественной наблюдательной комиссии г. Москвы – консультативного органа, состоящего из представителей гражданского общества, которые имеют право посещать места содержания под стражей, рассматривать жалобы заключенных и давать рекомендации органам государственной власти, посетили специальный приемник. В отчете о посещении от 9 декабря 2011 года они указали, что медицинская помощь в специальном приемнике обычно оказывалась без промедления; однако рекомендуется нанять штатного врача.

Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции:

Рекомендация № R (98) 7 Комитета Министров Совета Европы (принятая 8 апреля 1998 года) в отношении этических и организационных аспектов оказания медицинской помощи в тюрьме гласит:

«*... 60. В случае отказа от лечения врач должен потребовать письменное заявление, подписанное пациентом в присутствии свидетеля. Врач должен предоставить пациенту полную информацию о вероятных преимуществах лекарств, возможных терапевтических альтернативах и предупредить его о рисках, связанных с его отказом. Следует убедиться, что пациент полностью понимает свою ситуацию. Если возникают трудности с пониманием речи из-за языка, на котором говорит пациент, следует обратиться за помощью к опытному переводчику.*

к оглавлению

61. Клиническая оценка объявившего голодовку должна проводиться только с прямого разрешения пациента, за исключением случаев, когда он страдает серьезными психическими расстройствами, требующими перевода в психиатрическое отделение.

62. Объявившим голодовку необходимо объяснить вредное воздействие голодовки на их физическое благополучие, чтобы они понимали опасность длительного голодания.

63. Если, по мнению врача, состояние голодающего значительно ухудшается, необходимо, чтобы врач сообщил об этом в соответствующий орган и принял меры, предусмотренные национальным законодательством (включая профессиональные стандарты) ...»

Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявитель жаловался на то, что ему не была предоставлена адекватная медицинская помощь, соответствовавшая его решению объявить голодовку.

Аргументы заявителя состояли из трех частей: (i) помещение участника голодовки в камеру с другими заключенными (которые продолжали принимать пищу) нарушало российское законодательство и затрудняло голодовку заявителя; (ii) ситуация усугублялась отсутствием в специальном приемнике врача общей практики и частыми поездками в государственную больницу для обследования или лечения, а также в суд для участия в слушаниях; и (iii) оказанная ему медицинская помощь не соответствовала его состоянию здоровья и его решению продолжать голодовку.

Как следует из материалов дела, в специальном приемнике действительно имелся медицинский персонал, но не было врачей общей практики или врачей-специалистов. В то же время Суд отмечает, что каждый раз, когда заявитель объявлял голодовку, а именно в период с 4 по 14 декабря 2011 года, он находился под наблюдением различных медицинских специалистов. По этой причине, а также с целью проведения анализов и оказания заявителю другой медицинской помощи, его в течение каждого периода содержания под стражей доставляли в одну из государственных больниц г. Москвы. Каждый раз он официально помещался в больницу на определенный период и проходил там лечение. По мнению Суда, ***сам факт того, что в специальном приемнике не было собственного врача общей практики, не являлся нарушением статьи 3 Конвенции в контексте голодовки заявителя***. Кроме того, нет никаких указаний на то, что условия перевозки заявителя представляли проблему сами по себе с точки зрения статьи 3 Конвенции или ввиду состояния его здоровья.

Следовательно, данная ***жалоба является явно необоснованной*** и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом и 4 статьи 35 Конвенции.

Предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции:

Заявитель жаловался на то, что в октябре и декабре 2011 года он был лишен свободы и привлечен к административному аресту произвольно и по фиктивным

к оглавлению

основаниям, в частности, с целью помешать ему принять участие в нескольких митингах протеста.

В Суде заявитель жаловался на различные меры, примененные к нему до и после суда в период с октября 2011 года по январь 2012 года, а именно:

(a) административное доставление и административное задержание 24 октября, 4, 10 и 25 декабря 2011 года;

(b) административный арест на основании постановления от 13 октября 2011 года, оставленного без изменения 15 октября 2011 года;

(c) административный арест на основании постановления от 4 декабря 2011 года, оставленного без изменения 5 декабря 2011 года;

(d) удержание заявителя в больнице 9 и 10 декабря 2011 года;

(e) постановление об административном аресте с 10 по 25 декабря 2011 года; и

(f) постановление об административном аресте с 25 декабря 2011 года по 4 января 2012 года.

При этом, Суд повторяет, что ***лишение свободы должно соответствовать цели защиты человека от произвола*** (см. постановление Большой Палаты от 22 октября 2018 года по делу «С., В. и А. против Дании», жалоба № 35553/12 и 2 другие жалобы, пункт 74). Понятие «произвол», содержащееся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, не ограничивается несоблюдением норм национального права, ***вследствие чего лишение свободы может являться правомерным в рамках национального законодательства, но при этом быть произвольным и, следовательно, противоречащим требованиям Конвенции*** (см. постановление Большой Палаты от 23 февраля 2012 года по делу «Креанга против Румынии», жалоба № 29226/03, пункт 84). Понятие произвола варьируется в определенной степени в зависимости от типа содержания под стражей. Например, ***произвол может иметь место, если в действиях властей присутствует элемент недобросовестности или обмана или когда постановление о задержании и исполнение этого постановления не соответствуют цели ограничений, разрешенных соответствующим подпунктом пункта 1 статьи 5*** (см. упоминаемое выше постановление по делу «С., В. и А. против Дании», пункт 91).

Что касается так называемого «превентивного заключения под стражу», то Суд повторяет, что ***законное задержание лица вне рамок «уголовного» процесса в принципе может быть допустимым в соответствии с подпунктом «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции*** (там же, пункт 116).

Суд отмечает, что в октябре и декабре 2011 года заявитель был доставлен отделения полиции и задержан, как указано в соответствующих протоколах. Каждый раз эти меры принимались в связи с подозрением в том, что он совершил конкретные административные правонарушения, а именно ***неповиновение законным распоряжениям сотрудников полиции, правонарушение, которое квалифицируется как «уголовное» по смыслу статьи 6 Конвенции*** (см. постановление Суда от 19 ноября 2015 года по делу «Михайлова против

к оглавлению

России», жалоба № 46998/08, пункты 57-74). Таким образом, при отсутствии доказательств противного, эти меры подпадали под действие первой части подпункта «c» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Эти правонарушения не имели формальной связи с осуществлением заявителем своего права на свободу выражения мнения или мирных собраний в соответствующие даты, а именно 24 октября и 4, 10 и 25 декабря 2011 года (сравните с постановлением Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России», жалоба № 25501/07 и 4 другие жалобы, пункт 178).

В той мере, в которой ***заявитель утверждал, что власти действовали недобросовестно и имели скрытые мотивы или цели при его задержании*** (например, оказать на него давление в связи с его политической деятельностью или помешать ему принять участие в предстоящих митингах протеста), то ***Суд отмечает, что это утверждение недостаточно подробное и не подтверждено доказательствами***. В частности, заявитель недостаточно описал и обосновал характер и масштаб своих политических или гражданских взглядов и деятельности в соответствующее время, за исключением простой ссылки на определенные политические движения или объединения (такие как Московский совет движения «Левый фронт» или Национальная Ассамблея Российской Федерации). Заявитель предоставил недостаточно информации о каких-либо митингах протеста, запланированных или фактически проведенных 5 или 24 декабря 2011 года, или о его роли или участии в них, или о соответствующем политическом контекст (см., для сравнения, постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России», жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 168-76).

Следовательно, в данной части ***жалоба является явно необоснованной*** и должна быть отклонена в соответствии с подпунктом «a» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

Фактическим основанием для предъявления заявителю обвинения был его переход дороги в неположенном месте 4 декабря 2011 года на ул. Старая площадь, 4. Действительно, как суд первой инстанции, так и апелляционный суд указали, что заявитель нарушил правила дорожного движения (нарушение, которое, по-видимому, предусматривает ответственность за определенное административное правонарушение, предусмотренное статьей 12.29 КоАП и наказуемое штрафом в размере 200 рублей).

Заявителю была вменена статья 19.3 КоАП, согласно которой неповиновение законному распоряжению сотрудника правоохранительных органов или воспрепятствование этому сотруднику при исполнении им своих служебных обязанностей является правонарушением, предусматривающим наказание, в частности, административный арест.

Вменение статьи заявителю было основано на его предполагаемом отказе подчиниться «просьбе сотрудников полиции сесть в полицейский автомобиль с целью составления протокола об административном правонарушении в отделении полиции». Насколько можно понять, в протоколе об

к оглавлению

административном правонарушении говорилось о предполагаемом нарушении правил дорожного движения. Однако когда заявитель был доставлен в отделение полиции, ему не было предъявлено никаких обвинений в совершении этого правонарушения. На самом деле суды не установили никаких фактических или юридических элементов, касающихся предполагаемого перехода заявителем дороги в неположенном месте. Однако этот аспект дела стал источником для обвинений, которые затем легли в основу последующего судебного преследования заявителя.

При этом Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в неповиновении распоряжениям «прекратить свои действия, нарушающие общественный порядок». Более того, суд апелляционной инстанции указал, что заявитель «продолжил совершать эти действия». Остается неясным, о чем говорилось в этой части обвинения.

Сомнительно, что отказ заявителя выполнить требование сотрудников полиции сесть в полицейский автомобиль и, в конечном итоге, быть доставленным в отделение полиции (при этом они не прибегали к процедурам доставления или задержания в связи с обоснованным подозрением в совершении другого правонарушения) мог представлять собой «неповиновение» «законному» распоряжению сотрудника полиции в соответствии со статьей 19.3 КоАП. В частности, ***в деле недостаточно доказательств того, что у полицейских были законные полномочия отдавать лицу устное распоряжение проследовать с ними в отделение полиции в связи в тем, что это лицо перешло дорогу в неположенном месте***.

Принимая во внимание также проблему с юридической помощью в суде и поверхностный подход судов к оценке проверке заявителя, Суд приходит к выводу о том, что ***решение об административном аресте было произвольным и, следовательно, нарушало пункт 1 статьи 5 Конвенции***.

Что касается признания нарушения, то Суд отмечает, что Верховный Суд отменил постановление суда первой инстанции, на основании которого заявитель отбыл наказание в виде административного ареста. Вследствие этого Верховный Суд прекратил производство по делу в отношении заявителя, поскольку, как он установил, состава правонарушения не было. Верховный Суд установил, что, поскольку больница не является «местом отбывания административного ареста», привлеченные лица, которые заболели и были помещены в больницу во время содержания под стражей, не могут быть законно привлечены за правонарушение, предусмотренное частью 2 статьи 20.25 КоАП, в связи с самовольным оставлением «места отбывания административного ареста». Этот вывод означал, что нижестоящие суды (в данном случае суд первой инстанции, апелляционный суд и судья областного суда, пересматривавший дело) допустили ошибку в толковании материального права и в его применении обстоятельствам дела, а именно в отношении одного из существенных элементов состава правонарушения.

к оглавлению

Однако даже если допустить, что решения Верховного Суда действительно равносильны косвенному признанию незаконности лишения заявителя свободы, Суд не убежден в том, что условие достаточного возмещения было соблюдено в настоящем деле.

Суд повторяет, что в первую очередь национальные органы власти должны устранять любое нарушение Конвенции и что при оценке того, может ли заявитель утверждать, что он является жертвой предполагаемого нарушения, ***следует учитывать не только формальную позицию на момент подачи жалобы в Суд, но и все обстоятельства рассматриваемого дела, включая любые события, произошедшие до даты рассмотрения дела Судом*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Танасе против Молдовы», жалоба № 7/08, пункт 105). ***Возмещение, предоставляемое национальными властями, должно быть подходящим и достаточным*** (см. постановление Суда от 9 декабря 2008 года по делу «Кудич против Боснии и Герцеговины», жалоба № 28971/05, пункт 17).

В этой связи Суд считает, что каждая Договаривающаяся сторона должна выбрать способ присуждения такой компенсации в случае рассмотрения жалобы в Суде (либо в рамках разбирательства на внутригосударственном уровне, либо, например, в рамках разбирательства в Суде посредством представления односторонней декларации или заключения мирового соглашения, при необходимости).

Предполагаемые нарушения статьи 6 Конвенции:

Заявитель представил различные утверждения, касающиеся предполагаемой несправедливости судебного разбирательства, в результате которого он был привлечен к административной ответственности за совершение административных правонарушений в декабре 2011 года.

Заявитель жаловался на то, что судебное разбирательство по его делу было произвольным и несправедливым, в частности, в связи с тем, что он был лишен юридической помощи.

Суд отмечает, что в 16:00 4 декабря 2011 года полиция уведомила адвоката заявителя о ведущемся разбирательстве и о слушании, назначенном на 16:30 того же дня. Суд также отмечает, что заявитель в то время находился под арестом; что он обвинялся в совершении правонарушения, наказуемого административным арестом; и что предъявленное ему обвинение указывало на определенную степень сложности дела (в частности, ввиду разногласий относительно фактических обстоятельств совершения правонарушения). По мнению Суда, сторона защиты была лишена разумной возможности осуществлять надлежащую защиту.

Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд приходит к выводу ***о нарушении в настоящем деле подпунктов «b» и «c» пункта 3 статьи 6 в совокупности с пунктом 1 статьи 6 Конвенции*** в отношении заявителя.

Предполагаемое нарушение статьи 18 Конвенции:

Ссылаясь на статью 18 Конвенции, заявитель утверждал, что действия властей по отношению к нему в декабре 2011 года были направлены на его

к оглавлению

запугивание и воспрепятствование его гражданской и политической деятельности, в частности, путем воспрепятствования его участию в митингах протеста, а именно, в митингах, состоявшихся 5 сентября, 10 и 24 декабря 2011 года.

Статья 18 Конвенции гласит:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

Власти утверждали, что производство по различным делам об административном правонарушении в отношении заявителя было связано с его незаконными действиями, заключавшимися в неповиновении законным распоряжениям сотрудников правоохранительных органов.

Согласно прецедентной практике Суда, статья 18 Конвенции не является независимой и может применяться только в совокупности с другими статьями Конвенции, и нарушение может возникнуть только в тех случаях, когда право или свобода подлежат допускаемым Конвенцией ограничениям (см. постановление Суда от 9 апреля 2019 года по делу «Навальный против России (№ 2)», жалоба № 43734/14, пункт 84).

Суд также повторяет, что один лишь факт того, что ограничение предусмотренного Конвенцией права или свободы не отвечает всем требованиям пункта, которым это ограничение разрешено, не обязательно приводит к нарушению статьи 18. Отдельное рассмотрение жалобы с точки зрения этой статьи гарантируется только в случае, когда утверждение о том, что ограничение было применено с непредусмотренной Конвенцией целью, является главным аспектом дела (см. постановление от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России», пункты 154 и далее).

Хотя Суд отклонил некоторые другие жалобы как неприемлемые и решил не рассматривать определенные жалобы на нарушение других статей Конвенции, он установил нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с (i) нахождением заявителя в больнице с 13:55 9 декабря 2011 года до 13:00 10 декабря 2011 года в отсутствие каких-либо законных оснований, перечисленных в пункте 1 статьи 5 Конвенции; (ii) решением об административном аресте, вынесенным заявителю постановлением от 10 декабря 2011 года в нарушение национального законодательства; и (iii) судебным разбирательством, в результате которого было вынесено постановление от 4 декабря 2011 года, оставленное без изменения 5 декабря 2011 года, и соответствующее решение о привлечении к административному аресту (Суд также установил нарушение статьи 6 Конвенции в этом отношении).

Принимая во внимание объем жалобы заявителя и приведенные выше соображения, по сути относящиеся к одним и тем же фактическим обстоятельствам различных случаев лишения заявителя свободы, Суд ***объявляет жалобу на нарушение статьи 18 Конвенции приемлемой.***

к оглавлению

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование пункта 1 статьи 5 Конвенции (в связи с решениями об административном аресте в соответствии с постановлениями от 4 и 10 декабря 2011 года, и в связи с нахождением заявителя в больнице 9 и 10 декабря 2011 года), статьи 6 Конвенции (в связи с постановлением от 4 декабря 2011 года, оставленным без изменения 5 декабря 2011 года), статьи 18 Конвенции, а также отсутствует необходимость в отдельном рассмотрении приемлемости и существа жалоб на нарушения статей 6 и 7 Конвенции в связи с постановлением от 10 декабря 2011 года, оставленным без изменения 12 декабря 2011 года, и статей 10 и 11 Конвенции в связи с митингами, состоявшимися 5 и 24 декабря 2011 года, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **12 800** евро в качестве компенсации морального вреда.

2. Постановление Европейского Суда по жалобам № 66856/14 и № 33606/15 «Карельский и другие против России», вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года.

По делу обжалуется задержание и доставление заявителей в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении, а также содержании в отделе полиции свыше трех часов без составления протокола об административном задержании. По делу установлено нарушение статей 5, 6 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

21 февраля 2014 года заявители приняли участие в стихийном собрании перед Замоскворецким районным судом г. Москвы, куда они пришли на открытое заседание по делу, возбужденному в отношении активистов в связи с массовыми беспорядками на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года. Они были задержаны во время собрания, и им были предъявлены обвинения в совершении административных правонарушений.

Суд отмечает, что рассматриваемое собрание было похоже на собрание, которое рассматривалось в деле «Навальный против России» (постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года, жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 110-12), и считает, что оно подпадает под сферу действия статьи 11 Конвенции.

Суд также считает, что ***задержание заявителей, их доставление в отделение полиции и последующие наказания представляли собой вмешательство в право на свободу мирных собраний***, предусмотренное пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике ***в отношении свободы собраний*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками) и ***пропорциональности вмешательства*** (см. постановление Суда по делу «Оя Атаман против Турции»), жалоба № 74552/01, и постановление Суда

к оглавлению

от 31 марта 2009 года по делу «Хиде Парк и другие против Молдовы», жалоба № 33482/06).

В ведущих делах (см., например, постановление Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России», жалоба № 74568/12; постановление Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России», жалоба № 76204/11; постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России», жалоба № 21613/07), Европейский Суд уже установил нарушение в связи с проблемами, схожими с рассматриваемыми в настоящем деле.

Рассмотрев все представленные ему материалы, Суд не установил каких-либо фактов или доводов, способных убедить его прийти к другому выводу по поводу приемлемости и существа данных жалоб. Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле ***меры, примененные к заявителям как мирным участникам общественного собрания, не отвечали насущной социальной необходимости и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе***.

Изучив все представленные материалы, Суд приходит к выводу о том, что эти оставшиеся жалобы также указывают на нарушения статей 5 и 6 Конвенции в свете его выводов в постановлении по делу «Карелин против России» (жалоба № 926/08, пункты 60-84, 20 сентября 2016 года); и в упоминаемом выше постановлении Суда по делу «Лашманкин и другие против России» (пункты 486-92).

Что касается пункта 1 статьи 5, то признание нарушения связано с ***произвольным характером задержания заявителей 21 февраля 2014 года***. Придя к такому выводу, в обстоятельствах настоящего дела Суд не видит необходимости в рассмотрении утверждения некоторых заявителей о том, что их задержание в тот день превысило установленный законом предел в три часа.

Что касается пункта 1 статьи 6, то жалобы, поданные со ссылкой на это положение, указывают на ***нарушение требования беспристрастности в связи с отсутствием стороны обвинения***. Суд отмечает, что, ссылаясь на пункт 1 статьи 6, многие из заявителей также жаловались на то, что постановление о привлечении к административной ответственности основано исключительно на доказательствах, представленных сотрудниками полиции, и/или, ссылаясь на подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции – на предполагаемое отсутствие возможности подвергнуть перекрестному допросу сотрудников полиции, на основании письменных показаний которых было вынесено постановление. Суд считает, что поскольку уже было установлено, что административное производство в целом было проведено с нарушением права на справедливое слушание дела, необходимость в рассмотрении остальных жалоб заявителей на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствует (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Фрумкин против России», пункт 168).

к оглавлению

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 5, 6 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции относительно ограничения свободы на срок более трех часов, а также жалоб в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с оценкой доказательств и перекрестным допросом определенных свидетелей, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям по **5 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **60 474** евро.

3. Постановление Европейского Суда по жалобам № 42276/15 и № 54278/15 «Борец-Первак и Мальдон против России», вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года.

По делу обжалуется задержание и доставление заявителей в отдел полиции для составления протокола об административном правонарушении, а также содержании в отделе полиции свыше трех часов без составления протокола об административном задержании. По делу установлено нарушение статей 5, 6 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

26 января 2015 года заявители приняли участие в стихийном собрании на Лубянском проезде в г. Москве, требуя освобождения захваченной украинской летчицы Надежды Савченко. Они были задержаны во время собрания и признаны виновными в совершении административного правонарушения.

Заявители жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирного собрания, а именно на их задержание с последующим доставлением в отделение полиции и осуждение за совершение административного правонарушения.

Власти утверждали, что в данном случае собрание не было спонтанным, потому что активисты могли провести его позже, после надлежащего уведомления о своей демонстрации. Они отметили, что в настоящем деле заявители были осуждены по части 1 статьи 19.3 и по части 5 статьи 20.2 КоАП в связи с неуведомлением властей о публичном мероприятии в порядке, предусмотренном статьями 5 и 7 Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

Следовательно, заявители были задержаны, доставлены в отделение полиции и обвинены в совершении административных правонарушений ***по той единственной причине, что их собрание не было согласованно***.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике ***в отношении свободы собраний*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками) и ***пропорциональности вмешательства*** (см. постановление Суда по делу «Оя Атаман против Турции»), жалоба № 74552/01, и постановление Суда

к оглавлению

от 31 марта 2009 года по делу «Хиде Парк и другие против Молдовы», жалоба № 33482/06).

В ведущих делах (см., например, постановление Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России», жалоба № 74568/12; постановление Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России», жалоба № 76204/11; постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России», жалоба № 21613/07), Европейский Суд уже установил нарушение в связи с проблемами, схожими с рассматриваемыми в настоящем деле.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле меры, примененные к заявителям как мирным участникам общественного собрания, ***не отвечали насущной социальной необходимости и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе***.

Изучив все представленные материалы, Суд приходит к выводу о том, что эти оставшиеся жалобы также указывают на нарушения статей 5 и 6 Конвенции в свете его выводов в постановлении по делу «Карелин против России» (жалоба № 926/08, пункты 60-84, 20 сентября 2016 года); и в постановлении Суда по делу «Лашманкин и другие против России» (жалобы №№ 57818/09 и 14 других, пункты 486-92, 7 февраля 2017 года).

Что касается пункта 1 статьи 5, то признание нарушения связано с произвольным характером задержания заявителей 26 января 2015 года. Придя к такому выводу, в обстоятельствах настоящего дела Суд не видит необходимости в рассмотрении утверждения первого заявителя о том, что длительность его содержания под стражей в тот день превысила установленный законом предел в три часа.

Что касается пункта 1 статьи 6, то жалобы, поданные со ссылкой на это положение, указывают на нарушение требования беспристрастности в связи с отсутствием стороны обвинения. Придя к выводу о том, что ***административное производство в целом было проведено с нарушением права на справедливое судебное разбирательство***, Суд считает, что необходимость в рассмотрении остальных жалоб заявителей на нарушение подпунктов «c» и «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, изложенных в прилагаемой таблице, отсутствует (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Фрумкин против России», пункт 168).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 5, 6 и 11 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции относительно ограничения свободы на срок более трех часов, а также жалоб в соответствии с пунктом 1 и подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, касающихся перекрестного допроса некоторых свидетелей, и обязал государство-ответчика выплатить **7 500** евро первому заявителю и

к оглавлению

5 000 евро второму заявителю в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **15 900** евро.

4. Постановление Европейского Суда по жалобам № 67685/14 и № 35199/15 «Созаев и другие против России», вынесено и вступило в силу 13 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статей 5, 6 и 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний и с незаконным задержанием заявителей, необеспечением им надлежащих условий содержания и судебного разбирательства.

11 июня 2013 года заявители (5 человек) приняли участие в публичном собрании перед зданием Государственной Думой в Москве в ответ на законодательный запрет «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Они были задержаны и им были предъявлены обвинения в административных правонарушениях.

6 июня 2013 года средства массовой информации объявили, что 11 июня 2013 года в Государственной Думе состоится второе и третье чтение законопроекта о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних».

11 июня 2013 года около полудня группа противников законопроекта, включая заявителей, подошла к входу в здание Государственной Думы со стороны Георгиевского переулка в Москве. Там присутствовали журналисты, а также группа консервативных православных активистов, которые поддерживали данный законопроект. Между противниками законопроекта и христианскими активистами стояли сотрудники полиции общественной безопасности из Управления МВД России по г. Москве. Христианские активисты скандировали «Москва – не Содом!». Противники законопроекта скандировали «Москва – не Иран» и «Фашизм не пройдет».

Около 12:15 сотрудники полиции окружили протестующих противников законопроекта и затолкали их в полицейские автобусы. По словам заявителей, ни один из активистов, поддерживавших законопроект, не был задержан подобным образом. По данным Властей, во время собрания полиция также задержала нескольких сторонников законопроекта.

Заявители были доставлены в различные отделения полиции города Москвы, где были составлены соответствующие протоколы об административных правонарушениях. Протоколы об административных правонарушениях были основаны на рапортах и объяснениях сотрудников полиции, задержавших заявителей. В тот же день, после составления протоколов, заявители были освобождены.

В различные дни национальные суды признали заявителей виновными по части 5 статьи 20.2 КоАП и назначили им наказание в виде административных штрафов.

к оглавлению

Ссылаясь на протоколы об административных правонарушениях, рапорты и объяснения сотрудников полиции, национальные суды признали заявителей виновными в нарушении установленного порядка проведения публичного собрания в связи с их участием в несанкционированном собрании. В частности, суды сочли незаконным то, что некоторые заявители выкрикивали лозунги и/или не убедились в законности собрания.

Заявители жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирного общественного собрания, а именно на их задержание и последующее привлечение к ответственности за совершение административного правонарушения.

Заявители были задержаны, доставлены в отделение полиции и обвинены в совершении административных правонарушений ***по той единственной причине, что их собрание не было согласованно***.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике ***в отношении свободы собраний*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками) и ***пропорциональности вмешательства*** (см. постановление Суда по делу «Оя Атаман против Турции», жалоба № 74552/01, и постановление Суда от 31 марта 2009 года по делу «Гайд Парк и другие против Молдовы», жалоба № 33482/06).

В руководящих решениях (см., например, постановление Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России», жалоба № 74568/12; постановление Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России», жалоба № 76204/11; постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России», жалоба № 21613/07), Европейский Суд уже установил нарушение в связи с проблемами, схожими с рассматриваемыми в настоящем деле.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле меры, примененные к заявителям как мирным участникам общественного собрания, ***не отвечали насущной социальной потребности и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе***.

Следовательно, данные жалобы являются приемлемыми и свидетельствуют о нарушении статьи 11 Конвенции.

Изучив все представленные материалы, Суд приходит к выводу о том, что оставшиеся жалобы также ***указывают на нарушения статей 5 и 6 Конвенции*** в свете его выводов в постановлении по делу «Карелин против России» (жалоба № 926/08, пункты 60-84, 20 сентября 2016 года); и в постановлении Суда по делу «Лашманкин и другие против России» (жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункты 486-92, 7 февраля 2017 года).

Что касается пункта 1 статьи 5, то признание нарушения связано с произвольным характером задержания заявителей 11 июня 2013 года. Придя к такому выводу, в обстоятельствах настоящего дела Суд не видит необходимости

к оглавлению

в рассмотрении утверждения Самбурова (жалоба № 35199/15) о том, что ***длительность его содержания под стражей в тот день превысила установленный законом предел в три часа***.

Что касается пункта 1 статьи 6, то жалобы, поданные со ссылкой на это положение, указывают на нарушение требования беспристрастности в связи с ***отсутствием стороны обвинения***. Суд отмечает, что все заявители, за исключением Созаева (жалоба № 67685/14), также жаловались на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с предполагаемой ***невозможностью подвергнуть перекрестному допросу сотрудников полиции, письменные показания которых послужили основанием для привлечения их к ответственности***. Суд считает, что поскольку уже было установлено, что административное судопроизводство в целом было проведено с нарушением права на справедливое слушание дела, необходимость в рассмотрении остальных жалоб заявителей на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствует (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Фрумкин против России», пункт 168).

Заявители жаловались на то, что разгон собрания, участники которого призывали к равенству для ЛГБТ-лиц, был равносилен дискриминации по признаку их сексуальной ориентации и политических взглядов. Они ссылались на статью 14 Конвенции в совокупности со статьей 11 Конвенции. Статья 14 Конвенции гласит:

«Реализация прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, должна обеспечиваться без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

Власти утверждали, что разгон собрания был связан не с сексуальной ориентацией его участников, а с несоблюдением ими официального порядка уведомления. Они также утверждали, что в тот день перед зданием Государственной Думы были задержаны и сторонники законопроекта.

Заявители настаивали на своей жалобе, утверждая, что другие участники того же собрания, которые пришли поддержать законопроект, не были задержаны и не подверглись наказанию. Они подчеркнули, что в протоколах об административных правонарушениях по их делам цитировались их лозунги в поддержку прав ЛГБТ-лиц и что в постановлениях судов скандирование заявителями «соответствующих лозунгов» было указано как часть поведения, за которое они подверглись судебному преследованию.

Суд отмечает, что он ***установил нарушение статьи 11 Конвенции в связи с тем, что заявители были задержаны и обвинены в совершении административных правонарушений по той единственной причине, что они не уведомили власти о своем собрании в установленном порядке***. Принимая во внимание этот вывод и учитывая представленные сторонами материалы, Суд

к оглавлению

не видит необходимости в отдельном рассмотрении жалобы на нарушение статьи 14 (см. постановление Суда по делу «Московское отделение Армии спасения против России», жалоба № 72881/01, пункт 100).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 5, 6 и 11 Конвенции в связи с другими жалобами, поданными в соответствии с прочно утвердившейся прецедентной практикой Европейского Суд, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с лишением свободы на срок более трех часов, жалоб на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи отсутствием возможности перекрестного допроса определенных свидетелей, и жалоб на нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статей 11 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителям по **5 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **25 808** евро.

5. Постановление Европейского Суда по жалобе № 47800/14 «Сваровский и другие против России», вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также пункта 1 статьи 5 Конвенции, пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в связи с незаконным задержанием заявителей и необеспечения им справедливого судебного разбирательства.

24 февраля 2014 года заявители приняли участие в стихийном собрании перед Замоскворецким районным судом г. Москвы, куда они пришли на открытое заседание по делу, возбужденному в отношении активистов в связи с массовыми беспорядками на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 года. Однако здание суда было оцеплено полицией, и заявители не смогли войти. Они остались снаружи среди других представителей общественности, которые хотели присутствовать на слушании, создав таким образом собрание (более подробную информацию о собрании см. в постановлении Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России», жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 35-42). В разное время заявители были задержаны и доставлены в отделение полиции.

Заявители жаловались на несоразмерные меры, принятые против них как участников мирного общественного собрания, а именно на их задержание с последующим доставлением в отделение полиции и привлечение к ответственности за совершение административных правонарушений.

Суд ссылается на свой вывод о том, что данное собрание подпадало под действие статьи 11 Конвенции (см. постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России», жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы, пункты 110-12). Суд считает, что в настоящем деле намерения и

к оглавлению

поведение заявителей также подпадали под понятие мирного собрания, в том числе поведение Поляковой, которая утверждала, что она действовала в качестве наблюдателя от группы правозащитных организаций. Суд считает, что задержание заявителей, их доставление в отделение полиции и последующие наказания представляли собой вмешательство в право на свободу мирных собраний, предусмотренное пунктом 2 статьи 11 Конвенции.

Власти утверждали, что собрание в настоящем деле не было стихийным, поскольку дата публичных слушаний была назначена заранее, и многие активисты публично заявили о своем намерении присутствовать на нем. Они отметили, что в настоящем деле заявители были привлечены к административной ответственности по части 1 статьи 19.3 и по части 5 статьи 20.2 КоАП в связи с неуведомлением властей о публичном мероприятии в порядке, предусмотренном статьями 5 и 7 Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»

Следовательно, заявители были задержаны, доставлены в отделение полиции и обвинены в совершении административных правонарушений ***по той единственной причине, что их собрание не было согласованным***.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике ***в отношении свободы собраний*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичюс и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками) и ***пропорциональности вмешательства*** (см. постановление Суда по делу «Оя Атаман против Турции»), жалоба № 74552/01, и постановление Суда от 31 марта 2009 года по делу «Хиде Парк и другие против Молдовы», жалоба № 33482/06).

В ведущих делах (см., например, постановление Суда от 5 января 2016 года по делу «Фрумкин против России», жалоба № 74568/12; постановление Суда от 4 декабря 2014 года по делу «Навальный и Яшин против России», жалоба № 76204/11; постановление Суда от 3 октября 2013 года по делу «Каспаров и другие против России», жалоба № 21613/07), Европейский Суд уже установил нарушение в связи с проблемами, схожими с рассматриваемыми в настоящем деле.

Принимая во внимание свою прецедентную практику по этому вопросу, Суд считает, что в настоящем деле меры, примененные к заявителям как мирным участникам общественного собрания, ***не отвечали насущной социальной необходимости и, следовательно, не были необходимыми в демократическом обществе***.

Изучив все представленные материалы, Суд приходит к выводу о том, что оставшиеся жалобы также указывают на нарушения статей 5 и 6 Конвенции и статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в свете его выводов в постановлении Суда по делу «Карелин против России» (жалоба № 926/08, пункты 60-84, 20 сентября 2016 года); в постановлении Суда по делу «Лашманкин и другие против России» (жалобы №№ 57818/09 и 14 других, пункты 486-92, 7 февраля 2017 года);

к оглавлению

и в постановлении Суда по делу «Корнеева против России» (жалоба № 72051/17, пункты 58-65, 8 октября 2019 года).

Что касается пункта 1 статьи 5, то признание нарушения связано ***с произвольным характером задержания заявителей*** 24 февраля 2014 года. Придя к такому выводу, в обстоятельствах настоящего дела Суд ***не видит необходимости в рассмотрении утверждения некоторых заявителей о том, что длительность их содержания под стражей в тот день превысила установленный законом предел в три часа***.

Что касается пункта 1 статьи 6, то жалобы, поданные со ссылкой на это положение, указывают на нарушение требования ***беспристрастности в связи с отсутствием стороны обвинения***. Что касается жалобы Поляковой на то, что первое административное судопроизводство, было проведено в отсутствие ее и ее адвоката, то Суд отмечает, что они отсутствовали в обоих случаях из-за административных ошибок судов; кроме того, судьи не проверили, требовал ли характер предъявленных обвинений личных показаний ответчика и было ли ее присутствие важным для обеспечения общей справедливости судебного разбирательства. Таким образом, она была лишена возможности эффективно изложить свою позицию в суде в нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Суда от 31 мая 2016года по делу «Ганкин и другие против России», жалоба № 2430/06 и 3 другие жалобы, пункт 42, и постановление Суда от 20 марта 2018 года по делу «Игранов и другие против России», жалоба № 42399/13 и 8 других жалоб, пункт 35).

Суд отмечает, что, ссылаясь на пункт 1 статьи 6, многие из заявителей также жаловались на то, что их обвинительный приговор был основан исключительно на доказательствах, представленных сотрудниками полиции, и/или, ссылаясь на подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции – на предполагаемое отсутствие возможности подвергнуть перекрестному допросу сотрудников полиции, на основании письменных показаний которых был вынесен приговор. Суд считает, что поскольку уже было установлено, что административное производство в целом было проведено с нарушением права на справедливое слушание дела, необходимость в рассмотрении остальных жалоб заявителей на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции отсутствует (см. упоминаемое выше постановление Суда по делу «Фрумкин против России», пункт 168).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 11 Конвенции и статей 5 и 6 Конвенции и статьи 4 Протокола № 7 к Конвенции в связи с другими жалобами, поданными в соответствии с прочно утвердившейся прецедентной практикой Европейского Суда, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с лишением свободы на срок более трех часов и жалоб на нарушение пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в связи с оценкой доказательств и перекрестным допросом определенных свидетелей, и обязал государство-

к оглавлению

ответчика выплатить каждому заявителям по **5 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **74 216** евро.

5. Постановление Европейского Суда по жалобам № 35880/14 и № 75926/17 «Захаров и Варжабетян против России», вынесено 13 октября 2020 года, вступило в силу 13 января 2021 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с нарушением права заявителей на свободу мирных собраний, а также допущено нарушение материального и процессуального аспектов статьи 3 Конвенции в связи с жестоким обращением с заявителями во время предотвращения массовых беспорядков.

Настоящее дело касается жестокого обращения со стороны сотрудников полиции с заявителями во время политического митинга, проходившего 6 мая 2012 года на Болотной площади. Заявители не были осуждены за массовые беспорядки и не обвинялись в каких-либо других правонарушениях в связи с соответствующими событиями на Болотной площади.

Оба заявителя участвовали в политическом митинге, проведенном 6 мая 2012 года. Первый заявитель являлся одним из организаторов мероприятия. По их словам, они не нарушали общественный порядок и не оказывали сопротивления сотрудникам полиции, присутствовавшим на месте собрания. Однако во время разгона митинга сотрудники полиции предположительно били заявителей по голове резиновыми дубинками.

Первый заявитель представил фотографии. На одной из фотографий видно, как полицейские собираются нанести удары резиновыми дубинками по толпе. В этой толпе можно увидеть первого заявителя. На другой фотографии видно, как первого заявителя тянут двое сотрудников полиции. На этих фотографиях не показан реальный момент, когда первого заявителя предположительно ударили резиновой дубинкой. Однако на двух других фотографиях изображен заявитель на месте событий с окровавленным лицом. По словам первого заявителя, получив удар по голове, он потерял сознание. Другие участники митинга помогли ему получить первую помощь. Позже первый заявитель был доставлен в больницу, откуда он был выписан в тот же день. Он представил медицинскую справку от 6 мая 2012 года о том, что у него диагностирована ушибленная рана лобной доли.

Второй заявитель предоставила ссылки на видео на «YouTube», в которых запечатлены столкновения между полицией и протестующими. Эти видеозаписи показывают, что второй заявитель была окружена сотрудниками полиции, когда она упала и начала кричать. На видеозаписях также видно, как другие участники собрания несут второго заявителя и кричат на сотрудников полиции, обвиняя их в избиении пожилой женщины, имея в виду второго заявителя.

Второй заявитель также представила медицинскую справку о том, что 6 мая 2012 года для нее вызвали скорую помощь на Болотную площадь. В справке

к оглавлению

указано, что она получила травму головы и у нее были ушибы мягких тканей на правой стороне головы. В медицинских справках от 7 мая и 8 июня 2012 года указано, что в результате травмы, которую она получила 6 мая 2012 года, у заявителя возникли проблемы со здоровьем.

Ни один из заявителей не был задержан или обвинен в совершении какого-либо правонарушения в связи с событиями, имевшими место 6 мая 2012 года.

20 марта 2013 года Замоскворецкий следственный отдел Следственного комитета отклонил несколько индивидуальных жалоб и два официальных запроса относительно предположительно незаконных действий полиции при разгоне митинга 6 мая 2012 года, включая чрезмерное применение силы и произвольные задержания. В своем постановлении следователь помимо прочего сослался на описание инцидента первым заявителем и показания других лиц, в том числе некоторых сотрудников полиции. Он также отметил, что в соответствии с результатами внутренней проверки, проведенной после событий на Болотной площади, сотрудник полиции позвонил первому заявителю и пригласил его прийти в отделение полиции, чтобы сообщить дополнительную информацию и опознать сотрудника, совершившего нападение. Отчет по вышеупомянутой проверке был датирован 8 июня 2012 года, и в нем указывалось, что заявитель отказался явиться, заявив, что он не сможет опознать соответствующего сотрудника полиции.

В том же постановлении следователь установил, что 6 мая 2012 года, в ответ на прорыв полицейского оцепления некоторыми протестующими, полиция начала задерживать лиц, принимавших наиболее активное участие в этих действиях. Далее следователь пришел к выводу о том, что работа сотрудников, отвечавших за задержание правонарушителей, включала применение, при необходимости, силы и специальных средств сдерживания в отношении лиц, оказывающих. Следователь не установил состава преступления в действиях сотрудников полиции.

29 октября 2012 года второй заявитель потребовала возбудить уголовное дело в связи с предполагаемым жестоким обращением со стороны сотрудников полиции. Как и в случае с первым заявителем, ее заявление было объединено с другими заявлениями о предполагаемом превышении полномочий сотрудниками полиции 6 мая 2012 года.

7 декабря 2012 года, 25 октября 2013 года, 22 мая 2014 года и 21 января 2016 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях сотрудников полиции состава преступления. В своих постановлениях следователь изложил аргументы второго заявителя относительно происшествия и, не изучив конкретные обстоятельства ее дела, пришел буквально к тем же выводам, что и в случае с первым заявителем.

Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявители жаловались на то, что они подверглись жестокому обращению со стороны сотрудников полиции в ходе разгона митинга 6 мая 2012 года, и на отсутствие эффективного расследования по

к оглавлению

их жалобам на жестокое обращение. Статья 3 Конвенции предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию».

Суд, в частности, указывает, что в случае наличия весомого утверждения о жестоком обращении, запрещенном статьей 3, власти обязаны принять меры сразу же после подачи официальной жалобы. Однако даже в отсутствие конкретной жалобы власти должны провести расследование, если имеются другие достаточно четкие указания на то, что могли иметь место пытки или жестокое обращение. Как только эти сведения становятся известны властям, они должны начать действовать по собственной инициативе.

Суд подчеркивал, что ***надлежащая реакция властей в виде расследования обоснованных утверждений о жестоком обращении во время нахождения под контролем сотрудников полиции*** или других представителей органов государственной власти, соответствующая требованиям статьи 3, ***является необходимой для поддержания общественного доверия к приверженности верховенству права и предотвращения каких-либо признаков сговора или попустительства незаконным действиям*** (см., в числе прочих источников, постановление Суда от 18 декабря 2012 года по делу «Гасанов против Республики Молдовы», жалоба № 39441/09, пункт 50; постановление Суда от 17 сентября 2013 года «Амине Гюзел против Турции», жалоба № 41844/09, пункт 39; и постановление Суда от 5 ноября 2013 года по делу «Месут Дениз против Турции», жалоба № 36716/07, пункт 52).

Когда власти прибегают к применению силы, должна существовать некоторая форма независимого мониторинга этой меры, включая вопрос о ее пропорциональности, чтобы установить ответственность за примененную силу. При установлении такой ответственности необходимо проверить, была ли операция должным образом регламентирована и организована таким образом, чтобы минимизировать любой риск причинения людям серьезных телесных повреждений (см. постановление Суда от 2 апреля 2009 года по делу «Мурадова против Азербайджана», жалоба № 22684/05, пункт 113, с дальнейшими ссылками).

В постановлении по делу «Ляпин против России» (жалоба № 46956/09, пункты 128-40, 24 июля 2014 г.) Суд вкратце описал подход, примененный им в предыдущих делах против России, касавшихся жестокого обращения со стороны полиции, в которых «доследственная проверка» была единственной процедурой, примененной следственными органами. Суд пришел к выводу о том, что сам ***факт отказа следственных органов в возбуждении уголовного дела по небезосновательным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под контролем сотрудников полиции служит доказательством несоблюдения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования в соответствии со статьей 3 Конвенции***.

к оглавлению

Суд считает, что в настоящем деле он должен, помимо прочего, рассмотреть вопрос о том, должны ли были власти начать расследование по собственной инициативе и независимо от наличия со стороны заявителей официальных заявлений о преступлении.

Ранее Суд установил в аналогичном контексте, что крупномасштабная конфронтация между протестующими и сотрудниками правоохранительных органов с применением насилия с обеих сторон требует особенно тщательного изучения действий не только тех протестующих, которые проявили насилие, но и сотрудников правоохранительных органов (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункт 114).

Во время столкновений на Болотной площади сотрудники полиции применили в отношении некоторых участников митинга силу и специальные средства. Согласно рапорту, подготовленному в тот же день заместителем начальника Управления охраны общественного порядка ГУ МВД по г. Москве, в ходе спецоперации на публичном собрании пострадали более двадцати сотрудников полиции и военнослужащих. Было незамедлительно возбуждено уголовное дело по фактам массовых беспорядков и насильственных действий в отношении сотрудников полиции (см. упоминаемое выше постановление по делу «Фрумкин против России», пункты 43-44). Таким образом, узнав об ожесточенных столкновениях между полицией и протестующими, власти приступили к расследованию насильственных действий, совершенных протестующими в отношении сотрудников полиции. В данных обстоятельствах было достаточно очевидно, что также могло иметь место жестокое обращение с участниками публичного мероприятия. ***Согласно приведенной выше прецедентной практике, это обстоятельство должно было привести к началу официального расследования, даже в отсутствие отдельных жалоб, поданных участниками митинга.***

Европейский Суд повторяет, что статья 3 Конвенции закрепляет одну из основополагающих ценностей демократического общества. Она категорически запрещает пытки, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от поведения потерпевшего (см., среди других прецедентов, постановление Большой Палаты по делу «Лабита против Италии», жалоба № 26772/95, пункт 119***). В отношении лица, лишенного свободы или, в более общем плане, столкнувшегося с сотрудниками правоохранительных органов, любое применение физической силы, которое не является строго необходимым ввиду его поведения, унижает человеческое достоинство и, в принципе, является нарушением права, закрепленного в статье 3***. В частности, когда власти ***прибегают к применению силы с целью подавления массовых беспорядков, такая сила может применяться только в том случае, если она является необходимой, и при этом она не должна быть чрезмерной*** (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункт 109).

к оглавлению

Утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами. При оценке этих доказательств, Суд, как правило, применяет критерий доказанности «вне разумного сомнения». Однако такое доказывание может основываться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных выводов или аналогичных не опровергнутых фактических презумпций (см. постановление Суда от 20 марта 2018 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», жалоба № 5310/71, пункт 161). Что касается бремени доказывания предполагаемого жестокого обращения со стороны полиции в контексте обеспечения порядка в ходе демонстрации, то Суд установил, что ***заявители должны представить достаточно серьезные доказательства того, что их телесные повреждения стали результатом применения полицией силы***, после чего на Власти возлагается бремя опровержения этих утверждений (см. упоминаемое выше постановление по делу «Мурадова против Азербайджана», пункты 107-08). Когда стороны расходились во мнениях относительно происхождения телесных повреждений, Суд придавал особое значение тому факту, что телесное повреждение было получено, когда ***заявитель находился в районе, в котором правоохранительные органы проводили операцию, в ходе которой они применяли силу с целью подавления массовых беспорядков*** (там же, пункт 109). Чтобы снять с себя бремя доказывания, Власти должны привести достаточное и убедительное объяснение происхождению телесных повреждений заявителя (там же, пункт 112).

Суд установил, что в делах, в которых нельзя утверждать, что ***полиция была вынуждена отреагировать без предварительной подготовки*** (см. постановление Суда по делу «Ребок против Словении», жалоба № 29462/95, пункт 72), от нее можно было ожидать ***проявления определенной степени терпения и терпимости перед попыткой разогнать толпу***, которая не представляла опасности для общественного порядка и не участвовала в актах насилия. Ранее Суд уже устанавливал нарушения статьи 3 Конвенции, когда сотрудники полиции не проявляли требуемой степени терпимости и сдержанности при разгоне мирных собраний (см., например, постановление Суда от 27 мая 2010 года по делу «Бигичи против Турции», жалоба № 30357/05, пункты 35-36).

Суд вне разумных сомнений установил, что 6 мая 2012 года полиция применила силу в отношении обоих заявителей в ходе разгона митинга на Болотной площади, в результате чего они получили телесные повреждения. Суд также постановил, что ***применение физической силы не было строго необходимым ввиду поведения заявителей и не было обязательным в контексте подавления массовых беспорядков, не говоря уже о соблюдении требования пропорциональности***. Следовательно, это представляло собой жестокое обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции.

Суд также установил, что российские власти не начали официальное расследование, способное установить, было ли ***применение силы полицией на Болотной площади 6 мая 2012 года необходимым и соразмерным***.

к оглавлению

Следовательно, они не выполнили свое обязательство по проведению эффективного расследования по заслуживающим доверия утверждениям обоих заявителей о жестоком обращении.

Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах.

Суд ссылается на принципы, установленные в его прецедентной практике, ***касающейся права на свободу мирных собраний*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудревичиус и другие против Литвы», жалоба № 37553/05, с дальнейшими ссылками) и пропорциональности вмешательства в это право (см. постановление Суда по делу «Оя Атаман против Турции», жалоба № 74552/01, и постановление Суда от 31 марта 2009 года по делу «Гайд Парк и другие против Молдовы», жалоба № 33482/06).

Суд повторяет, что «вмешательство» не обязательно должно являться абсолютным юридическим или de facto запретом, но может состоять из различных иных мер, предпринятых властями. Термин «ограничения» в пункте 2 статьи 11 должен толковаться как включающий ***меры, предпринятые до или во время собрания, и такие меры, как штрафные санкции, примененные впоследствии*** (см. упоминаемое выше постановление по делу «Эзелин против Франции», пункт 39).

Лицо не перестает пользоваться правом на свободу мирных собраний ***в результате единичного акта насилия или иных наказуемых действий, совершенных другими лицами в ходе демонстрации, если намерения и поведение данного лица носят мирный характер*** (см. упоминаемое выше постановление по делу «Эзелин против Франции», пункт 53, решение Суда от 4 мая 2004 года по делу «Зилиберберг против Республики Молдова», жалоба № 61821/00; и постановление Суда от 12 июня 2014 года по делу «Примов и другие против России», жалоба № 17391/06, пункт 155). Даже если существует реальная угроза того, что публичная демонстрация выльется в беспорядки в результате событий, которые организаторы не в состоянии контролировать, такая демонстрация не выходит за рамки действия пункта 1 статьи 11, но любые ограничения, наложенные на такое собрание, должны отвечать требованиям пункта 2 этой статьи (см. постановление Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии», жалобы №№ 8080/08 и 8577/08, пункт 103).

Суд считает, что вмешательство сотрудников полиции и их поведение по отношению к заявителям также представляло собой вмешательство в права заявителей, предусмотренные статьей 11 Конвенции.

Возвращаясь к вопросу о «необходимости» вмешательства, Суд отмечает доводы Властей о том, что сила была применена для задержания тех участников собрания, которые совершали акты насилия и не подчинялись распоряжениям сотрудников полиции. Однако Власти не представили никаких объяснений относительно того, почему было необходимо применение силы в отношении заявителей, которые не были задержаны и не участвовали в каких-либо актах насилия. С учетом своего вывода о том, что сила, примененная в отношении

к оглавлению

заявителей, была излишней и чрезмерной и, следовательно, нарушала статью 3 Конвенции, он считает, что она «не была необходимой в демократическом обществе» по смыслу пункта 2 статьи 11 Конвенции. Более того, это могло оказать сдерживающее воздействие на заявителей и других лиц и отбить у них желание участвовать в подобных публичных собраниях.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 11 Конвенции, а также допущено нарушение материального и процессуального аспектов статьи 3 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить первому заявителю по **16 000** евро, а второму заявителю **16 900** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **41 900** евро.

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

МВД России в пределах компетенции реализован комплекс мероприятий организационного и управленческого характера, направленных на предотвращение установленных ЕСПЧ нарушений Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Вопросы соблюдения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации регулярно рассматриваются на оперативных совещаниях у руководства подразделений центрального аппарата МВД России, министерств внутренних дел по республикам, главных управлений и управлений МВД России по иным субъектам Российской Федерации. С сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации проводятся занятия по изучению основных положений Конвенции.

На постоянной основе обобщается практика применения законодательства зарубежных стран в области административного и уголовного судопроизводства в целях выработки правовых, организационных и иных мер по повышению эффективности обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Согласно пунктам 5 и 12 раздела А Декларации о полиции Парламентской ассамблеи Совета Европы (Страсбург, 8 мая 1979 г.) полицейский должен противодействовать фактам нарушения закона; в случае, когда правонарушение может непосредственно повлечь причинение непоправимого и серьезного ущерба, он должен незамедлительно принять все возможные меры по предотвращению такого правонарушения; при исполнении своих обязанностей полицейский должен действовать решительно для достижения цели, предписанной или допущенной законом, но при этом применять силу только в разумных пределах.

к оглавлению

В соответствии со статьей 11 Конвенции каждый имеет право на свободу мирных собраний и на свободу объединения с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

Реализация этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц.

Одновременно статьей 31 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование.

Вместе с тем гарантированное Конституцией Российской Федерации указанное право граждан Российской Федерации не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в целях защиты конституционно значимых ценностей при обязательном соблюдении принципов необходимости, пропорциональности и соразмерности, с тем, чтобы вводимые им ограничения не посягали на само существо данного конституционного права и не препятствовали открытому и свободному выражению гражданами своих взглядов, мнений и требований посредством организации и проведения мирных публичных акций.

Указанным требованиям общепризнанных норм международного права корреспондируют положения национального законодательства Российской Федерации.

Организация подготовки и проведения на территории Российской Федерации публичных мероприятий регламентируется Федеральным законом от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее – Федеральный закон № 54-ФЗ).

В соответствии с требованиями части 5 статьи 5 Федерального закона № 54-ФЗ организатор публичного мероприятия не вправе проводить публичное мероприятие, если уведомление о его проведении не было подано в срок либо если с органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления не было согласовано изменение по их мотивированному предложению места и (или) времени проведения публичного мероприятия.

Необходимость такого согласования обусловлена прежде всего обеспечением бесперебойного функционирования жизненно важных объектов коммунальной или транспортной инфраструктуры, а также необходимостью поддержания общественного порядка, обеспечения безопасности граждан (как участников публичного мероприятия, так и лиц, которые могут находиться в месте его проведения в определенное для этого время) либо иными подобными причинами.

По смыслу статьи 5 Федерального закона № 54-ФЗ проведение публичного мероприятия без выполнения указанных требований является нарушением

к оглавлению

порядка проведения публичного мероприятия и образует состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 20.2 КоАП.

Согласно части 4 статьи 17 Федерального закона 54-ФЗ неисполнение законных требований сотрудников полиции или неповиновение (сопротивление) им отдельных участников публичного мероприятия влечет за собой ответственность этих участников, предусмотренную законодательством Российской Федерации.

Согласно статье 1 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции») полиция предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности.

Так, пунктом 6 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» на полицию возложена обязанность обеспечивать совместно с представителями органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторами собраний, митингов, демонстраций, шествий и других публичных мероприятий безопасность граждан и общественный порядок, оказывать в соответствии с законодательством Российской Федерации содействие организаторам спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в обеспечении безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения этих мероприятий.

Для выполнения указанной обязанности сотрудники полиции наделены правом осуществлять в целях обеспечения безопасности граждан и общественного порядка совместно с организаторами публичных и массовых мероприятий личный осмотр граждан, находящихся при них вещей при проходе на территории сооружений, на участки местности либо в общественные места, где проводятся такие мероприятия, с применением в случае необходимости технических средств, а при отказе гражданина подвергнуться личному осмотру не допускать его на такие территории, участки местности и в такие общественные места (пункт 18 части 1 статьи 13 Федерального закона «О полиции»).

В соответствии с требованиями пунктов 2 и 11 части 1 статьи 12 Федерального закона «О полиции» на полицию возложены обязанности по незамедлительному прибытию на место совершения административного правонарушения, пресечению противоправных деяний, в том числе административных правонарушений, отнесенных к подведомственности полиции, документированию обстоятельств совершения административного правонарушения, обеспечению сохранности следов административного правонарушения.

В соответствии с частью 1 статьи 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) в целях пресечения административного правонарушения, установления личности нарушителя, составления протокола об административном правонарушении при

к оглавлению

невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, обеспечения своевременного и правильного рассмотрения дела об административном правонарушении и исполнения принятого по делу постановления, уполномоченное лицо вправе в пределах своих полномочий применять меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, в том числе доставление и административное задержание.

Доставление не только позволяет процессуально закрепить факт совершенного правонарушения, но одновременно является и мерой, пресекающей правонарушение (статья 27.1 КоАП). Данный подход подтверждается и ЕСПЧ, который нашел очевидным, что при определенных обстоятельствах у властей могут быть законные основания для применения таких мер. Например, лицо может быть доставлено в отдел полиции, чтобы пресечь на первый взгляд незаконное поведение, если он или она отказываются подчиняться законному распоряжению о прекращении подобного поведения, или по другим основаниям, которые содержатся в пункте 1 статьи 5 Конвенции (пункт 177 постановления Европейского Суда по правам человека от 26 апреля 2016 года «Новикова и другие против Российской Федерации» (жалобы № 25501/07, 57569/11, 80153/12, 5790/13 и 35015/13).

На руководителей территориальных органов МВД России возложена персональная ответственность за недопущение совершения личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм поведения, предъявляемых к сотруднику полиции.

В территориальных органах МВД России изучены и неукоснительно соблюдаются в служебной деятельности положения, отраженные в Методических рекомендациях по реализации постановлений Европейского Суда по правам человека и Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам обеспечения прав граждан на мирные собрания (№ 1/579 от 24.01.2019).

Кроме того, в практической деятельности используются 2 учебных пособия «Правовые позиции Европейского Суда по правам человека по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя) и «Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов» (Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова).

В указанных учебных пособиях рассматриваются особенности реализации правовых позиций Европейского Суда по правам человека в рамках мер общего и индивидуального характера, а также проводится анализ правовых позиций по жалобам на нарушения в отдельных сферах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

На руководителей территориальных органах МВД России возложена персональная ответственность за совершение личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм поведения, предъявляемых к сотруднику полиции.

к оглавлению

3.7. Постановления Европейского Суда по вопросам предполагаемого жестокого обращения с заявителями во время их задержания и применения недозволенных методов дознания

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 8306/07 «Булатов и Дамбегов против России», вынесено и вступило в силу 16 июня 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с применением к заявителям со стороны сотрудников правоохранительных органов пыток, а также из-за непроведения эффективного расследования утверждений заявителей об указанных случаях жестокого обращения.

27 сентября 2006 года Центр «Т» МВД КБР совместно с СОБР и ФСБ провело специальную операцию в отношении заявителей в связи с подозрением в незаконном хранении огнестрельного оружия.

Как было заявлено заявителями и не оспаривалось Властями, задержание осуществлялось насильственным путем. Вооруженные офицеры в камуфляжной форме и балаклавах подбежали к заявителям, повалили их на землю, избили прикладами автоматов, надели наручники и непроницаемые пластиковые мешки на головы.

По данным Властей, как только заявители были обездвижены, офицеры, производившие задержание, провели в их отношении личный досмотр в присутствии двух свидетелей и обнаружили у них самодельный пистолет и гранату. Заявители оспорили последнее представление, заявив, что сотрудники правоохранительных органов подбросили им пистолет и гранату.

По словам заявителей, офицеры, производившие задержание, продолжали избивать их во время этапирования в Центр «Т». В помещении офицеры и другие сотрудники правоохранительных органов оказывали на них давление, заставляя признаться в незаконном хранении предположительно найденных у них пистолета и гранаты. Офицеры пинали и били заявителей, а также пытали электрическим током. Жестокое обращение продолжалось до раннего утра 28 сентября 2006 года.

Ранним утром 28 сентября 2006 года заявители были доставлены в Прохладненский отдел милиции. Около 7:00 они были доставлены в ИВС Прохладненского ГОВД. Согласно регистрационным журналам и представлениям Властей, в то время у первого заявителя были ушибы на спине и лбу, а у второго заявителя была гематома на правом глазу и ушиб ребер. В последующих записях от 29 и 30 сентября 2006 года, упоминалось об ушибах спины и почек заявителей.

Ссылаясь на статью 3 Конвенции, заявители жаловались, что во время и после задержания 27 сентября 2006 года они подвергались жестокому обращению, и что национальные власти не провели по этому факту эффективного расследования.

Европейский Суд обратил внимание на то, что общие принципы, касающиеся предмета жалобы заявителей, изложены им в деле «Ляпин против

к оглавлению

Российской Федерации» (постановление от 24 июля 2014 года, жалоба № 46956/09, пункты 109-15)

Суд напоминает, что если лицо выдвигает небезосновательное утверждение о том, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции, со стороны сотрудников милиции или других представителей государственных органов, данное положение - во взаимосвязи с общим обязательством государств в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», предполагает, что ***должно быть проведено эффективное официальное расследование. Подобное расследование должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных.*** В противном случае общий правовой запрет пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, несмотря на свое фундаментальное значение, оказался бы практически неэффективным, а представители государства могли бы в некоторых случаях нарушать права лиц, находящихся под их контролем, фактически безнаказанно.

Расследование на основании серьезных обвинений в жестоком обращении должно быть незамедлительным и тщательным. Власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего, и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы закрыть дело либо вынести решение на их основании. Они должны принимать все разумные и доступные им меры для получения доказательств по делу, включая, среди прочего, показания очевидцев и заключения судебной экспертизы. Любой недостаток в расследовании, который подрывает его способность установить происхождение телесных повреждений или личность лиц, ответственных за их нанесение, влечет за собой риск несоблюдения данного принципа. Таким образом, сам факт непринятия соответствующих мер в целях снижения риска сговора между предполагаемыми правонарушителями приводит к существенному недостатку расследования. Более того, расследование должно быть независимым, беспристрастным и должно подлежать общественному контролю. Оно должно привести к обоснованному решению, убеждающему общественность в том, что принцип верховенства права был соблюден.

Государство должно обратиться к процедуре, позволяющей ему принять все необходимые меры для исполнения позитивного обязательства Властей по осуществлению эффективного расследования, в соответствии со статьей 3 Конвенции.

Стороны не оспаривали тот факт, что до задержания 27 сентября 2006 года заявители не имели никаких телесных повреждений на своем теле. После нескольких часов содержания под стражей у заявителей были обнаружены множественные телесные повреждения, что отмечено при помещении их в ИВС и при осмотре судебно-медицинским экспертом. Кроме того, на лице второго заявителя была видна кровь, когда он находился в помещении милиции, а также его одежда оказалась запятнана кровью. Описание заявителями предполагаемого

к оглавлению

жестокого обращения являлось подробным и последовательным на протяжении всего производства. Судебно-медицинский эксперт установил: заявители могли получить телесные повреждения в то время и в тех обстоятельствах, которые они описали, то есть травмы могли быть получены во время их задержания, а предполагаемое жестокое обращение могло быть связано с использованием электрошокера.

С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что телесные повреждения заявителей могли возникнуть в результате насилия, которому они предположительно подверглись со стороны сотрудников правоохранительных органов. Указанных выше факторов достаточно для возникновения презумпции в пользу версии событий, изложенной заявителями, и для того, чтобы убедить Суд в том, что их утверждения о жестоком обращении со стороны сотрудников милиции заслуживают доверия.

Суд полагает, что заявители представили небезосновательную жалобу на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции и неэффективность расследования, которое власти обязаны были провести по их жалобам. Хотя власти возбудили уголовное дело в связи с событиями 27 и 28 сентября 2006 года, Суд не убежден в том, что последующее расследование было достаточно тщательным и оперативным для выполнения требований статьи 3 Конвенции.

Хотя Суд может признать, что уголовное производство было возбуждено без чрезмерных задержек, он отмечает, что расследование еще не завершено***. Суд находит поразительным тот факт, что дело находится на рассмотрении следственных органов уже более восьми лет, и эти органы до сих пор не выяснили обстоятельств дела и не вынесли мотивированного решения по этому вопросу***.

Суд также отмечает, что основные следственные действия не были предприняты до 6 апреля 2010 года, то есть более чем через три с половиной года после начала уголовного расследования. Как было отмечено следственным комитетом г. Нальчика, следователи не смогли: установить местонахождение офицеров А. и Е.; установить личность и допросить сотрудника ФСБ, участвовавшего в операции; распорядиться о проведении медицинского освидетельствования одежды заявителей, которая была включена в материалы дела; допросить П. и его соседа, прибывших в Центр «Т» после телефонного звонка второго заявителя; изучить журналы регистрации задержанных в Центре «Т»; а также провести другие важные следственные действия. ***Суд находит особенно неудовлетворительным тот факт, что даже после неоднократных распоряжений надзорного органа на этот счет вышеупомянутые недостатки не были устранены***.

Суд также отмечает, что следователи никогда не предпринимали подлинных попыток установить причастных к спецоперации сотрудников СОБР, не оценивали необходимость применения физической силы в отношении заявителей во время их задержания и пропорциональность этой меры.

к оглавлению

Суд приходит к выводу, что государство не провело эффективного расследования этого дела, как это предусмотрено статьей 3 Конвенции.

Суд отмечает, что ни Власти, ни следственный орган не представили никаких объяснений, которые могли бы поставить под сомнение предполагаемые обвинения заявителей в жестоком обращении во время их задержания и содержания в Центре «Т». Соответственно, бремя доказательства, лежащее на Властях, не было снято.

Суд отмечает, что сотрудники правоохранительных органов избивали заявителей, надевали на них наручники, завязывали глаза и пытали электрическим током чтобы причинить им боль с целью получения от них признательных показаний в совершении преступлений. Принимая во внимание насилие, которому подверглись заявители со стороны офицеров, Суд приходит к выводу, что ***такое обращение равносильно пыткам*** (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункты 119-20).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте по причине отсутствия эффективного расследования утверждений заявителей о жестоком обращении, а также постановил, что нет необходимости рассматривать жалобу на предмет нарушения статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить каждому заявителю по **67 600** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **135 200** евро.

2. Постановление Европейского Суда по жалобе № 50495/07 «Бурлаков против России», вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года.

Постановлением установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с несвоевременным составлением протокола о задержании, а также статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Около 13:00 20 апреля 2007 года, после попытки продажи 3,9 г марихуаны в рамках проведенной милицией проверочной закупки, заявитель был задержан сотрудниками милиции. Между 13:40 и 14:02 они провели личный обыск заявителя, а между 14:05 и 14:25 обыскали его машину и изъяли, помимо прочего, 7 г марихуаны и банкноты, использованные для проверочной закупки. Заявитель был доставлен в областное Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков.

По словам заявителя, сотрудники милиции избили его и заставили признаться в торговле наркотиками. Затем они перевезли его на дачу его бабушки и дедушки, где, как сказал заявитель, он хранил наркотики. Не обнаружив наркотиков, сотрудники милиции, по словам заявителя, посадили его

к оглавлению

в милицейскую машину и стали угрожать, что выстрелят ему в ноги; они предположительно били его кулаками, били пистолетом и душили его воротником от его одежды, требуя ответить, где он хранит наркотики. Заявитель предположительно несколько раз терял сознание в результате удушения.

В тот же день заявитель был доставлен в Белгородский областной наркологический диспансер, где его анализы дали положительный результат на наркотики. В 18:10 сотрудники милиции составили протокол, согласно которому в 18:10 заявитель был препровожден в областное Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков для составления протокола об административном правонарушении по статье 6.9 Кодекса об административных правонарушениях (потребление наркотических средств). В 18:30 они составили протокол об административном задержании заявителя и протокол об административном правонарушении (потребление наркотических средств 19 апреля 2007 года) и поместили его в изолятор временного содержания (ИВС) отделения милиции по г. Белгороду.

Заявитель жаловался на белгородскую милицию в связи с предполагаемым жестоким обращением с ним 23 апреля 2007 года, когда он содержался в ИВС. 11 июня 2007 года он повторил свои жалобы в заявлении, поданном в Белгородскую городскую и областную прокуратуры, а также в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, заявив, что он был задержан 20 апреля 2007 года по подозрению в совершении уголовного преступления, не будучи проинформированным о своих правах как подозреваемого и не имея доступа к адвокату. В подтверждение своих утверждений о том, что сотрудники милиции подвергли его пыткам с целью получения от него признания в совершении уголовного преступления и информации о его тайнике с наркотиками, заявитель сослался на заключение судебно-медицинского эксперта, справку травматологического отделения и свою фотографию, сделанную после его освобождения 27 апреля 2007 года, на которой были видны признаки кровоизлияния в оба глаза.

Следователи прокуратуры г. Белгорода выносили последовательные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников. Отказы, за исключением последнего, систематически отменялись руководством как необоснованные или незаконные, а следователям предписывалось проводить дополнительные доследственные проверки.

Последний раз постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции было вынесено 3 сентября 2007 года на основании подпункта 2 пункта 1 статьи 24 УПК в связи с отсутствием в действиях сотрудников состава преступления. В нем, в частности, ссылались на отрицание сотрудниками жестокого обращения с заявителем. В нем также утверждалось без каких-либо дополнительных подробностей, что телесные повреждения заявителя могли быть вызваны его собственными «неосторожными действиями».

Заявитель жаловался на то, что, хотя он действительно был задержан по подозрению в совершении преступления, его лишение свободы в период с 13:00

к оглавлению

до 18:10 20 апреля 2007 года не было запротоколировано как таковое. Его лишение свободы было запротоколировано только с 18:10 в ходе административного производства в отношении него.

Суд подчеркивает, что ***любое лишение свободы не только должно осуществляться в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального права***, но и должно в равной мере соблюдаться с самой целью статьи 5, а именно ***защищать человека от произвола***. Речь идет как о защите физической свободы лиц, так и об их личной безопасности в ситуациях, когда отсутствие такого рода гарантий может подорвать верховенство права и лишить задержанных самых элементарных средств правовой защиты (см. постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 года по делу «Курт против Турции», пункт 123,; а также постановление Европейского Суда от 8 октября 2015 года по делу «Фартушин против России», жалоба № 38887/09, пункт 50).

Власти не оспаривают, что причиной задержания заявителя около 13:00 20 апреля 2007 года была его попытка сбыта наркотиков во время организованной милицией операции по проверочной закупке, то есть преступление, в котором он впоследствии был обвинен и осужден. Однако официально он был задержан в качестве подозреваемого по этому уголовному делу только 25 апреля 2007 года. Суд принимает к сведению соответствующее национальное законодательство (см. пункты 30-32 выше), которое прямо предусматривает, что протокол о задержании должен быть составлен в течение трех часов с момента конвоирования подозреваемого органами власти.

Что касается поданной заявителем жалобы, то Суд, таким образом, приходит к выводу, что примерно с 13:00 до 18:10 20 апреля 2007 года заявитель находился под стражей в милиции по подозрению в совершении уголовного преступления без какого-либо протокола о его задержании.

Изложенных выше соображений достаточно, чтобы Суд пришел к выводу о том, что его задержание было незаконным и представляло собой нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Заявитель жаловался на то, что он был подвергнут жестокому обращению со стороны сотрудников Управления Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков по Белгородской области, и что по его жалобам не было проведено эффективного расследования.

Указанных выше факторов достаточно для возникновения презумпции в пользу версии заявителя и для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что утверждения заявителя о жестоком обращении во время нахождения под стражей в милиции заслуживают доверия.

Тот факт, что ***предполагаемое жестокое обращение имело место во время незапротоколированного содержания заявителя под стражей, свидетельствует об особой уязвимости заявителя по отношению к сотрудникам милиции*** и придает дополнительную достоверность его рассказу. Суд повторяет, что он рассматривал многие жалобы против России о жестоком обращении в условиях содержания под стражей в милиции, которые ***выявили***

к оглавлению

системную проблему с документированием задержания и статуса лиц, задержанных в качестве подозреваемых, в течение этого времени задержанных лиц допрашивали без доступа к адвокату, лишали прочих прав подозреваемых, и они становились жертвами злоупотреблений со стороны милиции (см. постановление Европейского Суда от 2 мая 2017 года по делу «Олисов и другие против России», жалобы №№ 10825/09 и 2 других, пункты 78-79).

Суд также отмечает, что утверждения заявителя о том, что его телесные повреждения возникли в результате жестокого обращения со стороны сотрудников милиции, были отклонены следственным органом на том основании, что те же сотрудники милиции отрицали факт применения жестокого обращения по отношению к заявителю. Он не дал никаких объяснений относительно телесных повреждений заявителя, за исключением не вполне ясного упоминания о его «неосторожных действиях» в качестве их возможной причины без предоставления каких-либо подробностей.

Следственный орган основывает свои выводы на результатах доследственной проверки, которая, в соответствии с российским законодательством, представляет собой начальную стадию рассмотрения жалобы о возбуждении уголовного дела и, в случае обнаружения признаков преступления, должна сопровождаться возбуждением уголовного дела и проведением расследования (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России», жалоба № 46956/09, пункт 129). ***Само по себе проведение доследственной проверки в соответствии со статьей 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ является недостаточным*** в случае несоблюдения органами государственной власти требования эффективности расследования по заслуживающим внимание жалобам на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции в соответствии со статьей 3 Конвенции. ***Органы государственной власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее расследование, в ходе которого может быть осуществлен весь комплекс следственных действий, включая допрос свидетелей, очные ставки и опознание*** (там же, пункты 132-37).

Европейский Суд не усматривает каких-либо причин для иных выводов в данном деле. Суд пришел к выводу о том, что следственные органы не провели эффективного расследования по жалобам заявителя на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции, как это предусмотрено статьей 3 Конвенции.

Принимая во внимание, что отрицание властями ответственности государства за телесные повреждения заявителя основано на результатах поверхностных доследственных проверок, проведенных на внутригосударственном уровне и не отвечающих требованиям статьи 3 Конвенции, Суд считает, что ***власти не сняли с себя бремя доказывания и не представили доказательства, способные поставить под сомнение изложенную заявителем версию событий, которые Суд считает установленными*** (см. упомянутое выше постановление по делу Олисова и

к оглавлению

других, пункты 83-85, и постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «Ксенц и другие против России», жалобы №№ 45044/06 и 5 других, пункты 102-04).

Что касается квалификации обращения с заявителем со стороны сотрудников милиции, то Суд отмечает, что заявитель подвергался различным актам физического насилия, включая удушение, удары кулаками и побои. Такое обращение причинило ему реальные телесные повреждения, в частности кровоизлияния в оба глаза и ушибы правой почки и в поясничной области, а также сильные физические и душевные страдания. ***Заявитель был намеренно подвергнут описанному выше обращению с целью добиться от него самообвинения.***

Суд считает, что обращение, которому был подвергнут заявитель со стороны сотрудников милиции, ***равносильно пыткам*** (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», жалоба № 22978/05, пункт 90, ЕСПЧ 2010).

Вышеизложенные соображения являются достаточными для того, чтобы Суд пришел к выводу о наличии нарушения статьи 3 Конвенции, как ее материального, так и процессуального аспектов.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также допущено нарушение материального и процессуального аспектов статьи 3 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **30 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **30 900** евро.

3. Постановление Европейского Суда по жалобе № 26107/13 «Крамаренко против России», вынесено и вступило в силу 3 октября 2017 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудников правоохранительных органов, подпункта «с» пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с незарегистрированным содержанием заявителей под стражей.

9 октября 2011 года у заявителя произошла ссора с охранником по месту работы заявителя. Заявитель нанес охраннику тридцать четыре удара ножом, а затем скрылся с места происшествия. Когда другой сотрудник попытался остановить его, заявитель также ударил его ножом. Оба охранника скончались.

10 октября 2011 года сотрудники полиции обнаружили заявителя. Примерно в 13:00-14:00 они доставили заявителя в отдел полиции для допроса.

По словам заявителя, сотрудники полиции избивали его и применяли с нему электрический ток. Всю ночь они не снимали с него наручники и не давали ему еды и воды.

к оглавлению

Вечером 10 октября 2011 года заявитель был доставлен в больницу, где его осмотрел нейрохирург. Согласно вынесенному позже заключению врача, у заявителя не было телесных повреждений.

В 17:05 11 октября 2011 года в отношении заявителя была проведена судебно-медицинская экспертиза. Эксперт отметил наличие у заявителя следующих телесных повреждений: синяк на правом плечевом суставе, синяк и ссадина на правом плече, ссадины на правой голени. По мнению эксперта, заявитель мог получить телесные повреждения в результате нанесения ударом твердым тупым предметом, включая удары руками и ногами, незадолго до прохождения освидетельствования. Эксперт также отметил рану в форме точки, вероятно причиненную колющим предметом, незадолго до прохождения освидетельствования. Заявитель сообщил эксперту, что он не помнит, что произошло с ним после его задержания сотрудниками полиции.

18 ноября 2011 года следователь, ведущий дело заявителя, сообщил о телесных повреждениях заявителя в областной следственный комитет. Он счел, что заявитель мог подвергаться жестокому обращению, когда он находился под стражей в полиции 10 октября 2011 года.

После проведения проверки обстоятельств ареста заявителя, 28 ноября 2011 года следователь отказал в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников полиции по обвинению в предполагаемом незаконном лишении свободы и в жестоком обращении с заявителем во время нахождения под стражей в полиции 10 октября 2011 года.

11 октября 2011 года заявителю было предъявлено обвинение в двух эпизодах убийства. Судя по всему, он находился под стражей во время проведения расследования и судебного разбирательства.

28 июня 2012 года Воронежский областной суд установил, что заявитель совершил убийства, находясь в невменяемом состоянии, и вынес постановление о помещении заявителя в психиатрическое учреждение.

Общие принципы, касающиеся рассмотрения утверждений о жестоком обращении с лицами, находящимися под контролем государства, прочно установлены в прецедентной практике Суда и недавно были подтверждены в постановлении по делу «Боид против Бельгии», жалоба № 23380/09, пункты 81-88).

Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, во-первых, что утверждения заявителя о том, что он подвергался воздействию электрического тока, и что он оставался в наручниках в течение ночи без еды и воды, ***не подтверждаются доказательствами, представленными сторонами.*** При подобных обстоятельствах ***Суд не может установить «вне разумного сомнения», являются ли эти утверждения заявителя правдивыми***.

Что касается телесных повреждений, указанных заявителем в своей жалобе, Суд отмечает, что представленные сторонами медицинские документы доказывают, что заявитель имел множество синяков и ссадин в области плеч и голеней. Однако стороны разошлись во мнениях относительно времени их

к оглавлению

нанесения и их происхождения. Заявитель утверждал, что он был избит сотрудниками полиции, когда он находился под стражей 10 октября 2011 года. С другой стороны, власти предложили, что телесные повреждения заявителя были причинены им самостоятельно. В качестве альтернативы власти предположили, телесные повреждения возникли у заявителя его до ареста.

Что касается гипотезы властей о том, что телесные повреждения заявителя могли возникнуть до даты его ареста, то Суд отмечает, ***что национальные органы власти не провели медицинское освидетельствование заявителя непосредственно после его задержания.*** Также национальные органы власти не рассмотрели такую возможность в ходе проверки, проведенной по утверждению заявителя о жестоком обращении. Таким образом, Суд отклоняет утверждение властей и допускает, что до помещения под стражу заявитель находился в хорошем состоянии здоровья (сравните с постановлением от 18 сентября 2008 года по делу «Тюркан против Турции», жалоба № 33086/04, пункт 43).

Кроме того, Суд не может принять выводы проведенной на внутригосударственном уровне проверки, на которые власти ссылались, утверждая, что заявитель причинил себе телесные повреждения самостоятельно. В частности, Суд отмечает, что утверждение властей не подкреплено медицинскими доказательствами. Судебный эксперт, который осматривал заявителя 11 октября 2011 года, не посчитал, что телесные повреждения заявителя были причинены им самостоятельно.

Суд также отмечает, что сотрудники полиции, допрошенные по поводу телесных повреждений заявителя, дали отличающиеся показания относительно событий, когда заявитель предположительно причинил себе телесные повреждения. Некоторые из них утверждали, что он получил эти телесные повреждения 10 октября 2011 года (день его задержания), в то время как другие утверждали, что он причинял вред собственному здоровью 11 октября 2011 года. Судебный эксперт также не установил с достаточной точностью время возникновения телесных повреждений заявителя, отметив, что они могли быть причинены «незадолго до освидетельствования».

Приводящегося выше достаточно для того, чтобы Суд (1) пришел к выводу о том, что власти не дали достаточного и убедительного объяснения причины возникновения телесных повреждений заявителя и (2) ***сделал предположение в пользу утверждений заявителя о том, что он был избит сотрудниками полиции***. Тот факт, что заявитель содержался под стражей в полиции в качестве обвиняемого в отсутствие официальной записи его задержания и содержания под стражей, также говорит в пользу версии заявителя.

Суд также считает, что количество и расположение телесных повреждений, полученных заявителем, указывают на то, что избиение со стороны сотрудников полиции являлось достаточно серьезным, и представляло собой бесчеловечное обращение, запрещенное статьей 3 Конвенции.

к оглавлению

Принимая во внимание вышеизложенное, Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материально-правовом аспекте.

Что касается возражения властей о том, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в связи со своей жалобой, то Суд повторяет, что ***правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, закрепленное в пункте 1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей сначала использовать средства правовой защиты, обычно доступные во внутригосударственной правовой системе и достаточные для того, чтобы дать заявителям возможность получить компенсацию за предполагаемые нарушения. Существование средств правовой защиты должно быть достаточно определенным как в теории, так и на практике, в противном случае они не будут иметь необходимой доступности и эффективности*** (см. постановление от 18 декабря 1996 года по делу «Аксой против Турции», пункты 51-52, и постановление от 16 сентября 1996 года по делу «Акдивар и другие против Турции», пункты 65-67).

Суд отмечает, что заявитель жаловался властям на то, что его содержание под стражей 10 октября 2011 года было незаконным. Следователь отклонил утверждения заявителя, заявив, что он оставался в отделении полиции по собственной воле. Суды на двух уровнях юрисдикции оставили выводы следователя без изменений. В таких обстоятельствах Суд убежден в том, что заявитель дал внутригосударственным органам власти возможность исправить предполагаемое нарушение. В замечания властей он не нашел объяснения, ***почему возбужденное заявителем разбирательство не следует принимать во внимание в целях выполнения правила об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, изложенного в пункте 1 статьи 35 Конвенции.*** Также власти не разъяснили, почему в обстоятельствах настоящего дела на заявителе лежала обязанность оспорить действия сотрудников полиции в рамках гражданского судопроизводства.

Суд повторяет, что пункт 1 статьи 5 Конвенции, прежде всего, требует, ***чтобы задержание было «законным», что включает условие соблюдения предусмотренной законом процедуры***. Конвенция главным образом отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязательство следовать его материально-правовым и процессуальным нормам, но в тоже время требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, а именно защита личности от произвола. ***Период содержания под стражей в принципе является законным, если оно осуществляется по судебному приказу*** (см. постановление Суда от 10 июня 1996 года по делу «Бенхам против Соединенного Королевства», пункты 40 и 42).

Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что власти не оспаривают тот факт, что с 10 по 11 октября 2011 года заявитель был «лишен свободы» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции в отсутствие какой-либо записи об аресте или содержании под стражей.

к оглавлению

В этой связи Суд отмечает, что ***отсутствие записи об аресте или содержании под стражей должно само по себе рассматриваться как самое серьезное нарушение,*** поскольку Суд всегда придерживался мнения о том, что незарегистрированное содержание под стражей является полным отрицанием важных основополагающих гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, и представляет собой самое серьезное нарушение этого положения. ***Отсутствие записи такой информации как дата, время и место содержания под стражей, имя содержащегося под стражей лица, а также причины содержания под стражей и имя лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с требованием законности и с самой целью статьи 5 Конвенции*** (см. постановление Суда от 25 октября 2005 года по делу «Федотов против России», жалоба № 5140/02, пункт 78; постановление Суда по делу «Менешева против России», жалоба № 59261/00, пункт 87; и постановление Суда от 25 мая 1998 года по делу «Курт против Турции», пункт 125).

Таким образом, отсутствие надлежащей записи об аресте и содержании заявителя под стражей с 10 по 11 октября 2011 года является достаточным для того, чтобы Суд пришел к выводу о том, что соответствующий период содержания заявителя нарушал внутригосударственное право и противоречил подразумеваемым требованиям, статьи 5 Конвенции о надлежащей регистрации лишения свободы (см. постановление Суда по делу «Ангуелова против Болгарии», жалоба № 38361/97, пункт 157, и упоминаемое выше постановление по делу «Менешева против России», пункты 87-89). Следовательно, в настоящем деле было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах, подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **26 000** евро в качестве компенсации морального вреда.

4. Постановление Европейского Суда по жалобе № 43664/16 «Шмелева против России», вынесено и вступило в силу 28 ноября 2017 года.

Постановлением установлено нарушение статей 2 (право на жизнь) в ее материальном и процессуальном аспектах и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Заявительница жаловалась на то, что ее сын умер в результате пыток, примененных к нему в отделении полиции. Заявительница также утверждала, что не было проведено надлежащего внутригосударственного расследования этого обстоятельства.

1 октября 2010 года сотрудники милиции задержали сына заявительницы и его подругу, и доставили их в УВД по Московскому району г. Санкт Петербурга. Протокол их задержания составлен не был.

к оглавлению

В течение приблизительно шести часов сотрудники милиции подвергали сына заявительницы жестокому обращению. Его неоднократно били руками в живот, по голове, правой ладони и обеим икрам. Его также подвергали методу пыток, называемому «ласточка» – его голову, руки и ноги стягивали вместе за спиной.

Ранним утром 2 октября 2010 года сын заявительницы был доставлен из отделения милиции в больницу. Через восемь дней он умер. В протоколе результатов вскрытия указано, что причиной смерти стала «тяжелая эмболия легких, усугубленная бронхопневмонией и отеком мозга в результате оскольчатого перелома головки плеча с разрывом суставных капсул и обширными гематомами, кровоподтеками и растяжением мягких тканей и подкожного жирового слоя». Все телесные повреждения возникли в результате ударов твердыми, тупыми предметами.

12 октября 2010 года было возбуждено уголовное дело. Заявительница была признана потерпевшей по делу. Некоторым сотрудникам милиции были предъявлены обвинения в убийстве и превышении должностных полномочий, совершённом с применением насилия и повлекшем за собой нарушение прав личности.

26 марта 2014 года Московский районный суд г. Санкт-Петербурга признал этих должностных лиц виновными по всем пунктам обвинений и приговорил их к различным срокам лишения свободы. 1 октября 2014 года Санкт-Петербургский городской суд частично отменил приговор и оправдал этих должностных лиц по обвинению в совершении убийства ввиду недостаточности доказательств. Несмотря на то, что было установлено, что телесные повреждения были причинены сыну заявительницы умышленно во время его нахождения под стражей в милиции, городской суд направил дело на дополнительное расследование для установления личности виновных в его смерти.

2 марта 2015 года расследование было приостановлено из-за истечения срока, выделенного для расследования, и из-за невозможности установления личностей преступников и проведения следственных мероприятий в отсутствие обвиняемого. 12 ноября 2015 года Октябрьский районный суд города Санкт-Петербурга оставил это постановление без изменений, сочтя его правомерным. Постановление вступило в законную силу 27 января 2016 года.

Суд напоминает, что хотя статья 2 Конвенции не предусматривает абсолютного обязательства, чтобы все уголовные дела приводили к осуждению или к определенному наказанию, ***национальные суды ни при каких обстоятельствах не должны позволять, чтобы преступления, связанные с насильственной смертью, оставались безнаказанными*** (см. постановление Большой Палаты по делу «Онерйилдыз против Турции», жалоба № 48939/99, пункт 96; постановление Суда по делу «Оккали против Турции», жалоба № 52067/99, пункт 65; и постановление Суда от 19 декабря 2006 года по делу «Тюркмен против Турции», жалоба № 43124/98, пункт 51).

к оглавлению

В этой связи суд отмечает, что основные цели назначения уголовного наказания включают, как кару в виде правосудия для потерпевших, так и общее сдерживание, направленное на предотвращение новых нарушений и обеспечение верховенства права. Однако ни одна из этих целей не может быть достигнута, если предполагаемые преступники не предстанут перед судом. Если органы власти не преследуют наиболее вероятных преступников, то это подрывает эффективность механизма уголовного права, нацеленного на предотвращение, подавление и наказание за незаконные убийства. Выполнение государством своих процессуальных обязательств, предусмотренных статьей 2, требует, чтобы внутригосударственная правовая система могла продемонстрировать свою способность и желание реализовать уголовное право в отношении тех, кто незаконно лишил жизни другого (см. постановление Большой Палаты по делу «Начова и другие против Болгарии», жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, пункт 160; постановление Суда от 12 июня 2014 года по делу «Елич против Хорватии», жалоба № 57856/11, пункт 90; и постановление Суда от 30 октября 2012 года по делу «Гимп и другие против Республики Молдова», жалоба № 32520/09, пункт 43).

Принимая во внимание признание властями нарушения статьи 2 Конвенции, а также изложенные выше принципы, обстоятельства настоящего дела и вывод внутригосударственных органов власти о том, что сын заявительницы ***умер в результате телесных повреждений, причиненных во время его содержания под стражей в милиции***, Суд приходит к выводу о том, что ***государство несло ответственность за его смерть, и что по данному факту не было проведено эффективное расследование.***

Суд отмечает, что власти не оспаривали утверждения заявительницы о том, что ее сын подвергался жестокому обращению, когда он находился в руках сотрудников милиции после его задержания. Российские суды также установили, что телесные повреждения были умышленно причинены ему во время содержания под стражей в милиции.

В свете признания властями факта жестокого обращения, и принимая во внимание выводы внутригосударственных судов, Суд считает, что ***государство несло ответственность за жестокое обращение с сыном заявительницы***.

В настоящем деле стороны не оспаривали тот факт, что сын заявительницы в течение нескольких часов подвергался жестоким избиениям и методу пытки, называемому «ласточка». Суд отмечает, что обращение, которому подвергался сын заявительницы, учитывая его жестокость и длительность, а также его последствия, представляли собой пытку (см. постановление Большой Палаты по делу «Гафген против Германии», жалоба № 22978/05, пункты 89-90).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в связи со смертью сына заявительницы в результате телесных повреждений, причиненных ему во время нахождения под контролем сотрудников милиции и в связи с непроведением властями эффективного расследования по факту смерти сына

к оглавлению

заявительницы, а также допущено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с тем, что сын заявительницы подвергался пыткам во время его содержания под стражей в милиции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице **60 000** евро в качестве компенсации морального вреда.

5. Постановление Европейского Суда по жалобе № 74820/14 «Пастухов против России», вынесено и вступило в силу 1 октября 2019 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 3, пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с незаконным задержанием и жестоким обращением с заявителем в отделе полиции, с его незарегистрированным содержание под стражей, отсутствием права на компенсацию за незарегистрированное содержание под стражей.

Ночью 6 февраля 2011 года заявитель возвращался домой. Он был пьян и по ошибке вошел в соседний многоквартирный жилой дом, в котором, по совпадению, была квартира с таким же номером, как и его собственная квартира. Он стал настойчиво звонить в дверь и просил впустить его. Хозяйка квартиры Б. вызвала полицию. Когда прибыли сотрудники полиции, заявитель лежал на ступеньках. Они проверили его паспорт и установили место его прописки. Б. предположила, что заявитель перепутал здания и попросила полицейских сообщить родственникам заявителя о случившемся. После безуспешной попытки связаться с его родственниками, полицейские забрали заявителя в отдел полиции.

6 февраля 2011 года в 17:11 заявитель был доставлен в отдел полиции № 4 Мотовилихинского района Перми. Ему были предъявлены обвинения по статье 20.21 КоАП по причине появления в общественном месте в состоянии опьянения и на него был наложен штраф в размере 300 рублей. Сотрудники полиции также составили протокол задержания, в котором указали, что у заявителя имелась ссадина на носу. Медицинское освидетельствование заявителя не проводилось. После личного обыска его отправили в пустую камеру. В камере имелись нары, установленные на высоте около 40 сантиметров над бетонным полом, и никаких защитных поручней не было. В 9:00 дежурные сотрудники обнаружили заявителя лежащим на полу. Они не смогли разбудить его и оставили его лежать на полу. Один из них сделал запись в журнале лиц, находящихся под административным арестом, указав, что заявитель был освобожден 6 февраля 2011 года в 8:10 утра. В 15:00 дежурный сотрудник полиции вновь попытался разбудить заявителя, но не смог, и вызвал машину «скорой помощи». Прибывшие врачи установили, что заявитель находился в состоянии комы, и увезли его в больницу. В течение следующих пяти часов заявителя перевозили из одной больницы в другую. В 21:00 его приняли в государственную больницу № 1 г. Перми, где он был осмотрен врачом. У него были диагностированы многочисленные травмы, включая гематомы в области левых скулы, колена и плеча, а также отек в левой теменной зоне. У заявителя были также обнаружены

к оглавлению

тяжелая закрытая черепно-мозговая травма с гематомами в левой части лобной доли головного мозга, а также геморрагический ушиб правой части лобной доли головного мозга и перелом свода черепа, затрагивающий основание черепа. В тот же день ему была сделана операция.

В период с 6 февраля по 22 марта 2011 года заявитель проходил лечение в нейрохирургическом отделении больницы. Он оставался в состоянии комы до 15 февраля 2011 года. У него развилась посттравматическая энцефалопатия, эпилепсия и деменция. Он частично потерял зрение и способность понимать суть своих действий и контролировать их. Заявителю была пожизненно назначена первая степень инвалидности и он был официально признан законно ограниченным в право- и дееспособности. Его мать, Елена Пастухова, стала его законным опекуном.

Врач А. указал, что при поступлении заявителя в больницу у него были диагностированы гематомы на скуле и в затылочно-теменной области головы. В результате осмотра также обнаружена серьезная черепно-мозговая травма – ушиб головного мозга, свода черепа и перелом основания черепа. Такие травмы, по мнению А., могли быть вызваны падением из положения стоя на твердую поверхность, но действительное происхождение травмы неизвестно.

18 марта 2011 года следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления в действиях сотрудников полиции. Он счел приемлемым объяснение травм заявителей врачом А. и постановил, что нет никаких признаков того, что травмы возникли в результате применения насилия. Следователь также отметил, что проводится медицинское экспертное исследование серьезности травм заявителя и их характера.

22 апреля 2011 года заместитель прокурора Мотовилихинского района Перми отменил постановление от 14 февраля 2011 года (см. выше пункт 11) и распорядился объединить предварительное расследование, проведенное полицией, с доследственной проверкой, начатой Следственным комитетом. 25 мая 2011 года прокурор также отменил постановление от 18 марта 2011 года, подчеркнув, что проведенная доследственная проверка была не полной, так как следователь не допросил целый ряд потенциальных свидетелей.

16 августа 2012 года уголовное дело в отношении сотрудников полиции было прекращено, с выводом о том, что они не причинили никакого вреда заявителю. Дело было передано следователям Мотовилихинского районного отдела внутренних дел. 4 октября 2012 года заместитель районного прокурора отменил постановление от 16 августа 2012 года по формальному основанию. Дело было возвращено в районный отдел следственного комитета. Уголовное дело согласно части 1 статьи 111 Уголовного кодекса было прекращено 2 декабря 2012 года и отделу уголовного розыска отдела полиции № 4 поручили найти виновных в причинении телесных повреждений заявителю.

7 ноября 2013 года Пастухова, действуя от имени заявителя, подала гражданский иск против Министерства финансов Российской Федерации, требуя

к оглавлению

4 000 000 рублей компенсации за моральный вред, нанесенный незаконным задержанием, нанесением травм и непредоставлением полицией необходимой медицинской помощи.

14 марта 2014 года районный суд частично удовлетворил этот иск и присудил заявителю 50 000 рублей. Суд постановил, что заявление Пастуховой о возбуждении уголовного дела не было подано в надлежащий орган в течение почти года, до возбуждения в феврале 2012 года уголовного дела согласно ч. 1 статьи 111 Уголовного кодекса. Суд также подчеркнул, что постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенные в такой период, объявлены незаконными и неполными. Многочисленные незаконные отказы в возбуждении уголовного дела, по мнению районного суда, являлись вмешательством в права заявителя как потерпевшего, гарантированные статьей 52 Конституции России. Суд заключил, что заявитель имел право на возмещение морального вреда, с учетом незаконных действий следственных органов, независимо от возможного результата ведущегося уголовного производства согласно ч. 1 статьи 111 Уголовного кодекса. В то же время районный суд не увидел оснований для объявления последующего расследования (после февраля 2012 года) неэффективным, и отклонил соответствующую часть иска.

Суд также постановил, что арест и содержание заявителя под стражей были законными и оправданными, так как протокол об административном правонарушении не мог быть составлен на месте, с учетом состояния заявителя и ввиду невозможности связаться с его родственниками и доставить его домой. Условия содержания заявителя под стражей в отделе полиции также соответствовали действующим правилам. Наконец, районный суд отклонил как необоснованный довод Пастуховой по поводу ответственности сотрудников полиции за намеренное или по небрежности причинение вреда здоровью заявителя, в том числе, несвоевременное оказание ему необходимой медицинской помощи.

4 июня 2014 года Пермский областной суд, рассмотрев дело в апелляционном порядке, оставил решение от 14 марта 2014 года без изменения. 10 сентября 2014 года Президиум областного суда отклонил заявление о кассационном пересмотре дела.

Заявитель жаловался, что его не осмотрел специалист-медик и ему не была предоставлена необходимая помощь во время содержания под стражей в отделе полиции, и что он содержался в камере, которая не соответствовала его потребностям в состоянии, представлявшем опасность для его здоровья. Он также жаловался на то, что власти не объяснили происхождение травм, полученных во время нахождения под их контролем, и что расследование обстоятельств дела было неэффективным.

Власти подчеркнули, что заявитель не утверждал, что полицейские нанесли ему травмы. Заявитель не доказал, что не имел травм до встречи с полицией. Он не представил никаких доказательств, подтверждающих, что травмы были получены во время его нахождения под стражей. Власти утверждали, что

к оглавлению

национальные органы власти изучили обстоятельства, в которых заявитель получил травмы, и что нет никаких оснований отходить от этих выводов. В ходе внутригосударственного расследования были собраны достаточные доказательства того, что травма головы заявителя была получена в результате его падения и что сотрудники полиции никоим образом не связаны с этим. Полицейские не действовали небрежно, когда не предоставили заявителю медицинскую помощь. Ничто не предполагало, что его жизнь или здоровье подвергались опасности.

При оценке доказательств, на которых основывается решение о том, имело ли место нарушение статьи 3, Суд использует стандарт доказывания «вне разумного сомнения». Однако такое доказательство может вытекать из совместного существования достаточно обоснованных, очевидных и согласующихся друг с другом предположений или аналогичных не опровергнутых фактических презумпций (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яллох против Германии», жалоба № 54810/00, пункт 67). Европейский Суд подчеркивал, что ***содержащиеся под стражей лица находятся в уязвимом положении и что в обязанность властей входит защита их физического благополучия*** (см., с дальнейшими ссылками, постановление Европейского Суда от 23 октября 2014 года по делу «Бобров против России», жалоба № 33856/05, пункт 33). ***Если лицо задержано органами полиции в хорошем состоянии здоровья, а в момент освобождения имеет телесные повреждения, власти обязаны предоставить правдоподобное объяснение того, каким образом указанные телесные повреждения были нанесены***, а в случае неспособности предоставить таковое возникает закономерный вопрос, вытекающий из смысла статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 года по делу «Рибич против Австрии», пункт 34, а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции, жалоба № 25803/94, пункт 87). При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии», жалоба № 23380/09, пункт 83).

Суд напоминает о том, что в случаях, когда лицо обращается со спорным заявлением о жестоком обращении в нарушение статьи 3, находясь в руках полиции или иных схожих представителей государства, это положение, в совокупности с общей обязанностью государства в рамках статьи 1 Конвенции «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», подразумевает требование о проведении эффективного официального расследования. ***Подобное расследование должно быть способно привести к установлению личностей виновных и их наказанию, если таковое предусмотрено.*** В противном случае, общий правовой запрет в отношении пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на свою фундаментальную важность, был бы на

к оглавлению

практике неэффективен, и в некоторых случаях представители Государства могли бы практически безнаказанно нарушать права лиц, находящихся под их контролем (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», жалоба № 26772/95, пункт 131, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 30 марта 2016 года по делу «Армани Да Сильва против Соединенного Королевства», жалоба № 5878/08, пункт 233).

Расследование серьезных заявлений о жестоком обращении должно быть оперативным и тщательным. Органы власти должны всегда со всей серьезностью пытаться выяснить обстоятельства произошедшего, и не должны полагаться на поспешные и необоснованные выводы для того, чтобы закрыть дело либо вынести решение. Они должны предпринять все доступные меры для сохранения доказательств, касающихся происшествия, включая, среди прочего, свидетельские показания очевидцев и судебные доказательства. Любой недостаток расследования, который подрывает его способность установить причину нанесения телесных повреждений или личности виновных, может привести к нарушению этого стандарта (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Мокану и другие против Румынии», жалобы №№ 10865/09, 45886/07 и 32431/08, пункт 322, и постановление Европейского Суда от 29 июля 2010 года по делу «Копылов против России», жалоба № 3933/04, пункт 133). Кроме того, расследование должно быть независимым, беспристрастным и должно подлежать общественному контролю (см. постановление Европейского Суда от 5 ноября 2013 года по делу «Месут Дениз против Турции», жалоба № 36716/07, пункт 52). Лица, ответственные за проведение расследования и проводящие его, должны быть независимы от лиц, причастных к расследуемым событиям. Это означает не только отсутствие иерархических или организационных связей, но и практическую независимость (см. постановление Европейского Суда от 20 июля 2004 года по делу «Мехмет Эмин Юксел против Турции», жалоба № 40154/98, пункт 37). Оно должно привести к обоснованному решению, убеждающему общественность в соблюдении верховенства права (см. постановление Европейского Суда от 4 мая 2001 года по делу «Келли и другие против Соединенного Королевства»), жалоба № 30054/96, пункт 118).

Суд подчеркнул, что Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) ***считает право на доступ к врачу для заключенных во время их нахождения под стражей в правоохранительных органах одной из трех фундаментальных гарантий против жестокого обращения*** (Стандарты ЕКПП 2022 (редакция 2011 года) (CPT/Inf/E (2002) 1-Rev. 2011) Выдержка из 2-го Общего доклада [CPT/Inf (92) 3]). ЕКПП также считает, что хотя ***допускается содержать под стражей лиц со средней степенью опьянения без медицинского наблюдения, лица в состоянии сильного алкогольного опьянения должны быть осмотрены врачом и в случае необходимости находиться под медицинским наблюдением*** (Доклад для Миссии Организации Объединенных Наций по делам временной

к оглавлению

администрации в Косово (UNMIK) о визите ЕКПП в Косово с 8 по 15 июня 2010 года, CPT/Inf (2011) 26).

Российские власти упомянули отсутствие медработника в штате отдела полиции и отсутствие медицинской подготовки у дежурных сотрудников полиции в качестве факторов, которые освобождают их от необходимости осматривать заявителя и снимают любую ответственность за здоровье заявителя. Суд, однако, не считает эти факторы обоснованием бездействия властей. Для первоначального осмотра заявителя можно было пригласить врача бригады «скорой помощи» или медицинского работника городской больницы. Суд также напоминает, что ***необходимость наличия специализированной подготовки полицейских, осуществляющих надзор за лицами в состоянии опьянения, уже неоднократно подчеркивалась ЕКПП*** (см., к примеру, Доклад для правительства Швеции о визите ЕКПП в Швецию с 18 по 28 мая 2015 года, CPT/Inf (2016) 1; Доклад для правительства Финляндии о визите ЕКПП в Финляндию с 22 сентября по 2 октября 2014 года, CPT/Inf (2015) 25).

Суд считает, что заявитель сделал убедительное утверждение, что он получил серьезные повреждения во время нахождения под стражей в отделе полиции. Его заявление было подтверждено медицинскими заключениями и прочими свидетельствами, полученными в ходе внутригосударственного судопроизводства. Соответственно, органы власти были обязаны провести эффективное расследование данных событий.

Суд ранее постановил, в контексте российской юридической системы ***в делах о достоверных сообщениях о жестоком обращении, что органы власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее уголовное расследование с использованием всего набора следственных действий***. Сам факт отказа следственных органов возбудить уголовное производство по обоснованным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под стражей в правоохранительных органах служит доказательством неисполнения государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3 (см. упоминаемое постановление Европейского Суда по делу «Ляпин против России», пункты 129 и 132 36). Задержка в возбуждении уголовного дела и проведении уголовного расследования в таких делах не может не оказать негативного влияния на ход расследования, мешая следственным органам собрать доказательства жестокого обращения (см. постановление Европейского Суда от 5 февраля 2015 года по делу «Раззаков против России», жалоба № 57519/09, пункт 61).

Суд считает, что задержка в возбуждении уголовного дела в связи с утверждениями заявителя о жестоком обращении и многочисленные недостатки в ходе следствия свидетельствуют о том, что власти не приняли всех целесообразных мер, имеющихся в их распоряжении, с целью добыть доказательства и не предприняли серьезной попытки выяснить, что случилось (см., помимо иных источников, постановление Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», пункт 131, и постановление Европейского Суда

к оглавлению

от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии», пункт 103 и далее).

Заявитель жаловался на то, что его незапротоколированное содержание под стражей в отделе полиции № 4 Мотовилихинского района Перми с 8:10 6 февраля 2011 года, когда была сделана запись о его освобождении в журнале лиц, находящихся под административным арестом, до 15:30 того же дня, когда его доставили в больницу, было незаконным. Он также жаловался на то, что он не имел права на компенсацию в отношении его незапротоколированного содержания под стражей.

Суд неоднократно выражал свое мнение о том, что негласное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментальных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения. ***Отсутствие записи таких данных как день, время и место задержания, имя задержанного, причины задержания и имя человека, осуществившего задержание, должно рассматриваться как несоответствие требованию законности и самой цели статьи 5 Конвенции.*** Более того, отсутствие любого подтверждения или документа в отношении содержания лица под стражей в качестве подозреваемого может привести к лишению такого лица доступа к адвокату и всех остальных прав подозреваемого, и делает его потенциально уязвимым не только в отношении произвольного вмешательства в его право на свободу, но также в отношении жестокого обращения (см. постановление Европейского Суда от 26 июня 2018 года по делу «Фортальнов против России», жалобы №№ 7077/06 и 12 других жалоб, пункты 76-77, с дальнейшими ссылками).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в связи с тем, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, и допущено нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте по причине отсутствия эффективного расследования по утверждениям заявителя, а также пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незапротоколированным содержанием заявителя под стражей и пункта 5 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что заявитель не располагал юридически закрепленным правом на компенсацию в связи с его незаконным содержанием под стражей, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **20 000** евро в качестве компенсации материального ущерба и **25 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **47 033** евро.

6. Постановление Европейского Суда по жалобе № 11916/15 «Р. против России», вынесено 26 января 2016 года, вступило в силу 6 июня 2016 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 3 и пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с произвольным характером содержания под стражей в центре временного содержания

к оглавлению

иностранных граждан, отсутствием эффективного судебного контроля за законностью содержания под стражей и негуманным обращением со стороны сотрудников полиции.

Заявитель является этническим узбеком, проживавшим в Джалал-Абадской области Кыргызстана. В июне 2010 года в указанном регионе имели место массовые беспорядки и межэтнические столкновения между узбеками и киргизами.

В итоге, заявитель бежал из Кыргызстана в Россию вместе со многими другими этническими узбеками с целью скрыться от насилия на этнической почве.

В 2012 году власти Кыргызстана возбудили уголовное дело в отношении заявителя, обвиняя его в ряде насильственных преступлений, предположительно совершенных в ходе беспорядков в июне 2010 года. 26 июня 2012 года Сузакский районный суд Джалал-Абадской области издал распоряжение о заключении заявителя под стражу.

27 января 2015 года заявитель был задержан в г. Москве, так как не имел удостоверения личности. Он был помещен в специальное учреждение для временного содержания иностранных граждан г. Москвы, находящееся в введении Федеральной миграционной службы Российской Федерации.

По словам заявителя, 24 февраля 2015 года он был жестоко избит сотрудниками отряда полиции особого назначения в центре содержания иностранных граждан. Ему нанесли удары резиновой дубинкой по спине, ягодицам и пяткам.

Заявитель уведомил, соответственно, своего адвоката и представил фотографии с мобильного телефона, демонстрирующие его повреждения на спине.

Заявитель жаловался на то, что в случае экстрадиции в Кыргызстан он может столкнуться с серьезной угрозой жестокого обращения в силу своего узбекского этнического происхождения. В своей жалобе он ссылался на статью 3 Конвенции. В своих замечаниях по приемлемости и по существу жалобы от 28 августа 2015 года заявитель впервые выразил претензии в соответствии со статьей 13 Конвенции. Европейский Суд, опираясь на правовые характеристики фактов по делу, считает, что жалобы заявителя должны быть рассмотрены только в свете статьи 3 Конвенции (см. постановление от 5 июня 2014 года по делу «Маргаретич против Хорватии», жалоба №16115/13, пункт 75).

Заявитель жаловался на то, что 24 февраля 2015 года он был избит сотрудниками милиции в центре временного содержания иностранных граждан и что расследование инцидента на внутригосударственном уровне не было произведено.

Суд отмечает, что спор между сторонами состоит в том, чтобы выяснить, получил ли заявитель телесные повреждения от должностных лиц, принадлежащих к отряду полиции специального назначения в центре содержания иностранных граждан. Он считает, что возникает вопрос о том, ***следует ли***

к оглавлению

переносить бремя предоставления доказательств в данном случае, в частности, на Властей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Бывшей Югославской Республики Македонии», жалоба № 39630/09, пункт 154).

Суд напоминает в этой связи, что ***утверждения о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами***. При оценке доказательств Суд обычно применяет стандарт доказывания «вне разумного сомнения» (см. постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», жалоба № 25, пункт 161). Такое доказательство может следовать из совокупности достаточно веских, ясных и согласованных предположений или похожих неопровержимых фактических презумпций. Когда информация об оспариваемых событиях целиком или главным образом относится к исключительному ведению властей, как в случае пребывания задержанных лиц под стражей, возникают обоснованные предположения о существовании фактов в отношении телесных повреждений, причиненных во время содержания под стражей. Бремя доказательства тогда ***лежит на Властях, они должны представить удовлетворительное и убедительное объяснение с предоставлением фактов, которые ставят под сомнение события, изложенные потерпевшим*** (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции», жалоба № 21986/93, пункт 100). При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей (см., среди других источников, постановление по делу «Эль-Масри против Бывшей Югославской Республики Македонии», пункт 152). Это основано на том, что лица, находящиеся под стражей, находятся в уязвимом положении, и власти обязаны защищать их (см. упомянутое выше постановление по делу «Буид против Бельгии», пункт 83).

Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что он не имеет в своем распоряжении медицинского свидетельства, подтверждающего тот факт, что 24 февраля 2015 года заявитель получил какие-либо травмы. Однако, он признает, что для задержанных может оказаться трудно получить доказательства жестокого обращения со стороны своих надзирателей (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии», жалоба № 26772/95, пункт 125). Принимая во внимание, что адвокаты заявителя сообщили в следственные органы об отказах со стороны медицинского персонала центра временного содержания иностранных граждан произвести должным образом записи о травмах, о которых сообщили задержанные, Суд считает вероятным, что заявитель испытывал трудности в получении медицинского свидетельства, подтверждающего полученные травмы. Принимая во внимание, что отчет заявителя о предполагаемом жестоком обращении является подробным, конкретным и последовательным, ***Суд готов принять фотографии, представленные заявителем в качестве «соответствующего доказательства» его утверждений об избиениях в центре временного содержания иностранных граждан***.

к оглавлению

Суд приходит к выводу, что, соответственно, 24 февраля 2015 года заявитель был избит представителями власти во время пребывания в центре временного содержания иностранных граждан.

Суд напоминает, что если лицо выдвигает небезосновательное утверждение о том, что оно подверглось обращению, нарушающему требования статьи 3 Конвенции, со стороны сотрудников полиции или других представителей государственных органов, данное положение предполагает необходимость проведения эффективного официального расследования.

Расследование обоснованных утверждений о жестоком обращении должно быть тщательным. Это означает, что органы власти должны предпринимать серьезные попытки по выяснению обстоятельств произошедшего, а не полагаться на поспешные или необоснованные выводы для прекращения расследования по делу, и не использовать их в качестве основания для своих решений (см. постановление от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии», пункт 103 и далее). Они должны были ***предпринимать все доступные им разумные меры для получения доказательств, имеющих отношение к соответствующему инциденту, включая, помимо прочего, получение свидетельских показаний и заключений судмедэкспертизы.***

Суд ранее постановлял, что в условиях российской юридической системы «доследственная проверка» сама по себе не может привести к наказанию виновных, так как возбуждение уголовного дела и уголовное расследование являются предварительными условиями для обвинения предполагаемых правонарушителей, которое может быть рассмотрено судом. Сделанные Судом выводы основаны на одном лишь отказе следственных органов возбудить уголовное производство по небезосновательным жалобам на жестокое обращение во время нахождения под контролем сотрудников милиции, что свидетельствует о неисполнении государством своего обязательства по проведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3 Конвенции (см. постановление от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России», жалоба № 46956/09, пункты 135-36).

Суд считает, соответственно, что отказ в возбуждении уголовного дела по небезосновательной жалобе заявителя на жестокое обращение во время пребывания в центре временного содержания иностранных граждан приравнивается к непроведению эффективного расследования, предусмотренного статьей 3 Конвенции.

Заявитель жаловался на то, что его содержание под стражей в следственном изоляторе иностранных граждан было необоснованным, поскольку его сроки не были установлены, и что не было никаких попыток к получению судебного пересмотра его правомерности.

Европейский Суд напоминает, что целью пункта 4 статьи 5 Конвенции является обеспечение лиц, которые подвергаются аресту и задержанию, ***правом на судебный надзор за законностью меры, которая была принята в их отношении***. В период содержания лица под стражей оно должно иметь средство

к оглавлению

правовой защиты, позволяющее обеспечить безотлагательный судебный пересмотр вопроса о правомерности содержания под стражей. Такой пересмотр должен быть способен повлечь, при наличии соответствующих оснований, освобождение лица.

Суд уже установил нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в ряде постановлений в отношении России из-за отсутствия какого-либо внутреннего правового положения, которое могло бы позволить заявителю инициировать судебное рассмотрение его содержания под стражей в ожидании выдворения (см. постановления Европейского Суда по делам «Азимов против России», пункт 153; «Ким против России», пункты 39-43; «Рахимов против России», пункты 148-50; постановления от 15 января 2015 года по делу «Эшонкулов против России», жалоба № 68900/13, пункты 57-60; и от 15 октября 2015 года по делу «Л.М. и другие против России», жалоба № 40081/14, 40088/14 и 40127/14, пункты 140-42). В деле «Ким против России» Власти признали нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции и, учитывая повторяющийся характер нарушения, Суд определил, что российские органы власти «должны обеспечить создание в своем внутреннем правопорядке механизма, позволяющего лицам инициировать проверку законности их содержания под стражей до выдворения исходя из течения процесса депортации» (см. упомянутое выше постановление по делу «Ким против России», пункт 71).

Европейский Суд единогласно постановил, что принудительная высылка заявителя в Кыргызстан будет нарушением статьи 3 Конвенции, а также постановил, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте по причине жестокого обращения с заявителем, статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте по причине отсутствия эффективного расследования утверждений заявителя о жестоком обращении, а также постановил, что нарушены требования пункта 4 статьи 5 Конвенции и пункта 1 статьи 5 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **26 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **31 300** евро.

7. Постановление Европейского Суда по жалобе № 15980/12 «Маслова против России», вынесено 4 февраля 2017 года, вступило в силу 14 мая 2017 года.

Постановлением установлено нарушение статей 2 и 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их материально-правовых аспектах в связи со смертью брата заявительницы в отделе милиции, а также его содержанием там незаконно и жестоким обращением со стороны сотрудников милиции.

19 декабря 2005 года около 14 часов брат заявительницы, Василий Лямов, был задержан сотрудником милиции П. в селе Аксаково (Оренбургская область). П. надел на руки Лямова наручники и посадил его в служебный автомобиль. Во время этой поездки Лямов подвергся насилию.

к оглавлению

Когда автомобиль прибыл к отделу, Лямов заявил, что он не может идти из-за телесных повреждений. Тогда П. и А. вместе с другим сотрудником милиции затащили его внутрь здания. Они положили его на пол в вестибюле здания, где он провел 5 часов без какой-либо медицинской помощи. Люди проходили мимо, не обращая на него внимания. Около 21 часа к Лямову подошел сотрудник милиции, не обнаружил у Лямова пульс и попросил своих коллег вызвать скорую помощь. Врач, прибывший в отдел, констатировал «биологическую смерть» Лямова.

По факту задержания и содержания под стражей Лямова не было составлено никаких процессуальных документов.

26 декабря 2005 года прокуратура Бугуруслана возбудила уголовное дело по факту смерти Лямова. В тот же день следователь назначил вскрытие тела.

Эксперт установил наличие ряда телесных повреждений, в том числе травмы шейных позвонков, приведших, по его мнению, к смерти Лямова. Он установил, что для причинения такой травмы голову потерпевшего необходимо было откинуть назад и повернуть направо. Эксперт пришел к выводу, что от данного повреждения смерть Лямова наступила в течение нескольких минут. Он добавил, что самому себе такого рода травму причинить невозможно. Кроме того, эксперт зафиксировал у Лямова ряд иных повреждений, в том числе царапины на шее, руках и лице, а также ушибы на лице и правой ноге.

28 декабря 2007 года Бугурусланский городской суд вынес в отношении двух сотрудников милиции обвинительный приговор. Суд признал их виновными в превышении полномочий с применением насилия и специальных средств, что повлекло за собой тяжкие последствия (пункты «а», «б» и «в» части 3 статьи 286 УК РФ), и, с другой стороны, в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть человека (часть 4 статьи 111 УК РФ), и приговорил к семи годам лишения свободы с запретом занимать должности в МВД в течение трех лет.

26 февраля 2008 года Оренбургский областной суд отменил приговор Бугурусланского городского суда. В своем решении областной суд указал, что суд первой инстанции не уточнил роль каждого подсудимого в совершении преступления, а также не объяснил, каким образом Лямов получил зафиксированные у него телесные повреждения. Дело было направлено на повторное рассмотрение в городской суд.

Во-первых, областной суд указал, что суд первой инстанции не признал в качестве соответчиков соответствующие подразделения Министерства внутренних дел. Их представители в ходе процесса должны были объяснить причины получения травм Лямовым. Во-вторых, областной суд не был удовлетворен мотивировкой суда первой инстанции. Областной суд указал, что Лямов получил телесные повреждения, повлекшие смерть, когда находился в отделе милиции. Сотрудники милиции не выполнили предусмотренные законом процедуры, связанные с задержанным за административное правонарушение лицом (не провели его досмотр, не составили протокол задержания и не оказали

к оглавлению

медицинскую помощь). Данная ситуация длилась несколько часов, то есть до 21:15, когда прибыла бригада скорой помощи и зафиксировала факт смерти Лямова. Сославшись на прецедентную практику Европейского Суда по статьям 2 и 3 Конвенции, областной суд указал, что ответчикам необходимо было объяснить причины получения травм, приведших к смерти Лямова. В отсутствие данных объяснений суд пришел к выводу о нарушении статьи 2 Конвенции, в частности, ее процессуального аспекта, а также статьи 3 Конвенции в отношении Лямова. Суд заявил об ответственности государства в смерти Лямова. Суд постановил, что Министерство финансов должно было выплатить заявительнице 170 000 рублей (около 4 370 евро) в качестве компенсации морального вреда.

Заявительница утверждает, что ее брат, находясь в отделе милиции Бугуруслана, стал жертвой бесчеловечного обращения со стороны сотрудников милиции и что действия последних привели к смерти Лямова. Она также утверждает, что сотрудники милиции данного отдела не предприняли всех необходимых мер по защите жизни ее брата. Она, в частности, указывает на то, что Лямов в течение нескольких часов в агонизирующем состоянии находился в вестибюле отдела милиции, но медицинская помощь ему своевременно оказана не была.

Суд напоминает, что решение или мера, принятые в пользу заявителя, в принципе достаточны, чтобы лишить его статуса «жертвы», только ***если национальные органы власти признали, явным образом или по сути, нарушение Конвенции и компенсировали заявителю причиненный ущерб*** (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Далбан против Румынии», жалоба № 28114/95, пункт 44, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скордино против Италии (№ 1)», жалоба № 36813/97, пункт 180).

Суд напоминает, что в делах, где утверждается, что смерть человеку была причинена умышленно или явилась результатом применения силы или бесчеловечного обращения, ***выплата денежной компенсации не снимает с Договаривающихся Государств обязанностей по проведению расследования, направленного на установление виновных и их наказание*** (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства», жалоба № 55721/07, пункт 165, и постановление Большой Палаты Европейского Суда от 14 апреля 2015 года по делу «Мустафа Тунч и Феджир Тунч против Турции», жалоба № 24014/05, пункт 130).

Суд уже неоднократно отмечал, что ***статус жертвы в отношении заявителя может зависеть от размера компенсации, присужденной на национальном уровне***, по делу, которое разбирается в Суде (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Скордино против Италии (№ 1)», пункт 202, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Коккьярелла против Италии», жалоба № 64886/01, пункт 93). Суд ***может охотно согласиться с тем, что присужденная государством сумма, пусть и ниже той, которую обычно присуждает Суд, не является неразумной***

к оглавлению

(см. упоминавшееся выше постановление по делу «Скордино против Италии (№ 1)», пункт 206, решение от 19 октября 2004 года по делу «Дубьякова против Словакии»), жалоба № 67299/01, и постановление от 17 декабря 2009 года по делу «Шилбергс против России» (, жалоба № 20075/03, пункт 72). Чтобы дать оценку разумности размера компенсации, присужденной на национальном уровне, Суд должен, принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, установить, какую сумму присудил бы он сам в такой же ситуации за описанные нарушения Конвенции.

Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что Оренбургский областной суд, признав нарушение статей 2 и 3 Конвенции, присудил заявительнице 4 370 евро в качестве компенсации морального вреда. Суд подчеркивает, что данная сумма составляет примерно 10% от той суммы, которую обычно присуждает Суд по схожим делам из России (см., например, постановление от 16 февраля 2016 года по делу «Далаков против России», жалоба № 35152/09, пункт 94, постановление от 9 февраля 2016 года по делу «Назырова и другие против России», жалобы №№ 21126/09, 63620/09, 64811/09, 32965/10 и 64270/11, пункт 179, и постановление от 9 февраля 2016 года по делу «Хачукаевы против России», жалоба № 34576/08, пункт 85; во всех этих делах Суд присудил заявителям 60 000 евро в качестве компенсации морального вреда). Сумма, присужденная заявительнице Оренбургским областным судом, таким образом, явно несоразмерна суммам, присуждаемым в соответствии с прецедентной практикой Суда.

Суд полагает, что одного данного обстоятельства уже достаточно, чтобы сделать вывод о сохранении за заявителем статуса «жертвы» в значении статьи 34 Конвенции.

Суд напоминает, что статья 2 является одной из главных статей Конвенции, в отношении которой не допускается отступление в мирное время в порядке статьи 15 Конвенции. Суд подчеркивает, что первая фраза статьи 2 возлагает на Договаривающиеся Государства не только обязательство воздерживаться от умышленного причинения смерти или применения силы, несоразмерной целям, указанным в подпунктах «a» - «c» второго пункта данной статьи, но и принимать необходимые меры для защиты жизни лиц, находящихся под их юрисдикцией (постановление от 3 мая 2012 года по делу «Клейн и Александрович против России», жалоба № 40657/04, пункт 42, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджио против Италии», жалоба № 23458/02, пункт 174).

Эти обязательства особенно ***важны в случае с задержанными лицами, которые, таким образом, находятся под полным контролем властей: принимая во внимание уязвимость этих лиц, власти должны их защищать***. В этой связи, Суд подчеркивает, рассматривая статью 3 Конвенции, что в соответствующей ситуации ***на Государство возлагается обязанность предоставить убедительное объяснение причин получения травм лицом, которое помещено под стражу или иным образом ограничено в свободе***;

к оглавлению

это обязательство является более строгим в случае смерти человека под стражей (постановление по делу «Слимани против Франции», жалоба № 57671/00, пункт 27). Если подобное объяснение отсутствует, Суд вправе сделать определенные выводы, которые могут быть неблагоприятными для государства-ответчика (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против бывшей Югославской Республики Македония», жалоба № 39630/09, пункт 152, и постановление от 26 января 2006 года по делу «Михеев против России», жалоба № 77617/01, пункт 102).

Что касается лиц, задержанных или помещенных под стражу и, таким образом, зависимых от властей, то Суд признал ***наличие у властей обязанности по охране здоровья этих лиц, включая оказание им медицинской помощи, если этого требует состояние здоровья человека, во избежание смертельного исхода*** (постановление Европейского Суда от 7 февраля 2006 года по делу «Скавуццо-Хагер и другие против Швейцарии», жалоба № 41773/98, пункт 65).

Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь, закрепленная в статье 2, в совокупности с общим обязательством государства, вытекающим из статьи 1 Конвенции, соблюдать права и свободы, закрепленные в Конвенции, ***требует проведения эффективного официального расследования в случае, если применение силы, в частности, представителями государства, привело к гибели лица*** (постановление от 27 сентября 1995 года по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства», пункт 161, и постановление от 19 февраля 1998 года по делу «Кайа против Турции», пункт 86). Равным образом, если лицо обоснованно утверждает, что, ***находясь под контролем сотрудников милиции или иных служб, связанных с властями, оно подверглось незаконному насилию в нарушение статьи 3 Конвенции, это также требует проведения эффективного официального расследования*** (постановление от 28 октября 1998 года по делу «Ассенов и другие против Болгарии», пункт 102).

В случае если, ***находясь под контролем представителей государства, лицо скончалось при подозрительных обстоятельствах, то компетентные национальные органы должны подвергнуть расследование такого инцидента особо тщательной оценке и контролю*** (постановление Большой Палаты Европейского Суда от 30 марта 2016 года по делу «Армани Да Силва против Соединенного Королевства», жалоба № 5878/08, пункт 234, и постановление от 26 апреля 2011 года по делу «Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии», жалоба № 25091/07, пункт 277).

Понятие эффективности требует, чтобы власти предприняли все разумные меры, имеющиеся в их распоряжении, для ***получения доказательств по делу, включая, помимо прочего, свидетельские показания, результаты экспертиз и, в случае необходимости, вскрытие трупа, которые бы обеспечили полную и точную фиксацию повреждений и объективный анализ клинических данных, включая установление причины смерти.*** Любой недостаток расследования, подрывающий возможность установления причин смерти и виновных лиц, может

к оглавлению

привести к констатации Судом нарушения этой нормы (см. постановление по делу «Аль-Скейни и другие против Соединенного Королевства», пункт 166, и постановление по делу «Джулиани и Гаджио против Италии», пункт 301).

Обязательство провести расследование, вытекающее из статей 2 и 3 Конвенции, представляет собой обязательство принять меры, а не получить результат. ***Расследование должно вести к установлению виновных лиц и, в случае необходимости, к их наказанию*** (см. постановление по делу «Джулиани и Гаджио против Италии», пункт 301, и постановление по делу «Мустафа Тунч и Феджир Тунч против Турции», пункт 172). Таким образом, статья 2 не гарантирует право на то, что третье лицо будет преследоваться или будет наказано за совершение уголовного преступления. Статья 2 не подразумевает, что третьи лица будут преследоваться или будут наказаны за уголовно-наказуемое деяние (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Джулиани и Гаджио против Италии», пункт 306) или что в результате такое преследование закончится обвинительным приговором и назначением конкретного наказания. Суд оставляет возможность выбора санкции по отношению к представителям государства, обвиняемым в убийстве, за национальными судами, оставляя за собой право контроля и вмешательства лишь в ситуациях, когда между тяжестью правонарушения и выбранной санкцией существует явная несоразмерность (см. выше постановление по делу «Армани Да Силва против Соединенного Королевства», пункт 238, постановление по делу «Касап и другие против Турции», пункт 59, постановление от 14 октября 2010 года по делу «А. против Хорватии», жалоба № 55164/08, пункт 66, постановление от 8 апреля 2008 года по делу «Али и Айше Дуран против Турции», жалоба № 42942/02, пункт 66, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гефген против Германии», жалоба № 22978/05, пункт 123).

Что касается должностных лиц, ответственных за расследование дела, то ***принцип эффективности, прежде всего, требует, чтобы ответственные за проведение следствия были независимы от должностных лиц, которые могут быть замешаны в гибели лица***: они не должны, с одной стороны, подчиняться указанным сотрудникам с точки зрения иерархии или субординации, а, с другой стороны, они должны быть независимы на практике (см. постановление по делу «Слимани против Франции», пункт 32, постановление по делу «МакКерр против Соединенного Королевства», жалоба № 28883/95, пункт 112, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахаи и другие против Нидерландов», жалоба № 52391/99, пункт 325). Кроме того, в этом контексте немаловажны ***требования о своевременности и разумных сроках расследования*** (постановление от 18 октября 2001 года по делу «Инделикато против Италии», жалоба № 31143/96, пункт 37, и постановление по делу «Аль Скейни и другие против Соединенного Королевства», пункт 167).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статей 2 и 3 Конвенции в их материальном аспекте, статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте, а также

к оглавлению

постановил, что что отсутствовало нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте и что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице **50 600** евро в качестве компенсации морального вреда.

8. Постановление Европейского Суда по жалобе № 79947/12 «Сатыбалова и другие против России», вынесено 30 июня 2020 года, вступило в силу 30 сентября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в материальном и процессуальном аспектах, статьи 3 Конвенции в материальном аспекте и статьи 5 Конвенции в связи с применением к заявителям со стороны сотрудников правоохранительных органов пыток, а также из-за непроведения эффективного расследования утверждений заявителей об указанных случаях жестокого обращения.

Заявительницы являются сестрой, женой и матерью Марата Сатыбалова.

Вечером 2 мая 2010 года Марат Сатыбалов и его шестеро друзей ехали в деревню на шашлык на двух автомобилях. Их задержали сотрудники милиции подвергли Сатыбалова избиению, ударяя прикладами их автоматов и пиная ногами. Затем они доставили их в Казбековский районный отдел милиции, не объяснив причин задержания.

В РОВД троих мужчин вывели во двор и подвергли избиению. Их били кулаками, ногами и прикладами автоматов. Затем их повели внутрь и несколько раз спрашивали, почему у них длинные бороды.

Майор А.С. неоднократно дергал Сатыбалова за бороду, бил его и спрашивал о его бороде. Он заснял жестокое обращение с тремя мужчинами на свой телефон, одновременно осыпая их оскорблениями. После того, как их спросили, куда они направлялись и каковы были причины их поездки, задержанных подвергли дальнейшим избиениям во дворе.

Примерно в 10:00 следующего дня Сатыбалова, М.Ш. и М.Г. доставили в Казбековский районный суд и обязали выплатить административный штраф в размере 500 рублей (около 12 евро) каждому за неисполнение законных распоряжений милиции. Им не предоставили никаких документов, касающихся их задержания в отделе милиции или слушания дела в суде.

Сатыбалова впоследствии освободили 3 мая 2010 года.

Ранним утром 6 мая 2010 года заявительницы и их родственники отвезли Сатыбалова обратно в Хасавюртовскую больницу, где ему немедленно была сделана экстренная операция. По словам врачей, он потерял много крови из-за внутреннего кровотечения после избиения 2 мая 2010 года.

6 мая 2010 года около 17:00 врачи провели еще одну экстренную операцию и сообщили заявительницам, что Сатыбалов находится в критическом состоянии. У него были проколоты легкие, сломаны ребра, повреждены сердце и артерии.

к оглавлению

Они сказали, что его почки были серьезно повреждены и перестали функционировать. 7 мая 2010 года Сатыбалов скончался в больнице.

7 мая 2010 года около 600 жителей Казбековского района перекрыли автостраду Ростов-Баку в районе населенного пункта Узун-Отар, требуя привлечь к ответственности сотрудников милиции, виновных в смерти Сатыбалова. Прибывший на место происшествия министр внутренних дел Дагестана пообещал, что все причастные к этому сотрудники милиции будут привлечены к уголовной ответственности. Инцидент получил широкое освещение в местных и интернет-СМИ.

27 июня 2010 года начальником Управления внутренней безопасности МВД Дагестана было вынесено заключение «о проведении служебного расследования по информации о противоправных действиях сотрудников милиции Казбековского РОВД».

18 августа 2010 года расследование уголовного дела было приостановлено ввиду невозможности установления лиц, совершивших преступление.

21 октября 2015 года расследование уголовного дела было вновь приостановлено ввиду невозможности установления лиц, совершивших преступление. Заявительницы об этом постановлении проинформированы не были.

Заявительницы жаловались в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции, что их родственник Марат Сатыбалов умер в результате жестокого обращения со стороны милиции и что внутригосударственные органы власти не смогли эффективно расследовать этот вопрос.

Суд отмечает, что Власти не оспаривали ни обстоятельств жестокого обращения с Сатыбаловым, представленных заявительницами, ни утверждения заявительниц о том, что он умер в результате травм, нанесенных во время жестокого обращения. Таким образом, установлено, что в результате избиения сотрудниками милиции 2 мая 2010 года Сатыбалов получил многочисленные телесные повреждения, включая пробитые легкие, сломанные ребра и повреждения сердца, почек и артерий, что привело к его смерти 7 мая 2010 года. ***Проведенное внутреннее милицейское расследование обстоятельств инцидента подтвердило применение сотрудниками милиции физической силы в отношении Сатыбалова.***

Суд напоминает, что ***если у человека, заключенного под стражу в удовлетворительном состоянии здоровья, обнаруживаются телесные повреждения при освобождении из заключения, на Государство возлагается обязанность предоставить правдоподобные объяснения причин, приведших к получению таких телесных повреждений*** (см. среди прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Селмуни против Франции», жалоба № 25803/94, пункт 87). Обязанность властей отчитываться за обращение с лицом, содержащимся под стражей, особенно строга в тех случаях, когда это лицо умирает (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции», жалоба № 21986/93, пункт 99; постановление

к оглавлению

Европейского Суда по делу «Танк против Турции», жалоба № 26129/95, пункт 141); а также постановление Европейского Суда от 5 сентября 2017 года по делу «Текин и Арслан против Бельгии», жалоба № 37795/13, пункт 83). При отсутствии такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для Властей (см. постановление Европейского Суда от 18 июня 2002 года по делу «Орхан против Турции», жалоба № 25656/94, пункт 274).

Учитывая, что внутригосударственное расследование или Власти в своих представлениях в Суде ***не представили никаких объяснений или оправданий применения силы милицией в отношении Сатыбалова, повлекшего за собой лишение жизни, Суд считает, что смерть Сатыбалова можно приписать государству***. Суд приходит к выводу, что таким образом имело место нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции.

При определении того, следует ли квалифицировать ту или иную форму ***жестокого обращения как пытку***, необходимо учитывать проводимое в статье 3 ***различие между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.*** Таким образом, должна быть проведена оценка степени тяжести жестокого обращения. Эта оценка зависит от всех обстоятельств дела, например, длительности такого обращения, его физических и психологических последствий и/или, в некоторых случаях, пола, возраста и состояния здоровья потерпевшего (см, помимо других источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии», жалоба № 23380/09, пункт 86). В дополнение к жестокости обращения, существует целенаправленный элемент пыток, который ***определяет пытку как умышленное причинение сильной боли или страдания, чтобы, помимо прочего, получить сведения с помощью применения наказания или запугивания*** (см. постановление по делу «Эль-Масри против бывшей Югославской Республики Македония», пункт 197). Учитывая эти критерии, Суд приходит к выводу, что жестокое обращение, которому подвергался Сатыбалов в период со 2 по 3 мая 2010 года и которое привело к его последующей смерти 7 мая 2010 года, равносильно пыткам.

Соответственно, имело место нарушение материального аспекта статьи 3 Конвенции.

Заявительницы жаловались на нарушение права Сатыбалова на свободу и личную неприкосновенность. В частности, они заявили, что его заключение под стражу в отделе милиции в период со 2 по 3 мая 2010 года было нарушением гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции.

Основная цель статьи 5 заключается в предотвращении незаконного или необоснованного лишения свободы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 22 октября 2018 года по делу «С.В. и А. против Дании», жалобы № 35553/12 и 2 другие жалобы, пункт 73; а также постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккей против Соединенного Королевства», жалоба № 543/03, пункт 30). Право на свободу и безопасность имеет

к оглавлению

первостепенное значение в «демократическом обществе» по смыслу конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции», жалоба № 3394/03, пункт 76). Таким образом, Суд считает, что ***несанкционированное задержание лица является полным отрицанием фундаментально важных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции,*** а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения.(см. постановление по делу «Эль-Масри против бывшей Югославской Республики Македония», пункт 233; постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Аль-Нашири против Польши», жалоба № 28761/11, пункт 529; а также постановление Европейского Суда от 15 октября 2015 года по делу «Белозоров против России и Украины», жалоба № 43611/02, пункт 113). ***Отсутствие регистрации таких данных как день, время и место задержания, имя задержанного, причины задержания и имя лица, осуществившего задержание, должно рассматриваться как несоответствие***, помимо прочего, самой цели статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 года по делу «Курт против Турции», пункт 125). Это также несовместимо с требованием законности в соответствии с Конвенцией (см. постановление Европейского Суда по делу «Ангелова против Болгарии», жалоба № 38361/97, пункт 154).

Суд отмечает, что в соответствии с судебным постановлением от 3 мая 2010 года заключение Сатыбалова под стражу в РОВД и последующий штраф, наложенный мировым судьей, были вызваны его отказом подчиняться законным распоряжениям милиции. Однако, согласно выводам внутреннего расследования от 27 июня 2010 года, которое было проведено в отношении действий сотрудников милиции после инцидента, причины задержания Сатыбалова, указанные сотрудниками милиции, задействованными в инциденте, характеризовались «отсутствием искренности, недобросовестностью и... ложной информацией». ***Поэтому внутреннее милицейское расследование установило, что причины заключения Сатыбалова под стражу не были обоснованы***.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в материальном и процессуальном аспекте, материального аспекта статьи 3 Конвенции, статьи 5 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение процессуального аспекта статьи 3 Конвенции и на предмет нарушения статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 2 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявительницам совместно 80 000 евро в качестве компенсации морального вреда, 10 000 евро в отношении материального ущерба второй заявительнице, 8 000 евро в отношении материального ущерба третьей заявительнице. Общая сумма выплат составила **100 500** евро.

к оглавлению

9. Постановление Европейского Суда по жалобе № 1441/10 «Рамазанова и Алексеев против России», вынесено 26 мая 2020 года, вступило в силу 26 августа 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в ее материальном и процессуальном аспектах Конвенции в связи с применения оружия милиционерами в ходе милицейской операции по задержанию производителей каннабиса в квартире только на том основании, что в коридоре им встретились один или двое мужчин с молотками в руках, оскорбили их (милиционеров) и потребовали покинуть помещение.

Настоящее дело касается фактов, имевших место в многоквартирном доме, при участии двоих сотрудников милиции, действовавших в рамках милицейской операции по задержанию производителей наркотиков. В ходе этой операции муж заявительницы, сосед подозреваемых, который как раз находился в доме, был смертельно ранен из огнестрельного оружия.

29 января 2007 года около 16:30 Т. и Д., вооруженные пистолетами Макарова и одетые в гражданскую одежду, вошли в коридор, общий для квартир 85, 86 и 87. В последующие несколько минут произошел инцидент с участием Т., Д., Р. и заявителя. Во время этого инцидента Д. и Р. получили огнестрельные ранения. Вскоре после этого Р. скончался в машине скорой помощи. Д. был госпитализирован.

В тот же вечер жильцы квартиры № 86 были задержаны, и во время обыска этой квартиры была обнаружена плантация каннабиса.

29 января 2007 года следователь прокуратуры Кировского района г. Казани возбудил уголовное дело против Х. по факту убийства. 27 июля 2007 года он решил, что нет необходимости возбуждать уголовное дело против Р. и заявителя за отказ подчиниться и нападение на сотрудников милиции. Это решение не было опротестовано.

27 июля 2007 года следователь также возбудил уголовное дело по факту превышения должностных полномочий и нарушения неприкосновенности жилища в связи с вторжением в квартиру заявителя. 30 июля 2007 года Т. и Д. были предъявлены обвинения в совершении этих преступлений. Кроме того, было предъявлено обвинение Д. в умышленном убийстве Р.

9 февраля и 27 июля 2007 года соответственно, заявительница и заявитель были признаны потерпевшими по делу в том, что их касалось.

В ходе допроса от 15 февраля 2007 года дочь заявительницы, Е., которой тогда было семнадцать лет, сказала, что вскоре после событий она вошла в квартиру № 87 и слышала, как милиционеры Т. и Д. договаривались между собой о версии событий. Она заявила, что именно тогда они решили сказать, что Р. схватил пистолет и выстрелил в Д.

3 сентября 2007 года в Кировском районном суде г. Казани начался уголовный процесс над сотрудниками милиции.

к оглавлению

30 апреля 2009 года суд вынес приговор.

Суд счел, что Д. действовал в порядке самообороны. В связи с этим суд постановил следующее:

« (...) На основании [экспертного заключения от 25 декабря 2008 года] суд приходит к заключению, что выстрел из пистолета [Т.] был сделан во время борьбы, завязавшейся между [Р.], который напал на [Т.] и пытался захватить оружие, и [Т.]. В этой ситуации получивший травму [Д.] вынужден был рассматривать действия [Р.] – который был значительно сильнее и крупнее него – как нападение на сотрудника милиции с завладением оружия сотрудника милиции, нанесение телесных повреждений и непосредственная угроза жизни, то есть необоснованная угроза со стороны [Р.], вооруженного пистолетом [Т.]. В этих *обстоятельствах [Д.] действовал в соответствии со статьей 15 (...) Закона о милиции, то есть в целях самообороны и без превышения мер самообороны.»*

Суд установил, что выдвинутые против Т. и Д. обвинения носили исключительно спекулятивный характер и, исходя из принципа оправдания подсудимого за недостатком улик, оправдал обоих по всем пунктам обвинения.

19 июня 2009 года Верховный суд Республики Татарстан подтвердил оспариваемый приговор в кассационном порядке, поддержав заключения суда.

Ссылаясь на оправдательный приговор, Власти утверждают, что милиционеры не совершили никакого уголовного преступления и что в ситуации, в которой они оказались, применение силы было абсолютно необходимым для обеспечения защиты лица от противоправного насилия по смыслу подпункта «а» пункта 2 статьи 2 Конвенции.

Вначале Суд напомнил, что статья 2 Конвенции налагает на государство два материальных обязательства: негативное обязательство воздерживаться от «преднамеренного» убийства, ограниченное перечисленными исключениями, и позитивное обязательство принять необходимые меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ламбер и другие против Франции», жалоба № 46043/14, пункт 117, с приведенными ссылками, и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», жалоба № 23458/02, пункт 175, с приведенными ссылками). Ввиду своего фундаментального характера, эта статья также налагает на национальные власти процессуальное обязательство провести эффективное расследование жалоб на нарушение ее материально-правового аспекта (см. постановление по делу «Армани Да Сильва против Соединенного Королевства», пункт 229).

В настоящем деле стороны согласны с тем, что 29 января 2007 года милиционеры Т. и Д., одетые в гражданскую одежду и вооруженные пистолетами, вошли в коридор, общий для трех квартир, и в ходе стычки между Р., заявителем и милиционером один из сотрудников милиции получил ранение и выстрелил в Р., что привело к смерти последнего. Версии сторон отличаются в том, что касается точной последовательности событий. При этих условиях Суд сначала

к оглавлению

проанализирует качество внутригосударственного уголовного разбирательства (соблюдение властями процессуального обязательства), а затем рассмотрит вопрос о том, несут ли власти ответственность за смерть мужа заявительницы (соблюдение материального обязательства).

Суд напоминает, что решение о соответствии или несоответствии характера и степени проведенного расследования минимальным критериям эффективности должно приниматься с учетом обстоятельств каждого отдельного дела. Они оцениваются с учетом всех относящихся к делу фактов и практических методов следственной работы (см. постановление по делу «Армани Да Сильва против Соединенного Королевства», пункт 229, с приведенными ссылками).

В целом можно считать, что для того, чтобы ***расследование убийства, предположительно совершенного государственными служащими, было эффективным, необходимо, чтобы лица, ответственные за это расследование, были независимыми от причастных лиц***; расследование должно быть «адекватным» в том смысле, что должно позволить установить факты, определить, было ли применение силы оправданным в сложившихся обстоятельствах, а также установить и, если необходимо, наказать виновных; расследование должно быть проведено в разумные сроки и с должной тщательностью; наконец, родственники жертвы должны быть вовлечены в процесс в объеме, необходимом для защиты их законных интересов (эти требования обобщены в постановлении по делу «Армани Да Сильва против Соединенного Королевства», пункты 229-239).

По мнению Суда, ненадлежащий сбор и хранение вещественных доказательств препятствовали установлению обстоятельств в ходе расследования, при которых Р. потерял жизнь (см., постановление Европейского Суда от 14 декабря 2000 года по делу «Гюль против Турции», жалоба № 22676/93, пункт 89).

Наконец, следует отметить, что власти не проанализировали, почему милиционеры вынули оружие просто на том основании, что, как они утверждали, они встретили в общем коридоре одного или двух мужчин с молотками, которые якобы оскорбили их и приказали уйти.

Суд считает эти факторы достаточными для заключения о том, что не было проведено эффективного расследования дела. Принимая во внимание это заключение, он не считает необходимым рассматривать другие аргументы, выдвинутые заявительницей относительно качества расследования.

Следовательно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Суд напоминает, что текст статьи 2 в совокупности показывает, что пункт 2 в первую очередь не определяет ситуации, в которых допустимо причинение преднамеренной смерти, а ***описывает те ситуации, в которых возможно применять «силу», которая может стать причиной неумышленной смерти***. Однако применение силы должно быть «абсолютно необходимым» для достижения одной из целей, упомянутых в пунктах а), б) или в)

к оглавлению

(см. постановление по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», пункт 175, с приведенными ссылками).

Суд должен принять во внимание не только действия государственных служащих, которые применили смертоносную силу, но также все обстоятельства дела, включая контекст, в котором имели место события, а также подготовку и контроль рассматриваемых действий (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Джулиани и Гаджо против Италии», пункт 176, с приведенными ссылками).

В то же время он отмечает, что в настоящем деле не рассматривается общая организация милицейской операции, проводимой в контексте пресечения производства каннабиса, а только то, ***были ли в организации и планировании этой операции сбои, которые могли иметь прямую связь со смертью мужа заявительницы***.

В связи с этим Суд напоминает, что ***милиционеры не должны находиться в неведении при выполнении своих функций, будь то в контексте подготовленной операции или в ходе спонтанного преследования предполагаемого опасного лица: правовые и административные рамки должны определять предельные условия, в которых сотрудники правоохранительных органов могут применять силу и огнестрельное оружие с учетом международных стандартов, разработанных в этой области*** (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макаратзис против Греции», жалоба № 50385/99, пункт 59).

Милицейская операция по пресечению производства каннабиса не была спонтанной. Тем не менее, в материалах дела ничто не демонстрирует серьезности подхода к этапу планирования этой операции.

С одной стороны, задание, порученное милиционерам Т. и Д. 29 января 2007 года, выглядит неточным: речь шла о негласном наблюдении за общим коридором в ожидании прибытия следственно-оперативной группы, допросе лиц, проходящих через этот коридор или даже их задержании. Предоставленные старшим сотрудником милиции Х. инструкции, а именно ***«выяснить, что происходит» в квартире № 86 и «действовать в соответствии с ситуацией», не отличались точностью, что позволило милиционерам принимать самостоятельные решения и предпринимать необдуманные действия*** (см. постановление по делу «Макаратзис против Греции», пункты 67-70). Кроме того, по-видимому у государственных служащих не было судебного приказа, разрешающего входить в жилище, что делает еще более неясным характер задания, порученного Т. и Д.

С другой стороны, похоже, что власти не приняли во внимание все обстоятельства, а именно конфигурацию жилища, в которое собирались проникнуть милиционеры, в частности наличие коридора, общего для трех квартир, который запирается на ключ, возможного присутствия в этом коридоре жителей, не связанных с подозреваемыми, а также то, что подозреваемые могли пытаться бежать, оказывать сопротивление или вести себя непредсказуемо.

к оглавлению

Таким образом, ***милицейская операция, в ходе которой муж заявительницы был смертельно ранен, не была надлежащим образом организована и не контролировалась таким образом, чтобы свести к минимуму применение смертоносной силы и риск потери человеческих жизней.***

Следовательно, имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее материальном аспекте.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах, и обязал государство-ответчика выплатить заявительнице заявителю **45 000** евро в качестве компенсации морального вреда.

10. Постановление Европейского Суда по жалобе № 15010/11 «Пузырев против России», вынесено и вступило в силу 19 октября 2021 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с жестоким обращением с заявителем со стороны сотрудника полиции

Во время произошедших событий заявитель работал и проживал на производственной площадке недалеко от Биюрганского сельского поселения Тукаевского района Республики Татарстан.

12 мая 2008 г. после жалоб жителей сельского поселения на сжигание отходов на производственной площадке на производственную площадку прибыли несколько сотрудников полиции. Их возглавлял Р.С., начальник отдела МВД России по Тукаевскому району Республики Татарстан, состоящего на тот момент в звании полковника. Р.С. кричал на рабочих и ударил некоторых из них. Позже Р.С., находясь в состоянии алкогольного опьянения, ударил заявителя по лицу и ногой по спине.

В тот же день заявитель и другие рабочие сбежали и отправились в больницу, где им оказали медицинскую помощь.

16 июля 2008 г. в отношении Р.С. было возбуждено уголовное дело.

3 марта 2010 г. Тукаевский районный суд Республики Татарстан приговорил Р.С. за превышение должностных полномочий к трем годам лишения свободы условно и к двум годам запрета занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления с испытательным сроком в один год.

28 апреля 2010 г. заявитель обратился в суд с гражданским иском к Министерству финансов в связи с ущербом, причиненным в результате жестокого обращения со стороны сотрудника полиции.

6 июля 2010 г. Вахитовский районный суд города Казани Республики Татарстан частично удовлетворил иск заявителя и присудил ему 5 000 рублей

к оглавлению

(примерно 125 евро по курсу на тот момент) в качестве компенсации морального вреда.

Заявитель обжаловал данное решение. 12 августа 2010 г. Верховный Суд Республики Татарстан оставил в силе решение от 6 июля 2010 г.

16 сентября 2010 г. Тукаевский районный суд Республики Татарстан удовлетворил ходатайство Р.С. об отсрочке исполнения приговора и приостановил исполнение наказания.

Заявитель обратился с жалобой на обращение с ним, несовместимым с положениями статьи 3 Конвенции. В соответствии с положениями статьи 13 Конвенции заявитель также обратился с жалобой на недостаточный размер компенсации, полученной на национальном уровне.

Суд напоминает о принципах, ранее установленных в прецедентной практике в отношении статуса «жертвы» заявителя (дело «Скордино против Италии» (№ 1), № 36813/97, пункт 178-192). Согласно данным принципам, он должен проверить, с одной стороны, имело ли место со стороны национальных властей, по крайней мере, по существу, нарушение права, защищаемого Конвенцией, и, с другой стороны, можно ли считать предлагаемое возмещение адекватным и достаточным. ***В случае умышленного жестокого обращения, совершенного представителями государства в нарушение статьи 3 Конвенции, Суд неизменно указывал на то, что для того, чтобы возмещение было признано достаточным, необходимо применение двух мер.*** Во-первых, органы власти должны провести тщательное и эффективное расследование, которое может привести к установлению личности и наказанию виновных. Во-вторых, заявитель должен, если это применимо, получить компенсацию или, по крайней мере, иметь возможность потребовать и получить компенсацию ущерба, причиненного ему жестоким обращением (дело «Гефген против Германии», № 22978/05, пункт 116).

Суд отмечает, что национальные суды признали, что заявитель был избит сотрудником полиции. После расследования, продлившегося менее двух лет, Р.С. был приговорен за злоупотребление властью к трем годам лишения свободы условно и к двум годам запрета занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления с испытательным сроком в один год. Действительно, было установлено, что сотрудник полиции Р.С. нанес несколько ударов заявителю.

Суд считает, что в свете совокупности аргументов сторон ***национальные власти выполнили свои процессуальные обязательства в соответствии с положениями статьи 3 Конвенции***, и что власти, по сути, признали, что заявитель подвергся жестокому обращению вопреки гарантии статьи 3 Конвенции. Суд также должен рассмотреть вопрос о том, было ли достаточным полученное возмещение в виде адекватных следственных действий и компенсации.

Суд повторяет, что ***статус заявителя в качестве жертвы может зависеть от суммы компенсации, присужденной ему на уровне государства*** за

к оглавлению

ситуацию, в отношении которой он обращается с жалобой в ЕСПЧ (см. вышеупомянутое дело «Скордино против Италии», пункт 202). По настоящему делу Суд считает, что признание национальными судами жестокого обращения с заявителем не повлияло на статус «жертвы» в соответствии с положениями статьи 34 Конвенции, так как заявитель в качестве компенсации морального вреда получил 5 000 рублей (примерно 125 евро по курсу на тот момент), что ниже суммы, обычно присуждаемой Судом по тем делам, в которых им установлено нарушение статьи 3 Конвенции в делах против России (см. для сравнения дело «Ильгиз Халиков против Российской Федерации», № 48724/15, пункт 45, 15 января 2019 г., и дело «Самесов против Российской Федерации», № 57269/14, пункт 66, 20 ноября 2018 г.). Следовательно, ***государство-ответчик не смогло в достаточной мере исправить обращение, противоречащее положениям статьи 3 Конвенции***, от которого пострадал заявитель.

Ввиду того, что заявитель сохранил статус жертвы с точки зрения материального аспекта статьи 3 Конвенции, Суд считает, что имело место нарушение данного положения.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **10 000** евро в качестве компенсации морального вреда.

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

Министерством внутренних дел Российской Федерации в пределах компетенции реализован комплекс мероприятий организационного и управленческого характера, направленных на предотвращение установленных Европейским Судом по правам человека при рассмотрении жалоб № 8306/07 «Булатов и Дамбегов против России», № 50495/07 «Бурлаков против России», № 40833/07 «Владовские против России», № 43411/06 «X» и «Y» против России», № 39708/07 «Александр Коновалов против России», № 8516/08 «Барахоев против России», №№ 49869/06 и 44822/06 «Голубятников и Жучков против России», № 40384/06 «Девяткин против России», № 43083/06 «Золотарев против России», 13408/07 «Золоторев против России», № 21062/07 «Игошин против России», № 26107/13 «Крамаренко против России», № 31632/10 «Кондаков против России», № 52783/08 «Леонид Петров против России», № 15980/12 «Маслова против России», № 22495/08 «Мукаев против России», № 40192/06 «Михаил Николаев против России», № 32546/08 «Моргунов против России», № 10825/09 «Олисов и другие против России», № 74850/14 «Пастухов против России», № 11916/15 «Р. против России», № 1141/10 «Рамазанова и Алексеев против России», № 25238/08 «Сарсембаев против России», № 14769/09 «Ситников против России», № 46349/09 «Смоленцев против России», № 43664/16 «Шмелева против России», № 4397/06 «Ковалевы против России», № 79947/12 «Сатыбалова и

к оглавлению

другие против России», № 36620/07 «Шевцова против России», № 30050/09 «Шишкин и другие против России», № 16310/08 «Иванов против России», № 56552/09 «Козлов против России», № 796/07 «Чудаловы против России», в которых установлено нарушение Российскими властями статей 2, 3, 5, 6, 11 и 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Вопросы соблюдения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации регулярно рассматриваются на оперативных совещаниях при руководстве подразделений центрального аппарата Министерства, территориальных органов МВД России.

С сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации проводятся занятия по изучению основных положений Конвенции и Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

При рассмотрении жалоб и заявлений граждан о противоправной деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации особое внимание уделяется обстоятельствам получения ими телесных повреждений. При необходимости назначается служебная проверка, в ходе которой могут проводиться психофизиологические исследования с применением полиграфа.

С целью выявления психологических причин и условий противоправного поведения, выработки профилактических мер привлекаются психологи подразделений по работе с личным составом к работе комиссий при проведении проверок по фактам применения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации физической силы и специальных средств, а также противозаконных методов дознания.

При наличии оснований материалы служебных проверок направляются в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации для оценки деяний, совершенных сотрудниками, и принятия процессуального решения.

До личного состава доводится информация о возбужденных уголовных делах в отношении сотрудников органов внутренних дел по фактам необоснованного и незаконного применения насилия к гражданам, результатах их расследования и рассмотрения судом. Обращается внимание личного состава на правовые последствия незаконных действий виновных лиц.

В системе морально-психологической подготовки личного состава проводятся дополнительные практические тренинги по управлению негативными эмоциями, агрессией, а также корректному и вежливому обращению с гражданами, в том числе отработке действий сотрудников органов внутренних дел при воспрепятствовании им в осуществлении законной деятельности.

МВД России обобщается практика применения законодательства зарубежных стран в области уголовного судопроизводства в целях выработки правовых, организационных и иных мер по повышению эффективности

к оглавлению

обеспечения законности в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

Приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460 утвержден Кодекс этики и служебного поведения сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, устанавливающий этические нормы и требования к служебному поведению сотрудников органов внутренних дел. При его разработке были учтены, в том числе, положения Европейского кодекса полицейской этики.

Типовыми положениями о подразделениях территориального органа Министерства внутренних дел Российской Федерации на региональном уровне, утвержденными приказами МВД России, на руководителей возложена персональная ответственность за совершение личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм поведения.

Ко всем сотрудникам, допустившим в своей деятельности нарушения законности, а также их руководителям, не обеспечившим надлежащую результативность воспитательной работы с подчиненным личным составом, применяются меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные статьей 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вплоть до увольнения со службы в органах внутренних дел.

В целях профилактики нарушений положений статьи 3 Конвенции органами внутренних дел Российской Федерации применяется комплекс организационно-практических мер, направленных на предупреждение жестокого и иного недопустимого обращения с задержанными лицами.

Организовано взаимодействие с общественными наблюдательными комиссиями субъектов Российской Федерации в рамках реализации Федерального закона от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания».

Статистические сведения показывают, что уровень взаимодействия между ОНК и территориальными органами МВД России, несмотря на пандемию коронавирусной инфекции, продолжает оставаться высоким.

Так, по итогам 2020 года с целью проверки порядка и условий содержания членами ОНК осуществлено 730 посещений мест принудительного содержания органов внутренних дел, из них:

544 – изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых;

133 – специальные приемники для содержания лиц, подвергнутых административному аресту;

53 – центры временного содержания иностранных граждан.

Аналогичные проверки в прошедшем году осуществлялись Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и его аппаратом, а также уполномоченными по правам человека в субъектах Российской

к оглавлению

Федерации. Всего проведено 500 таких проверок: 385 – ИВС, 59 – специальные приемники, 56 – ЦВСИГ.

Анализ проводимых совместных мероприятий по контролю в сфере соблюдения законности и прав человека в местах принудительного содержания свидетельствует об отсутствии со стороны сотрудников полиции намеренных действий, ущемляющих права и свободы содержащихся в них граждан.

Отмеченные ОНК по итогам посещений недостатки в материально-бытовом обеспечении содержащихся лиц, как правило, связаны с техническим состоянием и конструктивными особенностями зданий и помещений специальных учреждений полиции, значительная часть которых введена в эксплуатацию до вступления в действие современного законодательства, регламентирующего условия содержания.

В основном проблемные вопросы в обеспечении деятельности учреждений обусловлены их расположением в полуподвальных и подвальных помещениях, отсутствием прогулочных дворов, приватности санитарных узлов, достаточного естественного освещения.

Важнейшей составляющей гарантий соблюдения прав человека в местах принудительного содержания является обеспечение надлежащих условий содержания в соответствии с предъявляемыми требованиями.

В этой связи Министерством, начиная с 2012 года, осуществлялась реализация Концепции развития изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых и специальных приемников для содержания лиц, подвергнутых административному аресту, территориальных органов МВД России, в том числе в свете исполнения пилотного постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе «Ананьев и другие против России», в котором установлены системные нарушения условий содержания в местах лишения свободы.

Концепция направлена на приведение условий содержания в соответствие с нормами международного права и российского законодательства в части материально-технической оснащенности и бытового обеспечения содержащихся в них лиц.

В результате организационно-практических мероприятий, проведенных с 2012 по 2021 годы, построены (реконструированы) и введены в эксплуатацию 156 новых ИВС и специальных приемников, капитальный ремонт проведен в 1 417 ИВС и специальных приемниках.

За указанный период из 1 693 функционирующих ИВС закрыт 201 как не соответствующий предъявляемым требованиям (по состоянию на 1 января 2021 года функционируют 1 492 ИВС), из 218 специальных приемников закрыты 6 (по состоянию на 1 января 2021 года функционируют 212).

Мероприятия по приведению условий содержания в ИВС и специальных приемниках в соответствие с предъявленными требованиями и международными нормами продолжаются.

к оглавлению

Помимо традиционных форм контроля, предусматривающих круглосуточные ведомственные и прокурорские проверки соблюдения законности в местах содержания под стражей и отбывания административного ареста, в органах внутренних дел Российской Федерации применяются аудиовизуальные средства объективного контроля и надзора.

Использование их в ИВС и специальных приемниках в соответствии с федеральными законами от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» является неотъемлемым и важным компонентом механизма, обеспечивающего режим и порядок содержания, соблюдение прав и безопасность задержанных лиц (недопущение противоправных действий, попыток суицида, членовредительства и др.).

Так, по итогам служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации количество суицидов среди подозреваемых и обвиняемых в ИВС снизилось с 87 случаев в 2009 году до 18 в 2020 году.

Количество суицидов среди лиц, отбывающих административный арест в специальных приемниках, удалось сдержать на уровне не более двух случаев в год в период с 2016 по 2020 годы.

Таким образом, применение данных технических средств показало свою эффективность в обеспечении надзора за поведением подозреваемых и обвиняемых, лиц, подвергнутых административному аресту, в том числе по недопущению ими противоправных действий, попыток суицида или членовредительства, и в полной мере соответствует положениям статей 2 и 8 Конвенции.

Полученные в результате видеонаблюдения данные сохраняются на протяжении не менее 30 суток и как иные документы, образующиеся в деятельности специальных учреждений полиции, представляют собой сведения конфиденциального характера, за распространение которых предусмотрена ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Кроме того, в территориальные органы МВД России ежегодно направляются обзоры об итогах служебной деятельности, включающие комплекс организационно-практических мер, направленных на соблюдение законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий и предупреждение, пресечение правонарушений в ходе досудебного производства, обеспечение на постоянной основе его качества и полноты, восстановления или защиты законных прав и интересов участников процесса, а также обеспечение надлежащего режима содержания, конвоирования и охраны задержанных и заключенных под стражу лиц, недопущение чрезвычайных происшествий, связанных с охраной и конвоированием подозреваемых и обвиняемых, усиление контроля ответственными должностными лицами за организацией деятельности вверенных охранно-конвойных подразделений и несением службы личным составом.

к оглавлению

Принимая во внимание, что в адрес МВД России ежегодно поступают обращения, связанные с рассмотрением в ЕСПЧ жалоб граждан на неправомерные действия должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, руководством Министерства 1 октября 2019 года в территориальные органы МВД России направлено поручение о проведении проверок обстоятельств дачи гражданами явок с повинной (за период с 2017 по 2019 годы), содержание которых не нашло своего объективного подтверждения и было опровергнуто в ходе расследования уголовных дел, об осуществлении сбора материалов по фактам нанесения телесных повреждений, причинения физических и нравственных страданий при задержании в целях принуждения к даче показаний, признанию вины или иным действиям, противоречащим воле человека, допущенным сотрудниками вверенных подразделений за данный период в отношении лиц, задержанных по подозрению в совершении правонарушений, а также об организации проведения служебных проверок по установленным фактам нарушений законности.

По результатам проверок явок с повинной, содержание которых не нашло своего объективного подтверждения в уголовном процессе, выявлено 30 фактов нарушения законности сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации.

Установлено 386 случаев неправомерных действий сотрудников в отношении граждан, 42 факта нанесения телесных повреждений, причинения физических и нравственных страданий при задержании в целях принуждения к даче показаний, признанию вины или иным действиям, противоречащим воле человека, в отношении лиц, задержанных по подозрению в совершении правонарушений.

Собранные в ходе проверок материалы направлены в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, по результатам рассмотрения которых возбуждено 377 уголовных дел, осуждено 96 сотрудников.

На основании проведенного анализа руководством МВД России принято решение о сохранении в 2020 году ведомственного контроля в сфере профилактики неправомерных действий сотрудников, связанных с превышением полномочий при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений и о продолжении реализации мероприятий по проведению проверок по фактам нанесения телесных повреждений при задержании и использовании запрещенных законом методов дознания для принуждения к признанию вины в совершенных преступлениях.

По итогам проведенных в 2020 году проверок по 2873 фактам дачи гражданами явок с повинной выявлено 5 случаев нарушения законности сотрудниками (МВД по Республике Татарстан, ГУ МВД России по Московской области, УМВД России по Смоленской области, УМВД России по Новгородской области, УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу).

к оглавлению

Все материалы направлены в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации. По результатам рассмотрения названных материалов возбуждено 3 уголовных дела.

В 2021 году в территориальные органы МВД России поступило 2 764 обращения (жалобы, заявления) о возможных неправомерных действиях сотрудников в отношении задержанных лиц.

По всем фактам проведены проверки, в 185 случаях (6,69% от общего числа) сведения нашли свое объективное подтверждение. Материалы направлены в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации. Возбуждено 132 уголовных дела, осуждено 7 сотрудников.

Кроме того, с целью предотвращения возможных нарушений норм Конвенции в ГУ МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу, МВД по республикам Адыгея, Дагестан, Коми, Марий Эл, Северная Осетия-Алания, Татарстан, МВД по Кабардино-Балкарской, Чеченской, Чувашской республикам, ГУ МВД России по Алтайскому, Краснодарскому, Пермскому Ставропольскому краям, Волгоградской, Воронежской, Нижегородской, Свердловской, областям, ГУ МВД России по г. Москве, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, УМВД России по Белгородской, Оренбургской, Ульяновской областям приняты следующие меры:

1. Постановления ЕСПЧ доведены до личного состава и включены в систему служебной подготовки сотрудников, дополнительно изучены требования законодательства Российской Федерации в части применения физической силы и специальных средств при задержании и доставлении в органы внутренних дел Российской Федерации лиц, совершивших преступления и административные правонарушения. Обращено внимание на необходимость надлежащего документального оформления фактов применения физической силы и специальных средств в соответствии с требованиями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

2. Руководители и личный состав территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации предупреждены о:

- недопущении нарушения положений Конвенции;
- необходимости строгого соблюдения законности, прав и свобод граждан;
- строгом соблюдении прав граждан в ходе процедур их задержания, доставления в органы внутренних дел Российской Федерации за преступления и административные правонарушения, а также при документировании совершенных ими деяний;
- недопустимости получения доказательств виновности лиц в совершении преступлений и административных правонарушений недозволенными методами дознания с применением физической силы и специальных средств.

3. Дополнительно сотрудникам органов внутренних дел указано на необходимость обеспечения: неукоснительного соблюдения Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного

к оглавлению

права, а также норм уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства Российской Федерации; соблюдения требований Закона о полиции и Наставления о порядке исполнения и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденного приказом МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389, в части задержания граждан, доставления в органы внутренних дел Российской Федерации, и документального оформления совершенного деяния, контроля за поведением лиц, доставляемых в служебные кабинеты органов внутренних дел Российской Федерации, с целью исключения чрезвычайных происшествий и жестокого обращения с ними, незамедлительного доставления к следователю (дознавателю) лица, подозреваемого в совершении преступления, для проведения следственных действий, исключения фактов доставления граждан в служебные помещения органов внутренних дел Российской Федерации без документального подтверждения проводимых действий.

Проведенными в перечисленных выше территориальных органах МВД России проверками по выявленными ЕСПЧ нарушениям Конвенции установлено, что следственными органами Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации по всем жалобам граждан о неправомерных действиях сотрудников полиции (милиции) проводились соответствующие проверки, по результатам которых выносились постановления об отказе в возбуждении уголовных дел по пункту 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с отсутствием состава преступления, либо о прекращении уголовного преследования по пункту 1 части первой статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с непричастностью к совершению преступления.

3.8. Постановления Европейского Суда по вопросам необеспечения надлежащих условий содержания в специальных учреждениях временного содержания иностранных граждан, содержания под стражей в целях экстрадиции и административного выдворения заявителей за пределы территории Российской Федерации, а также при аннулировании вида на жительство по мотиву угрозы национальной безопасности

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 30227/18 «Юсупов против России», вынесено и вступило в силу 1 декабря 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с депортацией заявителя в Республику Узбекистан (где для него, по мнению Европейского Суда, существовал риск подвергнуться жестокому обращению ввиду преследования его узбекскими властями в связи с преступлениями религиозного характера), статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте ввиду отсутствия надлежащего расследования в отношении

к оглавлению

предполагаемого жесткого обращения с заявителем при осуществлении его депортации и статьи 34 Конвенции в связи с несоблюдением обеспечительной меры, назначенной Европейским Судом по правам человека в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Заявитель приехал в Россию из Узбекистана в 2013 г. В 2014 году он был осужден за преступления, связанные с наркотиками, и приговорен к четырем годам и шести месяцам лишения свободы в исправительной колонии Липецкой области.

13 июля 2016 года власти Узбекистана обвинили заявителя в соответствии с частью 1 статьи 244 Уголовного кодекса Узбекистана в участии в запрещенной экстремистской религиозной организации и возбудили в отношении него уголовное дело.

Решениями Министерства юстиции, Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности пребывание заявителя в России признано нежелательным (соответственно, 30 марта 2018 года, 4 апреля 2018 года, 5 июля 2018 года).

27 июня 2018 года заявитель подал ходатайство о получении статуса беженца на территории России.

5 июля 2018 года миграционные органы отказались рассмотреть его ходатайство по существу.

6 июля 2018 года Управление Министерства внутренних дел по Липецкой области вынесло решение о депортации заявителя. В решении содержалась ссылка на решение Министерства юстиции о нежелательности его пребывания в России. Копия решения о депортации была вручена заявителю в аэропорту незадолго до его депортации. Заявитель был депортирован в тот же день.

Заявитель жаловался, что посредством его депортации в Узбекистан российские власти подвергли его реальному риску жестокого обращения.

Власти оспорили данный довод. В частности, они утверждали, что 5 июля 2018 года МВД Липецкой области отказало в удовлетворении ходатайства заявителя о предоставлении ему статуса беженца. Они утверждали, что при принятии этого решения жалоба заявителя относительно риска подвергнуться жестокому обращению в случае его депортации в Узбекистан была полностью рассмотрена и должным образом оценена в свете всех соответствующих обстоятельств его дела.

Соответствующие общие принципы, ***касающиеся применения статьи 3, в контексте передачи лиц из России в государства Центральной Азии*** – изложены Судом в постановлении от 23 октября 2014 года по делу «Мамажонов против России», жалоба № 17239/13, пункты 127-37.

Суд отмечает, что в ходе рассмотрения дела о предоставлении статуса беженца заявитель, в частности, утверждал, что его преследовали за экстремизм, и он подвергался риску жестокого обращения в Узбекистане. Кроме того, в постановлениях об объявлении заявителя в розыск и о его задержании, а также в

к оглавлению

запросе о его экстрадиции узбекские власти в качестве соответствующего основания однозначно указывали предъявление заявителю обвинений в совершении преступлений религиозного и политического характера. Таким образом, российским властям были представлены доказательства, способные подтвердить, что заявитель принадлежал к уязвимой группе лиц, которые систематически подвергались в Узбекистане жестокому обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, и высылка которых подвергла бы их реальному риску такого жестокого обращения (см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2014 года по делу «Мамажонов против России», жалоба № 17239/13, пункт 140, и последующие дела – постановление Европейского Суда от 3 декабря 2019 года по делу «Н.М. против России», жалоба № 29343/18; постановление Европейского Суда от 25 июня 2019 года по делу «С.С. и другие против России», жалоба № 2236/16; постановление Европейского Суда от 22 января 2019 года по делу «Б.У. и другие против России», жалоба № 59609/17; постановление Европейского Суда от 7 ноября 2017 года по делу «Т.М. и другие против России», жалоба № 31189/15). Как следует из материалов дела заявителя, российским властям были представлены достаточно обоснованные жалобы, указывающие на реальную угрозу жестокого обращения.

Суд также отмечает, что миграционная служба, рассмотрев ходатайство заявителя о предоставлении ему статуса беженца, не провела тщательного рассмотрения его жалобы. Ее обоснования ограничились общими утверждениями об отсутствии каких-либо рисков для заявителя, и ею не было проведено рассмотрение его жалобы в свете докладов об обращении с лицами, обвиняемыми в экстремистских преступлениях в Узбекистане. Кроме того, учитывая отсутствие доступа к документам и его адвокату, а также поспешность, с которой была осуществлена его депортация, Суд считает, что заявитель не имел никакой реальной возможности обратиться в национальные суды для рассмотрения его дела и оценки его жалоб в контексте процедуры получения статуса беженца или депортации. ***Поверхностное рассмотрение ходатайства заявителя о предоставлении ему статуса беженца вместе с отсутствием какой-либо возможности для заявителя подать жалобу на такое решение или на решение о депортации расчистило путь для депортации заявителя.*** Таким образом, Суд приходит к выводу, что ***внутригосударственные органы власти не оценили должным образом жалобу заявителя о риске жестокого обращения в Узбекистане.***

Поскольку внутригосударственные органы власти не провели надлежащей оценки утверждения заявителя, то Суд вынужден был отдельно рассмотреть вопрос наличия такой угрозы в отношении заявителя в случае его выдворения в Республику Узбекистан. Суд установил: заявителю было предъявлено обвинение в участии в запрещенной властями Республики Узбекистан религиозной организации. Европейский Суд уже приходил к выводу, что лица, чьей экстрадиции требовали узбекские власти в связи с предъявленными им обвинениями в совершении преступлений религиозного или политического

к оглавлению

характера, входят в уязвимую группу лиц, которые в случае выдворения в Республику Узбекистан могут быть подвергнуты реальному риску обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Названное дело, согласно позиции Суда, идентично этим делам, учитывая характер предъявленных заявителю обвинений, способ предъявления обвинения в отношении заявителя, способ осуществления депортации и отсутствие достаточных гарантий против незаконных действий органов власти. Суд не нашел оснований в указанном деле отступать от своих предыдущих выводов по данному вопросу. Хотя Суд отметил некоторые признаки улучшения ситуации, указанные в независимых докладах, ничто из представленных сторонами доводов в деле или соответствующих материалов из независимых международных источников на данный момент не дает достаточных оснований для вывода о том, что эти лица, преследуемые в связи с преступлениями религиозного характера, более не подвергаются такому риску.

На основании вышеизложенного Суд резюмировал, что депортация заявителя в Республику Узбекистан 6 июля 2018 года представляла собой нарушение статьи 3 Конвенции.

Заявитель также жаловался в соответствии со статьей 3 Конвенции на то, что он подвергся жестокому обращению во время перевозки в аэропорт, и не было проведено эффективного расследования по его заявлениям о жестоком обращении.

Суд, прежде всего, рассмотрит жалобу заявителя на непроведение эффективного расследования в связи с его утверждениями о жестоком обращении.

Суд напоминает, что когда лицо выдвигает небезосновательную жалобу о том, что подвергалось жестокому обращению в нарушение статьи 3, положения данной статьи подразумевают то, что ***требуется проведение эффективного официального расследования, способного привести к установлению личности и наказанию виновных.***

В связи с этим Суд отмечает, что еще 25 июля 2018 года, вскоре после депортации заявителя, заявитель отправил сообщение о преступлении в связи с жестоким обращением с ним в Следственный комитет Российской Федерации. В этом сообщении он подробно описал обстоятельства, при которых была осуществлена его депортация, и жестокое обращение, которому он предположительно подвергся. Таким образом, органы власти были обязаны провести эффективное расследование по убедительной жалобе заявителя о жестоком обращении, удовлетворяющее требованиям статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России», жалоба № 46956/09, пункты 125-27) Однако, исходя из материалов дела, Суд отмечает, что в течение почти семи месяцев не было предпринято никаких существенных процессуальных действий для рассмотрения сообщения заявителя о преступлении. Доследственная проверка в связи с жалобой на предполагаемое жестокое обращение в отношении заявителя была начата только 21 февраля 2019 года, а 24 февраля 2019 года она была продлена до 23 марта 2019 года в связи с необходимостью сбора дополнительных документов и проведения

к оглавлению

дополнительных следственных действий. Европейскому Суду не сообщили о том, были ли допрошены сотрудники МВД по Липецкой области или другие лица в связи с предполагаемым жестоким обращением заявителя, были ли проведены необходимые проверки и были ли собраны и изучены документы. Ход и/или результаты этого производства остаются неясными для Суда, учитывая, что стороны не представили никаких доводов или доказательств в этой связи.

Суд отмечает, что настоящее дело является еще одним примером из ряда российских дел о жестоком обращении с заявителями со стороны полиции, в которых «доследственная проверка» была единственной процедурой, применяемой следственным органом, и при рассмотрении которых Суд последовательно утверждал, что обязательство государства по статье 3 провести эффективное расследование не было выполнено. В частности, Суд установил по этим делам, что ***сама по себе «доследственная проверка», если за ней не следует «предварительное следствие», является поверхностной и несовершенной процедурой, и в ее рамках невозможно установить обстоятельства дела и виновных в предполагаемых преступлениях*** (см. упомянутое выше дело Ляпина, пункты 133-36, с дальнейшими ссылками и более позднее аналогичное дело – постановление Европейского Суда от 20 ноября 2018 года по делу «Самесов против России», жалоба № 57269/14, пункт 52, с дальнейшими ссылками).

Суд не видит каких-либо оснований для того, чтобы прийти к иному выводу в настоящем деле. ***Неспособность властей оперативно начать доследственную проверку после сообщения заявителя о преступлении, их бездействие в течение длительного периода и явное отсутствие каких-либо надлежащих процессуальных действий в отношении утверждений заявителя*** свидетельствуют о том, что эффективная проверка по утверждениям заявителя о предполагаемом жестоком обращении с заявителем не была проведена в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд считает, что также имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Суд отмечает, что стороны спорят о том, применялись ли к заявителю оспариваемые средства принуждения или физическая сила после его освобождения из исправительной колонии и до его прибытия в аэропорт 6 июля 2018 года. Власти отрицали жестокое обращение и не представили никаких документов или записей, касающихся обстоятельств перевозки заявителя в аэропорт Домодедово и обращения с ним во время этой поездки. Заявитель представил показания, которые включали хронологию и описание оспариваемого жестокого обращения. Однако Суд отмечает, что ***замечания заявителя не содержат ни свидетельских показаний, которые могли бы подтвердить версию событий заявителя, ни медицинских документов или других доказательств, подтверждающих его утверждения***.

Суд признает, что заявитель, скорее всего, не мог бы обратиться за медицинской помощью или запросить какие-либо документы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения с ним, в силу обстоятельств, при которых

к оглавлению

была осуществлена его депортация. Тем не менее, из-за недостаточности доказательств в материалах дела заявителя Суд не может исключить ни версию событий Властей, ни версию заявителя, и сделать вывод «вне разумного сомнения», что сотрудники, ответственные за депортацию заявителя, подвергли его обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, как утверждал заявитель (см. аналогичную аргументацию в постановлении Европейского Суда от 23 июня 2020 года по делу «Ужахов и Албагачиева против России», жалоба № 76635/11, пункт 108; постановлении Европейского Суда от 25 июня 2019 года по делу «Затынайко против России», жалоба № 1935/07, пункты 55-8; постановлении Европейского Суда от 17 мая 2016 года по делу «Некрасов против России», жалоба № 8049/07, пункты 90-6; и постановлении Европейского Суда от 11 декабря 2014 года по делу «Хисматуллин против России», жалоба № 33469/06, пункты 57-60).

Следовательно, Суд не устанавливает нарушения материального аспекта статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого жестокого обращения с заявителем.

Заявитель жаловался на то, что его депортация являлась нарушением обеспечительных мер, назначенных Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

Суд напомнил, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся Государства обязуются воздержаться от каких-либо действий или от бездействия, которые могут помешать эффективному осуществлению заявителем права на подачу индивидуальной жалобы, что, как это последовательно подтверждается, представляет собой краеугольный камень системы Конвенции. Статья 34 будет нарушена, если, по мнению Суда, ***органы власти государства-участника не примут меры, которые разумно могли бы быть приняты с целью применения обеспечительной меры, указанной Судом***. При рассмотрении жалобы на основании статьи 34 в отношении предполагаемого несоблюдения Договаривающимся Государством обеспечительной меры, Суд не рассматривает, являлось ли его решение о применении обеспечительной меры верным. Обязанностью именно государства-ответчика является доказать Суду, что обеспечительная мера была соблюдена ***или, в исключительном случае, что существовало объективное препятствие, которое помешало соблюдению такой меры,*** и что власти предприняли все шаги для устранения препятствия и информирования Суда о ситуации (см. постановление Европейского Суда от 3 июня 2010 года по делу «Камалиевы против России», жалоба № 52812/07, пункты 71-74).

Суд отметил, что события, предшествовавшие депортации заявителя, вызвали обеспокоенность Суда. В частности, Суд указал, по меньшей мере, на две задержки во внутригосударственных производствах, которые были необоснованными и произошедшими не по вине заявителя. Эти задержки, по мнению Суда, способствовали депортации заявителя, несмотря на обеспечительные меры, указанные Судом. Во-первых, Суд отметил, что адвокату

к оглавлению

заявителя Р. по причинам, не зависящим от ее действий, потребовалось две недели, чтобы получить заверенную доверенность от администрации исправительной колонии, и она получила ее только за два дня до депортации. Эта задержка не позволила ей своевременно обратиться от имени заявителя в органы, занимающимися вопросами миграции, и/или в национальные суды. Во-вторых, копия решения о депортации была предоставлена заявителю и его адвокатам с опозданием; наряду с отсутствием каких-либо официальных разъяснений по данному вопросу со стороны органов по вопросам миграции это не позволило заявителю своевременно представить в Суд обоснованное ходатайство в соответствии с правилом 39. Суд также нашел тревожным тот факт, что местонахождение заявителя в день его депортации было неизвестно, и он был лишен каких-либо контактов со своими адвокатами, которые безуспешно пытались найти его. Кроме того, Суд указал – депортация заявителя произошла, несмотря на постановление национального суда, приостановившего ее осуществление.

Суд принял к сведению довод властей о том, что они получили уведомление от Суда об обеспечительной мере в нерабочее время, а также что у них оставалось очень мало времени для ее надлежащего рассмотрения. Однако, по мнению Суда, в обстоятельствах данного дела ***отсутствие времени не может рассматриваться как объективное препятствие, которое помешало национальным органам власти выполнить указание Суда об обеспечительной мере.***

Суд уже указывал на неоднократное неисполнение российскими властями обеспечительной меры, установленной в соответствии с правилом 39 Регламента Суда в делах заявителей, которые были обвинены в Республике Узбекистан и в Республике Таджикистан в совершении преступлений, связанных с экстремизмом или терроризмом, и которые исчезли или были незаконно перевезены в эти страны. Суд счел, что депортация заявителя в деле не была результатом предполагаемой медлительности заявителя или нехватки времени для рассмотрения [указания Суда об обеспечительной мере], как утверждали власти. Поведение внутригосударственных органов власти в отношении заявителя, включая задержки с заверением доверенности и несвоевременное предоставление ему копии решения о депортации, свидетельствовало, по мнению Суда, об их твердой решимости депортировать заявителя немедленно после его освобождения из исправительной колонии.

Суд резюмировал: в конкретных обстоятельствах дела органы власти нарушили обеспечительную меру, установленную в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и они не выполнили свои обязательства по статье 34 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 3 Конвенции в связи с депортацией заявителя в Республику Узбекистан, статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте ввиду отсутствия надлежащего расследования в отношении предполагаемого жесткого обращения с заявителем при

к оглавлению

осуществлении его депортации и статьи 34 Конвенции в связи с несоблюдением обеспечительной меры, назначенной Европейским Судом по правам человека в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, а также отклонил жалобу заявителя на предполагаемое жестокое обращение с ним при осуществлении депортации (материальный аспект статьи 3 Конвенции), и обязал государство-ответчика выплатить заявителю по **30 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **35 400** евро.

2. Постановление Европейского Суда по жалобе № 84022/17 «Н.О. против России», вынесено и вступило в силу 7 февраля 2021 года.

Постановлением исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалоба заявителя с учетом статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод на его выдворение в Республику Узбекистан (где, по его мнению, для него существовал риск подвергнуться жестокому обращению). Одновременно установлено нарушение статьи 34 Конвенции в связи с несоблюдением обеспечительной меры, определенной Европейским Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда.

В августе 2013 года заявитель был обвинен в Узбекистане в вербовке узбекских граждан в Исламское движение Туркестана и содействии их поездкам в лагеря подготовки террористов в Пакистане. Узбекские власти вынесли постановление об объявлении его в розыск.

7 декабря 2017 года заявитель был освобожден и сразу же повторно арестован за нарушение миграционных правил.

25 января 2018 года заявитель был выслан в Узбекистан.

Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, Суд считает необходимым прежде всего рассмотреть необходимость продолжения рассмотрения жалобы в соответствии с критериями, установленными статьей 37 Конвенции. Это положение гласит следующее:

«1. Суд может на любой стадии разбирательства принять решение о прекращении производства по делу, если обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что:

(a) заявитель более не намерен добиваться рассмотрения своей жалобы;

(b) спор был урегулирован;

(c) по любой другой причине, установленной Судом, если дальнейшее рассмотрение жалобы является неоправданным.

Тем не менее, Суд продолжает рассмотрение жалобы, если этого требует соблюдение прав человека, гарантированных настоящей Конвенцией и Протоколами к ней.

2. Суд может принять решение восстановить жалобу в списке подлежащих рассмотрению дел, если сочтет, что это оправдано обстоятельствами.»

к оглавлению

Суд повторяет, что ***представитель заявителя должен не только представить доверенность или письменный документ о полномочиях*** (пункт 3 правила 45 Регламента Суда), но ***важно также поддерживать контакт с заявителем на протяжении всего разбирательства***. Такой контакт необходим как для того, чтобы узнать больше о конкретной ситуации заявителя, так и для подтверждения постоянного интереса заявителя в продолжении рассмотрения его жалобы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 17 ноября 2016 года по делу «В.М. и другие против Бельгии» (исключение из списка дел, подлежащих рассмотрению), жалоба № 60125/11, пункт 35).

В ряде дел, в рамках которых заявитель не был в контакте напрямую с Судом, Суд постановил, что ***для представителей крайне важным является продемонстрировать, что они получили конкретные и четкие инструкции от предполагаемых жертв по смыслу статьи 34 Конвенции, от имени которых они предположительно действуют*** (см. дело «В.М. и другие», упомянутое выше, и решение Европейского Суда от 15 мая 2012 года по делу «Каур против Нидерландов», жалоба № 35864/11, пункт 14; решение Европейского Суда от 29 апреля 2010 года по делу «К.М. и другие против Российской Федерации», жалоба № 46086/07; решение Европейского Суда от 13 сентября 2011 года по делу «Кетин против Турции», жалоба № 10449/08; и постановление Европейского Суда от 24 марта 2020 года по делу «Асади и другие против Словакии», жалоба № 24917/15, пункты 40-42).

Ранее Суд постановил, что он не может игнорировать в целом нестабильные условия жизни просителей убежища и другие события, которые могут временно помешать общению между законным представителем и заявителями (см. постановление Европейского Суда от 21 октября 2014 года «Шарифи и другие против Италии и Греции», жалоба № 16643/09, пункт 131). Так, Суд признал, что ***контакт между законным представителем и заявителями имел место через третьих лиц в случаях, где такой контакт был регулярным и подтверждался соответствующими документами*** (там же, пункт 130). Однако Суд исключил жалобы из списка дел, подлежащих рассмотрению, ***в связи с отсутствием контакта между заявителями и их законным представителем, в случаях, где информация о местонахождении заявителей или обстоятельствах контакта оказалась недостаточной, противоречивой или необоснованной*** (там же, пункты 129, 133). Например, Суд счел доказательство контакта необоснованным в тех случаях, когда заявители или их законный представитель не представили каких-либо документов, подтверждающих их правовой статус, или когда они предоставили только ссылку на учетную запись заявителя в Facebook без дальнейших объяснений (там же, пункт 129). Недавно Суд в постановлении от 13 февраля 2020 года по делу «Н.Д. и Н.Т. против Испании» [Большая Палата] (жалобы № 8675/15 и № 8697/15, пункт 74) в обстоятельствах этого дела, что контакт существовал, когда – в отсутствие доводов Властей об обратном – адвокаты заявителей предоставили подписанный и содержащий отпечатки пальцев документ о полномочиях, оставались на связи с ними по

к оглавлению

телефону и WhatsApp и передавали конкретные сообщения от заявителей во время слушания.

Крайне аналогичные факты и контекст уже были рассмотрены Судом в постановлении по делу «О.О. против России» (жалоба N 36321/16, 21 мая 2019 г.). В этом деле Суд удовлетворился тем, что между представителями и заявителем, депортированным из России в Узбекистан в нарушение обеспечительной меры, поддерживался постоянный контакт (там же, пункт 37). ***Представители убедительно продемонстрировали наличие контакта следующими доказательствами***: (i) подписанная и датированная записка от матери заявителя, написанная от руки; (ii) подписанные и датированные рукописные показания от заявителя, подтверждающие его желание сохранить жалобу в силе; (iii) подписанные и датированные рукописные показания от заявителя, описывающие его депортацию из России; (iv) подписанный и датированный отчет от адвоката заявителя в Узбекистане, в котором говорится, что во время его личной встречи с заявителем заявитель подтвердил как свое желание сохранить свою жалобу в силе, так и факты, изложенные в вышеуказанных показаниях, написанных от руки (там же, пункт 27).

Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что ***в материалах дела нет ни одного документа, исходящего от самого заявителя***, что ни г-н Хамроев, ни г-н Широков не участвовали в производстве по административному выдворению и что доверенности от 8 декабря 2017 года и 12 января 2018 года, якобы подписанные заявителем и предшествующие его выдворению в Узбекистан, были выданы на г-на Б. Хамроева.

Суд далее отмечает, что на г-на Широкова, который 4 марта 2019 года представил свои ответные замечания по настоящему делу, не было выдано ни одной доверенности с подписью заявителя. Имя г-на Широкова впервые появилось в жалобе, поданной г-ном Хамроевым от имени заявителя 13 февраля 2019 года. Доверенность, включенная в формуляр жалобы, была подписана г-ном Хамроевым и г-ном Широковым в качестве представителей, а в графе, предназначенной для подписи заявителя, содержалась написанная от руки пометка «заявитель был тайно перевезен в Узбекистан».

Наконец, Суд принимает к сведению тот факт, что запросы от 16 февраля 2018 года и 21 июня 2019 года, направленные на установление того, поддерживали ли предполагаемые представители контакт с заявителем и/или его ближайшими родственниками, не дали конкретных результатов. Ни в письмах от 7 марта 2018 года и 13 июля 2019 года, ни в замечаниях от 4 марта 2019 года не утверждалось о существовании какого-либо прямого контакта между г-ном Хамроевым и/или г-ном Широковым и заявителем. Ответы вышеуказанных представителей содержали ссылки на мать, дядю, родственников и адвоката заявителя в Узбекистане без четкой их идентификации, указания дат предполагаемого общения или предоставления показаний любого из этих лиц. Что касается фотографий рукописных заметок, предположительно написанных заявителем, то следует подчеркнуть, что оригиналы этих документов не дошли до

к оглавлению

Суда. Важно отметить, что ни в какой момент времени г-н Хамроев или г-н Широков не утверждали, что они столкнулись с какими-либо реальными препятствиями в получении доказательств их контакта с заявителем или его ближайшими родственниками.

В свете вышеизложенных соображений Суд приходит к выводу, что, в отличие от постановления по делу «О.О. против России» (упомянуто выше), ***представители в настоящем деле не смогли продемонстрировать наличие постоянного контакта с заявителем и тот факт, что они получили от него конкретные и четкие инструкции***.

С учетом вышеизложенного и в соответствии с пунктом 1 (c) статьи 37 Конвенции Суд должен сделать вывод о том, что продолжение рассмотрения жалобы по статьям 3 и 13 Конвенции ***более не является оправданным***. Суд также считает, что никакие конкретные обстоятельства, относящиеся к соблюдению прав, гарантированных Конвенцией или Протоколами к ней, не требуют от него продолжения рассмотрения жалобы в соответствии с пунктом 1 статьи 37 (in fine).

Соответственно, ***данное дело должно быть исключено из списка дел, подлежащих рассмотрению,*** в той части, которая касается жалоб в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции. Однако Суд отмечает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 37 Конвенции жалоба может быть восстановлена в списке дел, если обстоятельства оправдывают это.

Также представители заявителя жаловались на то, что его выдворение в Узбекистан было нарушением обеспечительных мер, указанных Судом в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда.

Суд повторяет, что в силу статьи 34 Конвенции Договаривающиеся Государства обязуются воздерживаться от любых действий или бездействия, которые могут препятствовать эффективному осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, которое, как последовательно подтверждается, представляет собой краеугольный камень системы Конвенции. Согласно сложившейся прецедентной практике Суда несоблюдение государством-ответчиком обеспечительной меры влечет за собой нарушение этого права (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскаров против Турции», жалобы № 46827/99 и № 46951/99, пункты 102 и 125; см. также, из более поздних, постановление Европейского Суда от 1 февраля 2018 года по делу «М.А. против Франции», жалоба № 9373/15, пункты 64-65, и постановление Европейского Суда от 19 апреля 2018 года «А.С. против Франции», жалоба № 46240/15, пункты 72-75).

Как было установлено Судом и это не оспаривалось, что депортация заявителя произошла 25 января 2018 года – через шесть дней после предписания 19 января 2018 года обеспечительной меры в соответствии с Правилом 39 Регламента Суда, через три дня после того, как информация о данной мере была направлена компетентным органам 22 января 2018 года, и на следующий день после того, как власти получили эту информацию 24 января 2018 года. Было также установлено, что после предписания Судом этой меры Аппарат Уполномоченного

к оглавлению

Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека был надлежащим образом уведомлен об этом и передал эту информацию компетентным органам по обычным каналам связи.

По мнению Суда, вопросы, касающиеся межведомственной связи между российскими органами власти и наличия «необходимых и неизбежных процедур» для передачи информации об обеспечительных мерах, представляются актуальными для анализа соблюдения государством предписания обеспечительной меры. Однако Суд не счел в обстоятельствах данного дела необходимым рассматривать эти вопросы.

Следует признать, что практические аспекты обмена информацией между различными ведомствами могут представлять определенные трудности для немедленного осуществления обеспечительной меры, указанной Судом. Однако, по мнению Суда, представляется, что шестидневный срок в указанном деле - включая три рабочих дня - сам по себе, а также при его рассмотрении в контексте имеющихся современных технологий был вполне достаточным для того, чтобы все компетентные и соответствующие органы власти были уведомлены о том, что высылка заявителя в Республику Узбекистан была приостановлена Судом.

Приведенные выше соображения позволили Суду сделать вывод о том, что ничто объективно не препятствовало соблюдению меры, указанной Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и что, не соблюдая эту меру, власти не выполнили своих обязательств по статье 34 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил исключить из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобы заявителя в соответствии со статьями 3 и 13 Конвенции и продолжить рассмотрение жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции, а также постановил, государство-ответчик не выполнило обеспечительную меру, указанную Судом в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, и поэтому не исполнило своих обязательств по статье 34 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить непосредственно заявителю или лицу, должным образом уполномоченному им, **10 000** евро в качестве компенсации морального вреда.

3. Постановление Европейского Суда по жалобам № 25079/19 и № 18570/19 «М.Л. и другие против Российской Федерации», вынесено и вступило в силу 6 апреля 2021 года.

Постановлением исключены из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобы заявителей согласно статьям 2, 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод о наличии в отношении них риска смерти и/или жестокого обращения в случае их высылки в Северную Корею и предполагаемое отсутствие эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявители жаловались в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции на риск смерти, пыток и/или жестокого обращения в случае их принудительного

к оглавлению

возвращения в Северную Корею и на то, что у них не было эффективных средств правовой защиты в отношении этих жалоб в нарушение статьи 13 Конвенции. Заявитель М.Л. также жаловался на то, что его содержание под стражей в России до высылки было нарушением статьи 5 Конвенции.

Рассматривая вопрос о необходимости исключения из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобы заявителей согласно статьям 2, 3 и 13 Конвенции на наличие в отношении них риска смерти и/или жестокого обращения в случае их высылки в Северную Корею и предполагаемое отсутствие эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений, Европейский Суд обратил внимание на следующее.

В отношении М.Л. Суд отметил, что решением от 7 июля 2020 года Новосибирский областной суд отменил постановление о его выдворении и освободил его из-под стражи, отметив отсутствие какой-либо информации о готовности какого-либо государства принять его, а также отсутствие какой-либо реальной возможности направить М.Л. за пределы России. Что касается Ф. и З., то соответствующие органы не принимали постановлений или решений, направленных на их выдворение или депортацию.

Суду известно, что миграционный статус заявителей не был оформлен в официальном порядке. В связи с этим, заявители, как правило, обязаны покинуть Россию добровольно; если они этого не сделают, они столкнутся с риском депортации, но Суд в отношении аналогичных обстоятельств уже указывал, что вышеизложенное не обязательно означает, что ***выдворение заявителя является неизбежным и неминуемым***. В соответствии с российским законодательством перед высылкой иностранца должно быть вынесено конкретное решение о выдворении иностранца из страны – например, постановление о выдаче, решение о наложении наказания в виде административного выдворения за административное правонарушение или постановление о нежелательности его нахождения в России, предписывающее его депортацию; любое подобное решение о высылке может быть оспорено (см. постановление Европейского Суда от 10 мая 2016 года по делу «А.Р. против России», жалоба № 25923/15, пункт 57, и решение Европейского Суда от 20 ноября 2018 года по делу «Разигдад против России», жалоба № 30764/13, пункт 38; также в сравнении – постановление Европейского Суда от 29 октября 2015 года по делу «A.L. (X.W.) против России», жалоба № 44095/14, пункт 65, в котором рассматривалось принятие постановления о выдворении, поскольку присутствие заявителя в России было признано нежелательным, и в постановлении прямо упоминалась депортация). Однако ***до настоящего времени такого решения в отношении заявителей принято не было; фактически, они даже не были идентифицированы как граждане Северной Кореи*** (что повысило бы риск их высылки в эту страну).

Суд принял к сведению довод заявителей о том, что как установление их личности, так и их высылка могут в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Корейской Народно-Демократической Республики о передаче и приеме лиц, незаконно въехавших и

к оглавлению

незаконно пребывающих на территории Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики от 2 февраля 2016 года происходить за пределами правовых рамок, описанных выше, – при необходимости, при содействии властей Северной Кореи. Хотя Суд, в свете доступной информации из международных источников, с особой обеспокоенностью отмечает, что Соглашение разрешает репатриацию незаконно мигрировавших граждан Северной Кореи, однако, он должен был оценить, имеются ли в рассматриваемых случаях достаточные элементы, указывающие на реальный риск того, что заявители действительно будут высланы на основании Соглашения.

Суд отметил, что существование таких соглашений о реадмиссии, которые обычно способствуют исполнению решений о высылке и имеют технический характер, широко распространено как в Российской Федерации, так и в других европейских странах. Процесс возвращения следует рассматривать как единое целое, одним из важных элементов которого являются соглашения о реадмиссии. Отсутствие конкретных процессуальных гарантий в их положениях не обязательно означает, что такие соглашения существуют независимо от обычных процедур принятия решений в отношении выдворения или депортации.

Суд отмечает, что ***заявители не представили соответствующих, недавних, последовательных примеров и отчетов относительно выдворения Россией – исключительно на основании Соглашения – граждан Северной Кореи, незаконно находящихся на территории России***. Более того, Суд отмечает, что в отношении Ф. и З. в течение нескольких месяцев между отменой решений о предоставлении заявителям временного убежища и датой, в которую были назначены обеспечительные меры, российскими властями не было предпринято никаких конкретных действий по высылке заявителей, а тем более по передаче их северокорейским консульским органам с целью установления их личности и принудительной высылки. Что касается М.Л., то у Суда нет оснований сомневаться в замечании, сделанном Новосибирским областным судом в его решении от 7 июля 2020 года в отношении отсутствия информации о том, было ли готово какое-либо государство принять заявителя.

С учетом изложенного Суд не счел, что действия, предпринятые властями до указанного времени, позволяют ему сделать вывод или обоснованно предположить, что заявители подвержены риску высылки в соответствии с обычными процедурами выдворения или депортации.

Суд указал на тот факт, что при аналогичных обстоятельствах, когда заявителю не было предоставлено разрешение на пребывание, он тем не менее в силу пункта 1 «c» статьи 37 Конвенции считает нецелесообразным дальнейшее продолжение рассмотрения его или ее дела, и решает исключить его из списка дел, подлежащих рассмотрению. Это происходит потому, что (i) как было ясно из информации, доступной на момент принятия этого решения (и в течение значительного времени после этого), заявитель не подвергался (и не был подвержен в будущем) риску быть высланным и подвергнутым обращению предположительно в нарушение статьи 3 Конвенции, и (ii) заявитель мог оспорить

к оглавлению

в национальных органах власти любое постановление о выдворении, принятое впоследствии (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда «по делу Ф.Г. против Швеции», жалоба N 43611/11, пункт 74, с дальнейшими ссылками, и постановление Европейского Суда от 12 декабря 2017 года по делу «М.С.А. против России», жалобы N 29957/14 и 8 других, пункты 32-33). Суд отмечает, что ситуация Ф., З. и М.Л. во многом аналогична ситуации в делах, упомянутых выше. Нет никаких указаний на то, что заявители не смогут оспорить решение о высылке. Кроме того, Суд отмечает, что невозможность властей установить личность заявителей – либо в основном по формальным причинам (М.Л.), либо из-за отсутствия доказательств, подтвержденных в судебном разбирательстве (Ф. и З.), – представляет собой в настоящее время дополнительное препятствие для исполнения любого решения о высылке, которое может быть принято.

Суд считает, что более нецелесообразно продолжать рассмотрение вышеуказанных жалоб в той части, в которой они относятся к жалобам заявителей в соответствии со ст. 2 и 3 Конвенции в отношении предполагаемого риска смерти и/или жестокого обращения и тесно связанных с ними жалоб по ст. 13 Конвенции. Кроме того, Суд удовлетворен тем, что соблюдение прав человека, как они определены в Конвенции и Протоколах к ней, не требует от него продолжения рассмотрения этой части жалоб (пункт 1 статьи 37 in fine). Соответственно, и с учетом поданных жалоб, Суд постановляет исключить из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобу № 18570/19 в полном объеме и жалобу № 25079/19 в части, касающейся жалоб на [риск] смерти и/или жестокого обращения в случае выдворения М.Л. в Северную Корею и предполагаемое отсутствие эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении этих утверждений.

М.Л. также жаловался на то, что его содержание под стражей в ожидании процедуры выдворения было несовместимо с конвенционными требованиями с точки зрения предсказуемости продолжительности такого содержания под стражей, и что он не имел доступа к эффективному судебному пересмотру его содержания под стражей. Он ссылался на пункт 1 «f» статьи 5 и пункт 4 статьи 5 Конвенции.

М.Л. ссылался на нарушения, которые Суд установил в делах «Азимов против России» (жалоба № 67474/11, пункты 152 и 171-173, 18 апреля 2013 года), «Ким против России» (жалоба № 44260/13, пункты 41-57, 17 июля 2014 года) и «А.Н. и другие против России», (жалоба № 61689/16 и 3 других, пункт 34, 23 октября 2018 года). Он утверждал, что его содержание под стражей в ожидании выдворения стало произвольным ввиду его чрезмерной продолжительности и что российское законодательство не предусматривает периодического и быстрого судебного пересмотра законности такого содержания под стражей. М.Л. утверждал, что содержание под стражей было обусловлено выдворением, и что его жалоба на постановление Ордынского районного суда от 26 апреля 2019 года непосредственно касалась как его высылки, так и помещения под стражу. Более того, жалоба на первоначальное применение в отношении него заключения под стражу не была бы эффективным средством правовой защиты, учитывая, что

к оглавлению

жалобы, поданные в Суд, касались увеличения продолжительности содержания под стражей и невозможности после первоначального этапа обеспечить пересмотр его законности или освобождение.

Суд повторил, что любое лишение свободы в соответствии со второй частью пункта 1 «f» статьи 5 Конвенции будет ***оправдано только до тех пор, пока продолжается процедура депортации или экстрадиции***. Если такая процедура не будет проведена своевременно, содержание под стражей перестанет быть допустимым в соответствии с пунктом 1 «f» статьи 5 Конвенции. Чтобы ***содержание под стражей не было определено как произвольное***, оно должно на основании пункта 1 «f» статьи 5 Конвенции ***осуществляться в духе добросовестности; должно быть тесно связано с его основанием содержания под стражей***, на которое ссылаются власти; а ***продолжительность содержания под стражей не должна превышать разумно требуемую для преследуемой цели***. Национальные органы власти обязаны рассмотреть вопрос о том, является ли высылка реальной перспективой и является ли содержание под стражей с целью высылки оправданным с самого начала или продолжает быть таковым.

Суд установил, что срок содержания под стражей М.Л. составил более четырнадцати месяцев. Соответственно, по мнению Суда, и с учетом его выводов о повторяющихся нарушениях статьи 5 Конвенции в отношении иностранцев, задержанных в Российской Федерации с целью их административного выдворения, срок содержания под стражей М.Л. превысил разумно необходимый предел для преследуемой цели – тем более, что он был мигрантом, не имеющим документов, и попытки установить его личность с целью определения государства, желающего принять его, по-видимому, не удались на самом раннем административном этапе. Кроме того, опять же, представляется, что М.Л. не имел доступа к периодическому судебному пересмотру его продолжающегося содержания под стражей в нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Суд пришел к выводу, что имело место нарушение пункта 1 «f» статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил исключить из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалобу Ф. и З. и жалобу М.Л., которая касается жалоб в соответствии со статьями 2 и 3 Конвенции в отношении риска смерти и/или жестокого обращения в случае высылки заявителя из России в Северную Корею и предполагаемого отсутствия эффективных внутренних средств правовой защиты в отношении этих жалоб в соответствии со ст. 13 Конвенции, а также постановил, что имело место нарушение пункта 1 (f) статьи 5 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении М.Л., и обязал государство-ответчика выплатить М.Л. **3 900** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **6 030** евро.

4. Постановление Европейского Суда по жалобе № № 29255/18 «Акмалов против России», вынесено и вступило в силу 9 марта 2021 года.

к оглавлению

Постановлением установлено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с запретом на въезд заявителю на территорию Российской Федерации, о котором он не был уведомлен, без учета обстоятельств его частной жизни (обучение в российском высшем учебном заведении) и необеспечением судом при рассмотрении жалоб заявителя тщательного анализа оснований и соразмерности примененной в отношении него ограничительной меры.

1 сентября 2013 года заявитель поступил в магистратуру по специальности «юриспруденция» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в г. Москве, Россия. Его пребывание в России было разрешено на время учебы.

13 ноября 2013 года, а затем 19 августа 2014 года «ВШЭ», с целью сохранения в отношении заявителя законного иммиграционного статуса студента, проинформировала Федеральную миграционную службу о его зачислении на программу. Власти оспорили это заявление и заявили, что «ВШЭ» не проинформировала ФМС о том, что заявитель является студентом, и поэтому, в отсутствие информации об обратном, 14 июля 2015 года ФМС приняла решение запрете повторного въезда заявителя в Россию.

Заявитель вернулся 30 августа 2015 года в Москву для подготовки к экзаменам в аспирантуру, которые были назначены на 16 сентября 2015 года.

В тот же день, 30 августа 2015 года, заявитель был депортирован обратно в Узбекистан.

1 сентября 2015 года «ВШЭ» официально обратилась в ФМС с просьбой исключить имя заявителя из списка лиц, которым запрещен въезд в Россию. К запросу прилагались документы, подтверждающие зачисление заявителя на обучение в «ВШЭ».

25 сентября 2015 года ФМС России поручила Управлению ФМС по г. Москве исключить фамилию заявителя из списка. 2 октября 2015 года ФМС удалила имя заявителя из списка и проинформировала об этом «ВШЭ». 3 октября 2015 года «ВШЭ» сообщила заявителю, что его имя исключено из списка лиц, которым запрещен въезд в Россию.

5 октября 2015 года ФМС отменила решение о запрете на въезд в отношении заявителя, но не уведомила его об этом.

8 октября 2015 года заявитель вновь прибыл в московский аэропорт Домодедово. При прохождении контроля Пограничной службы ему снова вручили решение о запрете на въезд.

В тот же день (8 октября 2015 года), спустя несколько часов, после нескольких телефонных звонков между «ВШЭ» и Пограничной службой, заявителю был разрешен въезд в Россию. Власти не оспаривали эту информацию.

Заявитель жаловался, что запрет на въезд, вынесенный в отношении него, был незаконным и что национальные суды не рассмотрели неблагоприятное

к оглавлению

воздействие данного запрета на его частную жизнь в нарушение статьи 8 Конвенции.

Суд отмечает, что решение о запрете на въезд в отношении заявителя было отменено. Суд повторяет, что благоприятные меры, принятые национальными властями, ***лишат заявителя статуса жертвы только в том случае, если нарушение будет прямо признано или, по крайней мере, по существу и если оно впоследствии будет исправлено*** (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скордино против Италии» (№ 1), жалоба № 36813/97, пункт 180, с дальнейшими ссылками). Суд отмечает, что в настоящем деле национальные суды прямовыраженно не признали нарушения прав заявителя и не присудили ему никакого возмещения. Таким образом, тот ***факт, что решение о запрете на въезд заявителя был впоследствии отменен, не лишает его статуса жертвы*** (сравн. с постановлением Еврейского Суда от 2 октября 2018 года по делу «Биволару против Румынии» (№ 2), жалоба № 66580/12, пункты 168-175).

Заявитель утверждал, что национальные суды не рассмотрели соразмерность вмешательства в его право на уважение частной жизни. В частности, суды не оценили тот факт, что власти не проинформировали заявителя о существовании запрета на въезд, а затем не оценили негативные последствия того, что запрет лишил его возможности сдать экзамены по программе аспирантуры в данном учебном году.

Власти утверждали, что национальные суды должным образом рассмотрели жалобы заявителя на решение о запрете на въезд и пришли к выводу, что запрет на въезд являлся соразмерной мерой, поскольку он носил временный характер и «не оказал негативного влияния» на частную жизнь заявителя. Национальные суды установили, что «ВШЭ» не проинформировала миграционные власти о статусе студента заявителя. Таким образом, при принятии решения о запрете на въезд заявителя ФМС не располагала соответствующей информацией. Впоследствии миграционные власти в добровольном порядке отменили решение о запрете на въезд.

Суд отмечает, что стороны не оспаривали тот факт, что запрет на въезд представлял собой вмешательство в право заявителя на уважение его частной жизни. Они разошлись во мнениях относительно того, тщательно ли национальные суды установили баланс между соответствующими интересами при рассмотрении данной санкции.

Суд отмечает, что решение о пятилетием запрете на въезд, вынесенное в отношении заявителя, находилось в силе менее трех месяцев, с 14 июля по 5 октября 2015 года. В течение всего этого периода заявитель не знал о его существовании.

Суд установил, что 30 августа 2015 года заявителю был запрещен въезд в Российскую Федерацию по неизвестным ему причинам. Он не был проинформирован о причинах запрета. 5 октября 2015 года ФМС Российской Федерации отменила запрет на въезд, но заявитель также не был

к оглавлению

проинформирован об этом решении. ФМС также не проинформировала Пограничную службу об отмене запрета на въезд, поскольку по прибытии заявителя в Российскую Федерацию 8 октября 2015 года ему было вновь вручено такое же письменное уведомление. Ему удалось повторно въехать в страну только после того, как сотрудники пограничной службы позвонили в «ВШЭ».

Суд обратил внимание на то, что заявителю было отказано во въезде в Россию по неизвестным основаниям и по неизвестным причинам, и что в течение всего срока действия запрета на въезд он даже не был проинформирован о его существовании. Более того, он был депортирован в Республику Узбекистан за свой счет, а впоследствии не смог вовремя въехать в Российскую Федерацию, чтобы продолжить там учебу. Представленные документы демонстрировали, что внутригосударственные суды не рассматривали эти утверждения и ограничились выводом о том, что предполагаемая неспособность «ВШЭ» проинформировать миграционные власти привела к тому, что последние приняли решение о запрете на въезд. Заявитель был проинформирован о существовании запрета на въезд 6 ноября 2015 года, только после того, как он был отменен вследствие запроса «ВШЭ.

Суд отметил, что национальные суды акцентировали внимание на том, что ФМС отменило санкцию, наложенную на заявителя, без проверки соответствующих фактов, таких как причины неинформирования властями заявителя о наложении запрета на въезд, и утверждений заявителя о невозможности продолжать свое обучение в Москве из-за запрета повторного въезда.

Вышеизложенные соображения являются достаточными для того, чтобы позволить Суду сделать вывод о том, что национальные суды не обеспечили тщательного баланса различных затрагиваемых интересов и не провели тщательного анализа соразмерности меры, примененной в отношении заявителя, и ее влияния на его частную жизнь. Следовательно, они не приняли во внимание соображения и принципы, установленные Судом, и не применили стандарты, соответствующие ст. 8 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 8 Конвенции и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **2 600** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **4 021** евро.

5. Постановление Европейского Суда по жалобе № 43936/18 «Усманов против России», вынесено 22 декабря 2020 года, вступило в силу 22 марта 2021 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с непропорциональным применением к заявителю ограничительных мер – отмены решения о предоставлении гражданства Российской Федерации, наложения

к оглавлению

тридцатипятилетнего запрета на въезд на ее территорию по мотиву угрозы национальной безопасности и административного выдворения с территории России без учета, в том числе судами, продолжительности пребывания заявителя в стране, прочности сложившихся с ней связей, благополучия детей заявителя и трудностей, которые ожидают его семью.

Дело касается предполагаемого нарушения статьи 8 Конвенции в связи с лишением заявителя гражданства Российской Федерации и последующим решением о его выдворении с территории Российской Федерации.

28 сентября 2017 г. Управление Министерства внутренних дел Российской Федерации по Новгородской области обратилось в Новгородский районный суд Новгородской области за установлением факта сообщения заявителем заведомо ложных сведений о своих братьях и сестрах при обращении за получением гражданства Российской Федерации в 2008 году. Установление такого факта требовалось для лишения заявителя гражданства Российской Федерации.

20 ноября 2017 г. районный суд удовлетворил заявление на основании того, что заявитель не оспаривал факт непредоставления некоторой информации. Суд отклонил доводы заявителя о том, что должностное лицо посоветовало ему не указывать всех родственников; что упущенная информация не являлась значимой; что у него не было намерения вводить власти Российской Федерации в заблуждение и что у него имелась прочная связь с Российской Федерацией. Первый довод суд признал недоказанным, а остальные доводы - не имеющими отношения к существу дела.

Заявитель обжаловал данное решение в апелляционном и кассационном порядке в Новгородский областной суд (далее - областной суд) и Верховный Суд Российской Федерации. Указанные суды отклонили жалобы от 14 марта, 1 июня и 17 августа 2018 г. соответственно, поддержав аргументацию районного суда.

В 2018 году заявитель обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на несоответствие статьи 22 Закона «О гражданстве Российской Федерации» положениям Конституции Российской Федерации. Он утверждал, что указанная статья предусматривала произвольное лишение гражданства Российской Федерации без учета личных обстоятельств соответствующего лица. Заявитель также отметил, что законодательство Российской Федерации не предусматривало срока давности для лишения гражданства.

15 января 2019 г. Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы к рассмотрению. Суд постановил, что применение оспариваемой статьи Закона «О гражданстве Российской Федерации» может привести к автоматическому лишению гражданства Российской Федерации только в том случае, если будет установлено, что лицо не соответствовало условиям приобретения гражданства. Суд также отметил, что формулировка оспариваемой статьи не освобождала власти от учета сопутствующих

к оглавлению

обстоятельств, в частности времени, прошедшего со дня приобретения гражданства Российской Федерации. По мнению суда, решение об обратном противоречило бы принципам верховенства права и справедливости или требованиям необходимости и соразмерности вмешательства в права человека. Наконец, суд отметил, что решение о лишении гражданства может быть обжаловано в суд и, следовательно, подлежит судебному контролю.

12 апреля 2018 г. Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Новгородской области вынесло решение о запрете заявителю въезда в Российскую Федерацию на 35 лет, то есть до апреля 2053 года. Отмечалось, что он представлял угрозу для национальной безопасности и общественного порядка. Заявитель был проинформирован об указанном решении 14 июня 2018 г.

13 августа 2018 г. МВД России уведомило заявителя о необходимости покинуть территорию Российской Федерации до 17 августа 2018 г., учитывая запрет на въезд, установленный в отношении его Федеральной службой безопасности Российской Федерации. Заявитель не выполнил данное требование.

29 ноября 2018 г. сотрудник МВД России составил протокол об административном правонарушении в отношении заявителя за нарушение правил пребывания иностранных граждан в Российской Федерации, а именно за невыполнение приказа МВД России покинуть страну. Дело было передано в районный суд для рассмотрения по существу.

В тот же день 29 ноября 2018 г. суд, принимая во внимание факт лишения заявителя гражданства Российской Федерации, установление в отношении его запрета на въезд и невыполнение им приказа покинуть территорию Российской Федерации, признал его виновным в нарушении части 1.1 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно в «нарушении иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в Российской Федерации». Суд наложил на заявителя административный штраф в размере двух тысяч рублей (29 евро) и вынес постановление о его принудительном административном выдворении за пределы Российской Федерации.

Заявитель немедленно был помещен в центр временного содержания иностранных граждан в ожидании своего административного выдворения. Он обжаловал решение суда, утверждая, что его выдворение нарушит статьи 3 и 8 Конвенции.

10 декабря 2018 г. Европейский Суд удовлетворил ходатайство заявителя о применении обеспечительных мер в соответствии с Правилом 39 Регламента Европейского Суда в связи с его жалобами в рамках статей 3 и 8 Конвенции и предписал властям Российской Федерации не высылать его в Таджикистан в течение всего периода производства в Европейском Суде.

19 декабря 2018 г. районный суд вынес постановление о приостановлении производства по делу о выдворении заявителя на период производства в Европейском Суде. Заявитель продолжал содержаться под стражей.

к оглавлению

Европейский Суд напоминает, что понятие «личная жизнь» по смыслу статьи 8 Конвенции является широким и охватывает, inter alia, право создавать и поддерживать отношения с другими людьми (см. Постановление Европейского Суда по делу «Нимитц против Германии» от 16 декабря 1992 г., пункт 29), право на «личностное развитие» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Бенсаид против Соединенного Королевства», жалоба № 44599/98, пункт 47) и право на самоопределение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Претти против Соединенного Королевства», жалоба № 2346/02, пункт 61).

В Постановлении по делу «Рамадан против Мальты» от 21 июня 2016 г. (жалоба № 76136/12, пункт 84) Европейский Суд постановил, что, хотя ***право на гражданство как таковое не гарантировано Конвенцией или Протоколами к ней, нельзя исключать, что произвольное лишение гражданства при некоторых обстоятельствах может представлять собой проблему с точки зрения статьи 8 Конвенции из-за влияния, которое оно оказывает на личную жизнь соответствующего лица.*** Чтобы установить, возникла ли «проблема» с точки зрения статьи 8 Конвенции, Европейский Суд оценивал, являлось ли лишение гражданства «произвольным», а также оценивал «последствия» такого лишения гражданства для заявителя. В последовавшем за указанным Постановлением Решении по делу «К2 против Соединенного Королевства» от 7 февраля 2017 г., жалоба № 42387/13, пункты 52-64) Европейский Суд признал, что лишение гражданства представляло собой вмешательство, и применил двухуровневый критерий для определения того, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции. Впоследствии в Постановлении по делу «Алпеева и Джалагония против Российской Федерации» (пункты 110-127) Европейский Суд впервые применил ***критерий «последствий»*** для определения того, имело ли место вмешательство в права заявителя, а затем использовал ***критерий «произвольности»*** для определения того, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции. Данный подход был подтвержден в Постановлении Европейского Суда по делу «Ахмадов против Азербайджана» от 30 января 2020 г., жалоба № 32538/10, пункты 46-55). В Постановлении по делу «Гумид и другие против Франции» от 25 июня 2020 г., жалоба № 52273/16 и четыре другие жалобы, пункты 43-44) Европейский Суд постановил, что гражданство является элементом личности лица. Чтобы установить, имело ли место нарушение статьи 8 Конвенции, Европейский Суд рассмотрел, являлось ли лишение заявителя гражданства произвольным. Затем он оценил последствия данной меры для заявителя.

При определении произвольности вмешательства Европейский Суд должен учитывать, ***соответствовала ли оспариваемая мера закону, сопровождалась ли она надлежащими процессуальными гарантиями, включая возможность для лица, лишенного гражданства, оспорить данное решение в суде, представляющем соответствующие гарантии, и действовали ли власти оперативно и старательно*** (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Рамадан против Мальты», пункты 86-89;

к оглавлению

упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «К2 против Соединенного Королевства», пункт 50; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Алпеева и Джалагония против Российской Федерации», пункт 109; и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ахмадов против Азербайджана», пункт 44).

Европейский Суд также напоминает, что ***власти вправе контролировать въезд и пребывание иностранных граждан на своих территориях*** (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» от 28 мая 1985 г., пункт 67; и Постановление Европейского Суда по делу «Бужлифа против Франции» от 21 октября 1997 г., пункт 42). ***Конвенция не гарантирует права иностранных граждан на въезд или проживание в определенной стране,*** и, реализуя свои задачи по поддержанию общественного порядка, Договаривающиеся Стороны ***имеют право выслать, например, иностранного гражданина, осужденного за преступления***. Вместе с тем ввиду того, что их соответствующие решения могут представлять собой вмешательство в право, гарантированное пунктом 1 статьи 8 Конвенции, такие ***решения должны соответствовать закону, преследовать законную цель и быть необходимыми в демократическом обществе*** (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сливенко против Латвии», жалоба № 48321/99, пункт 113; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Юнер против Нидерландов», жалоба № 46410/99, пункт 54; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Де Соуза Рибейро против Франции», жалоба № 22689/07, пункт 77; Постановление Европейского Суда по делу «Мехеми против Франции» от 26 сентября 1997 г., пункт 34; Постановление Европейского Суда по делу «Далия против Франции» от 19 февраля 1998 г., пункт 52; и Постановление Европейского Суда по делу «Бултиф против Швейцарии», жалоба № 54273/00, пункт 46).

Когда затронуты вопросы иммиграции, ***статья 8 Конвенции не может рассматриваться как налагающая на государство обязательство общего характера по уважению выбора супругами страны своего совместного проживания и по разрешению воссоединения семьи на своей территории*** (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гюль против Швейцарии» от 19 февраля 1996 г., пункт 38). Вместе с тем ***выдворение лица из страны, в которой проживают его близкие родственники, может представлять собой вмешательство в право на уважение семейной жизни***, предусмотренное пунктом 1 статьи 8 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бултиф против Швейцарии», пункт 39). Когда дело касается детей, ***должны учитываться наилучшие интересы ребенка***, и принимающие решение органы власти обязаны оценить доказательства относительно практической реализуемости, обоснованности и соразмерности выдворения родителя-иностранца с целью обеспечить эффективную защиту и придать достаточное значение наилучшим интересам детей, непосредственно

к оглавлению

затронутым данной мерой (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Женесс против Нидерландов» от 3 октября 2014 г., жалоба № 12738/10, пункт 109; и Постановление Европейского Суда по делу «Зезев против Российской Федерации» от 12 июня 2018 г., жалоба № 47781/10, пункт 34).

Суд отметил, что поскольку аннулирование российского гражданства заявителя автоматически не повлекло за собой решения о его принудительном выдворении с территории Российской Федерации и поскольку эти вопросы рассматривались в рамках отдельных производств, то Суд рассмотрел эти вопросы также отдельно.

Аннулирование гражданства

Отметив существование различных подходов к рассмотрению данного вопроса, Суд последовал основанному на последствиях подходу при определении того, являлось ли аннулирование гражданства заявителя вмешательством в его права в соответствии со статьей 8 Конвенции. Суд рассмотрел:

(i) каковы были последствия оспариваемой меры для заявителя, а затем

(ii) была ли данная мера произвольной.

(i) Последствия для заявителя

Во-первых, подчеркнул Суд, решение об аннулировании российского гражданства заявителя лишило его какого-либо правового статуса в Российской Федерации.

Во-вторых, отметил Суд, заявитель остался без каких-либо действительных документов, удостоверяющих личность. В Постановлении по делу «Смирнова против Российской Федерации», жалобы № 46133/99 и 48183/99, пункт 97), Европейский Суд установил, что гражданам Российской Федерации приходится предъявлять документ, удостоверяющий личность, необычно часто в их повседневной жизни, даже выполняя такие обыденные задачи, как обмен валюты или приобретение билетов на поезд, и что внутренний паспорт также был необходим для более важных дел, таких, как поиск работы и получение медицинской помощи. В упоминавшемся выше Постановлении по делу «Алпеева и Джалагония против Российской Федерации» (пункты 70 и 114) Европейский Суд также отметил, что отсутствие действительного документа, удостоверяющего личность, влечет наложение административного штрафа в соответствии со статьей 19.15 КоАП РФ. Таким образом, изъятие паспортов в указанных делах было признано вмешательством в личную жизнь заявителей. Аннулирование паспортов заявителя в настоящем деле имело такие же последствия.

Аннулирование гражданства заявителя, не забыл упомянуть Суд, явилось предпосылкой для наложения на него запрета на въезд и принятия решения о его выдворении с территории Российской Федерации.

Аннулирование российского гражданства заявителя являлось равносильным вмешательству в права, закрепленные в статье 8 Конвенции, резюмировал Европейский Суд.

(ii) Была ли мера произвольной

к оглавлению

Как было отмечено выше, при установлении факта произвольности Суд должен проверить, соответствовала ли оспариваемая мера закону; сопровождалась ли она необходимыми процессуальными гарантиями, включая то, была ли предоставлена возможность лицу, лишенному гражданства, обжаловать решение в судах, предоставляющих соответствующие гарантии; и действовали ли органы власти добросовестно и быстро (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Рамадан против Мальты», пункты 86-89; упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «К2 против Соединенного Королевства», пункт 50; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Алпеева и Джалагония против Российской Федерации», пункт 109; и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ахмадов против Азербайджана», пункт 44).

Выражение «в соответствии с законом» требует, согласно сложившейся практике Суда, чтобы мера имела определенную основу во внутреннем законодательстве; оно также относится к качеству рассматриваемого закона, требуя, чтобы он был доступен заинтересованному лицу и предсказуем в отношении его последствий. Закон должен достаточно четко указывать объем дискреционных полномочий, предоставленных компетентным органам, и порядок их осуществления с учетом законной цели рассматриваемой меры, с тем чтобы обеспечить лицу надлежащую защиту от произвольного вмешательства.

Принимая во внимание вышеизложенное, а также с учетом общих принципов Европейский Суд отмечает, что ***лишение или аннулирование гражданства само по себе не противоречит Конвенции***. Чтобы сделать вывод о нарушении статьи 8 Конвенции в настоящем деле, Европейский Суд рассмотрит законность оспариваемой меры, сопутствующие процессуальные гарантии и образ действий властей Российской Федерации.

Суд готов был признать, что аннулирование российского гражданства заявителя имело свое основание в нормах Закона «О гражданстве Российской Федерации» и Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации. Вместе с тем Суд остался неудовлетворенным ясностью соответствующих положений и процессуальными гарантиями внутреннего законодательства, действовавшими в данный период.

По мнению Суда, для удовлетворения требований Конвенции закон должен быть сформулирован в ясных выражениях. Если гражданство лица может быть аннулировано или отозвано за предоставление ложной информации или сокрытие информации этим лицом, то в законе следует указать характер данной информации.

Суд установил, что, возлагая на органы миграционной службы право аннулировать российское гражданство, Положение о рассмотрении вопросов гражданства Российской Федерации в редакции, действовавшей на момент рассматриваемых событий, не требовало от органов власти дачи мотивированного решения, содержащего указание на фактические основания, в соответствии с которыми оно было принято - например, такие сопутствующие обстоятельства,

к оглавлению

как характер отсутствующей информации, причина ее непредоставления органам власти, время, прошедшее с момента получения гражданства, прочность связей, имеющихся у соответствующего лица со страной, его/ее семейное положение и другие важные факторы. В особенности, от них не требовалось объяснение, почему неуказание заявителем точного количества своих братьев и сестер имело отношение к получению российского гражданства. Не было объяснено, могли ли миграционные органы отказать заявителю в предоставлении российского гражданства, если бы им были известны факты о его братьях и сестрах. Миграционный орган и внутригосударственный суд отклонили как не относящийся к делу довод заявителя о том, что отсутствовавшая информация не имела значения для получения российского гражданства.

По мнению властей, после того, как было установлено, что информация, представленная заявителем, являлась неполной, то у властей не было другого выбора, кроме как отменить решение о предоставлении ему российского гражданства, независимо от времени, прошедшего после получения гражданства, прочности связей данного лица с Российской Федерацией, его семейного положения и других факторов. Не было продемонстрировано, что национальные суды должны были учитывать вышеупомянутые факторы как в процессе «об установлении юридического факта», так и в процессе об аннулировании российского гражданства. В деле заявителя суд счел, что довод о его прочных связях с Российской Федерацией не имеет отношения к делу.

Европейский Суд отметил, что действующая на тот момент правовая база способствовала чрезмерно формалистическому подходу к аннулированию российского гражданства и не давала лицу надлежащей защиты от произвольного вмешательства. Последующее совершенствование применимого законодательства не смогло изменить данный вывод, поскольку поправки не оказали никакого влияния на положение заявителя.

С учетом вышеизложенного Суд не смог признать, что аннулирование российского гражданства заявителя удовлетворяло требованиям статьи 8 Конвенции. Власти не продемонстрировали, почему непредставление заявителем информации о некоторых из его братьев и сестер было настолько серьезным, чтобы оправдать лишение российского гражданства через несколько лет после его получения заявителем. В отсутствие направленных на нахождение баланса действий, которые ожидались от национальных органов власти, оспариваемая мера представлялась крайне несоразмерной [непредставлению информации] со стороны заявителя. Таким образом, Суд пришел к выводу, что ***имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с аннулированием российского гражданства заявителя.***

Выдворение заявителя за пределы Российской Федерации

Решение о выдворении заявителя из страны было равносильным «вмешательству» в его право на уважение семейной жизни, подчеркнул Суд.

Судом было установлено, что это вмешательство соответствовало закону, а именно – статье 18.8 КоАП РФ. Административное выдворение было

к оглавлению

дополнительным наказанием за нарушение миграционных правил. Заявитель был признан виновным в неисполнении распоряжения о выезде из страны после того, как тридцатипятилетний запрет на въезд был введен Федеральной службой безопасности на том основании, что он представлял угрозу национальной безопасности.

В этих обстоятельствах и в свете информации, представленной сторонами, Суд должен был принять во внимание производство по делу о наложении запрета на въезд заявителя, которое явилось предпосылкой для принятия решения о его выдворении за пределы Российской Федерации.

Европейский Суд обратил внимание на утверждения властей, что выдворение заявителя и запрет на въезд преследовали законную цель защиты общественной безопасности или порядка. Однако ни они, ни национальные суды не изложили оснований для обвинений служб безопасности в адрес заявителя.

Суд отметил, что даже если цель, преследуемая выдворением заявителя с российской территории, была законной, Суд не смог сделать вывод о том, что оспариваемое вмешательство было соразмерным и, следовательно, необходимым в демократическом обществе. Внутригосударственное разбирательство по поводу запрета на въезд было сосредоточено на вопросе о том, приняла ли Федеральная служба безопасности решение о нем в пределах своей компетенции. Никакой независимой проверки того, имел ли ее вывод действительно разумное основание, суд не проводил. Представляется, что критический аспект дела - смогла ли Федеральная служба безопасности продемонстрировать наличие конкретных фактов, послуживших основанием для ее оценки того, что заявитель представлял угрозу национальной безопасности, - не был, по мнению Суда, изучен содержательным образом. Национальные суды ограничились исключительно формальным рассмотрением решения о тридцатипятилетнем запрете на въезд заявителя в Российскую Федерацию.

Кроме того, продолжил Суд, ни в разбирательстве, касающемся запрета на въезд в Российскую Федерацию, ни в разбирательстве, касающемся административного выдворения заявителя, национальные суды должным образом не сбалансировали затрагиваемые интересы с учетом общих принципов, установленных Судом. В частности, суды не учли следующее:

(i) продолжительность пребывания заявителя в Российской Федерации;

(ii) прочность его профессиональных, социальных, культурных и семейных связей со страной;

(iii) трудности, которые возникли бы у него и его семьи после выдворения заявителя из Российской Федерации; а также наилучшие интересы

и (iv) благополучие его детей.

Простая ссылка на возможность семьи заявителя последовать за ним или остаться в Российской Федерации и получать финансовую поддержку от него, находящегося за рубежом, явно недостаточна для обоснования серьезного вопроса, который был затронут.

к оглавлению

В целом, согласно позиции Суда, в ходе этих двух судебных разбирательств не было убедительно установлено, что угроза, которую заявитель предположительно представлял для национальной безопасности, перевешивала тот факт, что он проживал в Российской Федерации в течение значительного периода времени в семье с гражданкой Российской Федерации, с которой у него было четверо детей, двое из которых родились в Российской Федерации. Это особенно актуально, учитывая, что во время своего пребывания в Российской Федерации заявитель не совершал никаких правонарушений.

Соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции в связи с решением о выдворении заявителя из страны.

Принимая во внимание изложенный выше вывод, Европейский Суд полагает, что нет необходимости рассматривать вопрос о том, соответствовало ли установление в отношении заявителя запрета на въезд требованиям статьи 8 Конвенции.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 8 Конвенции в связи с лишением заявителя гражданства Российской Федерации и с решением о выдворении заявителя с территории Российской Федерации, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 8 Конвенции на установление в отношении него запрета на въезд, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **10 000** евро в качестве компенсации морального вреда.

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

При поступлении в адрес МВД России информации о принятии в отношении иностранных граждан обеспечительных мер в соответствии с правилом 39 Регламента Европейского Суда по правам человека, данные сведения незамедлительно направляются в соответствующие территориальные органы МВД России и вносятся в информационные учеты МВД России в целях недопущения принудительного перемещения иностранных граждан за пределы территории Российской Федерации.

Для оказания методической помощи, а также активизации работы по отдельным направлениям контрольно-надзорной деятельности в сфере миграции в территориальные органы МВД России направляются указания МВД России.

Так, 28 сентября 2020 года направлено указание с разъяснением алгоритма работы с иностранными гражданами, в отношении которых ЕСПЧ приняты обеспечительные меры (исх. № 1/10824).

Указаниями МВД России от 6 июня 2020 г. № 1/6070 и от 14 января 2021 г. № 1/120 территориальным органам МВД России поручено применять дифференцированный подход при рассмотрении вопроса о вынесении решений о неразрешении въезда в Российскую Федерацию на основании подпункта 4 статьи 26 Федерального закона от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из

к оглавлению

Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», в том числе рекомендовано учитывать личность иностранного гражданина, длительность его проживания в Российской Федерации, наличие близких родственников, являющихся гражданами Российской Федерации.

Помимо направления в территориальные органы МВД России указаний, в том числе с разъяснениями алгоритмов работы в сфере миграции, деятельность территориальных органов МВД России организуется посредством проведения совещаний в режиме видеоконференцсвязи, заслушиваний руководителей подразделений территориальных органов МВД России, повышения квалификации сотрудников.

В 2021 года проведены совещания с руководителями подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России. По результатам указанных мероприятий были подготовлены протоколы заслушиваний ряда территориальных органов МВД России с конкретными поручениями по повышению эффективности работы, в том числе по контролю за соблюдением иностранными гражданами миграционного законодательства.

В марте 2021 года на базе ВИПК МВД России в режиме видеоконференции состоялось семинарское занятие по теме: «Меры административного принуждения, применяемые в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства» в целях разъяснения положения действующего законодательства и правоприменительной практики, а также правовых позиций Европейского Суда пор правам человека.

Также в марте 2021 года в филиале Академии управления МВД России «Болшево» в рамках реализации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации начальников (заместителей начальников) подразделений по вопросам миграции центрального аппарата, территориальных органов МВД России на региональном уровне, сотрудников органов внутренних дел, состоящих в кадровом резерве на замещение указанных должностей, проведено семинарское занятие по теме: «Вопросы контрольно-надзорной деятельности подразделений по вопросам миграции», в ходе которого были разъяснены положения действующего законодательства, правоприменительной практики, даны ответы на вопросы.

На базе ВИПК МВД России в режиме видеоконференции проведена лекция с сотрудниками территориальных органов МВД России по теме: «Меры административного принуждения, применяемые в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства», по итогам которой участвующим сотрудникам были разъяснены положения действующего законодательства, правоприменительной практики.

По вопросу о необходимости совершенствования действующего законодательства в части соблюдения прав иностранных граждан и лиц без гражданства при принятии решений о признании беженцами и предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации в МВД России выработана следующая позиция.

к оглавлению

В соответствии с частью 1 статьи 12 Федерального закона от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (далее - Закон о беженцах) постановлением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2001 г. № 274 утвержден Порядок предоставления иностранным гражданам и лицам без гражданства временного убежища на территории Российской Федерации, пунктом 2 которого определена компетенция МВД России на принятие решения о предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства временного убежища на территории Российской Федерации.

Административным регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по рассмотрению ходатайств о признании беженцем на территории Российской Федерации и заявлений о предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 7 ноября 2017 г. № 838, действовавшим на момент подачи указанных жалоб, было предусмотрено, что при рассмотрении ходатайства о признании беженцем по существу (заявления о предоставлении временного убежища) территориальными органами МВД России устанавливается наличие следующих фактов: обстоятельств для признания заявителя беженцем, предусмотренных подпунктом 1 пункта 1 статьи 1 Закона о беженцах; гуманных оснований, требующих временного пребывания заявителя на территории Российской Федерации, до устранения таких причин или изменения правового положения заявителя (при рассмотрении заявления о предоставлении временного убежища); оснований для отказа в признании беженцем (предоставлении временного убежища) (пункт 97 административного регламента). Те же условия учитываются и действующим Административным регламентом, утвержденным приказом МВД России от 11 июня 2019 г. № 736.

Рассмотрение ходатайства о признании беженцем по существу (заявления о предоставлении временного убежища) включает ряд административных процедур: проведение, при необходимости, дополнительных индивидуальных собеседований с заявителем с оформлением опросных листов (дата проведения которых определяется должностным лицом, осуществляющим рассмотрение ходатайства (заявления); всестороннее изучение причин и обстоятельств, сообщенных заявителем в обоснование своего ходатайства о признании беженцем (заявления о предоставлении временного убежища), в том числе информации, содержащейся в материалах предварительного рассмотрения ходатайства, и сведений, представленных заявителем во время дополнительных индивидуальных собеседований; проверка достоверности сведений, сообщенных заявителем и прибывшими с ним членами семьи; получение и использование информации о положении в стране гражданской принадлежности (прежнего обычного местожительства) заявителя.

Таким образом, действующим правовым регулированием в достаточной степени определены обстоятельства, подлежащие установлению при рассмотрении ходатайства о признании беженцами и предоставления временного

к оглавлению

убежища, а также установлен порядок действий должностных лиц при их рассмотрении.

В отношении постановления Европейского Суда по правам человека по жалобе № 25079/19, которым установлено нарушение подпункта «f» пункта 1 и пункта 4 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с незаконным содержанием Ли Ма под стражей в центре временного содержания иностранных граждан (без указания срока такого содержания) и отсутствием у заявителя доступа к периодическому судебному пересмотру его содержания под стражей, полагаем необходимым отметить, что Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 мая 2017 г. № 14-П (далее - Постановление) признал не соответствующими Конституции Российской Федерации нормы статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования они не позволяют разрешать в судебном порядке вопрос о правомерности дальнейшего содержания лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в специальном учреждении при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии на момент рассмотрения данного вопроса фактической возможности исполнения постановления об административном выдворении этого лица за пределы Российской Федерации.

Как предписал Конституционный Суд Российской Федерации в указанном Постановлении, впредь до внесения надлежащих законодательных изменений лицам без гражданства, помещенным в целях обеспечения исполнения назначенного им административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации в специальные учреждения, при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии фактической возможности их выдворения, во всяком случае по истечении трех месяцев со дня принятия постановления о назначении такого наказания, должно быть предоставлено право на обращение в суд с заявлением о проверке законности и обоснованности дальнейшего содержания в соответствующем специальном учреждении.

В целях реализации Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 14-П Правительством Российской Федерации в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен проект федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (№ 306915-7), регламентирующий вопросы установления, продления и приостановления сроков содержания лиц в специальных учреждениях в целях административного выдворения и депортации, а также порядка обжалования соответствующих решений (распоряжение от 4 ноября 2017 г. № 4229-р).

21 декабря 2017 года указанный проект федерального закона принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении.

к оглавлению

Кроме того, 24 августа 2021 года вступил в силу Федеральный закон от 24 февраля 2021 г. № 22-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Указанный федеральный закон предусматривает выдачу лицу, гражданство которого не подтвердило ни одно государство, соответствующего документа, который позволит ему легально находиться на территории Российской Федерации и в последующем в установленном порядке определиться со своим правовым положением. Временный документ лица без гражданства будет выдаваться на основании заключения об установлении личности лица без гражданства и удостоверять личность его владельца.

Что касается вопроса о необходимости внесения изменений, с учетом выводов ЕСПЧ, в законодательство, в том числе в Федеральные законы от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» и Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325, в части введения норм, направленных на обеспечение пропорциональности при применении ограничительных мер в виде отмены решения о предоставлении гражданства Российской Федерации, наложения запрета на въезд на ее территорию и административного выдворения с территории России или совершенствования правоприменительной практике в рассматриваемой области отношений», то необходимо отметить, что поручением Президента Российской Федерации от 6 марта 2020 года № Пр-469 государственным органам власти поставлена задача на основе предложений рабочей группы по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы обеспечить реформирование миграционных режимов и института гражданства Российской Федерации, затрагивающих, в том числе, вопросы отмены решений о приеме в гражданство Российской Федерации, осуществить в этих целях комплексную переработку миграционного законодательства Российской Федерации.

В настоящее время в рамках исполнения плана мероприятий по реализации в 2020-2022 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2019 г. № 265-р, разрабатывается проект новой редакции Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации».

Предлагается закрепить непосредственно в законе перечень сведений, имеющих существенное значение для приема в гражданство Российской Федерации, в целях применения института отмены решений о приеме в гражданство Российской Федерации в связи с предоставлением лицом подложных документов или заведомо ложных сведений, а также положения, предусматривающие невозможность отмены решений о приеме в гражданство Российской Федерации в случае необоснованного применения уполномоченными

к оглавлению

органами той или иной нормы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и добросовестности заявителя.

В частности, в разрабатываемом проекте устанавливается пятилетний срок, по истечении которого решение о приеме в гражданство Российской Федерации не может быть отменено в случае факта предоставления подложных документов или сообщения заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации.

Также в рамках исполнения плана мероприятий МВД России во взаимодействии с иными заинтересованными федеральными органами исполнительной власти осуществляется подготовка проекта нового федерального закона в сфере миграции «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» в соответствии с концепцией, одобренной Заместителем Председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой 22 декабря 2020 года (№ 3-П4-59337).

В рамках данной работы планируется обновить основные правовые инструменты координирования миграционных процессов и повысить эффективность государственного контроля в сфере миграции, в том числе упорядочить институты высылки и ограничений на въезд в Российскую Федерацию иностранным гражданам.

Предполагается более четко урегулировать основания применения мер принуждения, исключить возможность их применения по формальным основаниям или без учета личности иностранного гражданина, его семейного положения, обстоятельств совершения правонарушения.

Также предлагается устранить имеющую место в отдельных случаях излишнюю репрессивность миграционного законодательства, например, исключить возможность лишения права на пребывание (проживание) в Российской Федерации за совершение малозначительных административных правонарушений.

3.9. Постановления Европейского Суда по вопросам нарушениями прав граждан в период проведения контртеррористических операций на территории Чеченской Республики и иных субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа и необеспечением эффективного расследования по соответствующим фактам

1. Постановление Европейского Суда по жалобе № 53074/12 «Ижаева и другие против России», вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года.

Постановлением установлено нарушение материально-правового и процессуального аспекта статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с отсутствием эффективного расследования по фактам исчезновения

к оглавлению

родственников заявителей, а также нарушение статьи 3 Конвенции в отношении заявителей в связи с душевными страданиями, вызванными исчезновением родственников и реакцией органов власти на переживания заявителей.

Заявители являются гражданами России, которые в период рассматриваемых событий проживали в Чеченской Республике и других районах Северного Кавказа. Они являются близкими родственниками лиц, пропавших после предположительно незаконного задержания военнослужащими в ходе спецопераций. После предполагаемых задержаний заявители больше не видели своих пропавших родственников. Их местонахождение остается неизвестным.

Заявители сообщили о похищениях в правоохранительные органы и были начаты официальные расследования. Судебный процесс продолжался в течение нескольких лет без каких-либо ощутимых результатов. Следственным органам так и не удалось установить личности злоумышленников.

Заявители утверждают, что их родственники были похищены и впоследствии убиты представителями государственных органов. В обоснование своих жалоб они ссылаются на следующие факты.

В деле «Ижаева против России» (жалоба № 53074/12) заявитель утверждает: что район, где произошло похищение, находился под исключительным контролем российских федеральных сил, установивших несколько автомобильных контрольно-пропускных пунктов вокруг г. Грозный, что было установлено, что один из автомобилей преступников принадлежал ФСБ, и что преступники могли беспрепятственно пересекать контрольно-пропускные пункты, – а это возможно только для транспортных средств федеральных сил, имеющих специальный пропуск.

В деле «Дибирова против России» (жалоба № 66876/12) заявитель указала, что ее сын уже был арестован сотрудниками правоохранительных органов аналогичным образом в 2006 году, и что в июне 2007 года она получила достоверную информацию о содержании его под стражей в г. Ханкала. Впоследствии эту информацию подтвердил сотрудник Совета безопасности Дагестана Г.Г.

В деле «Исаева против России» (жалоба № 70095/12) заявитель утверждала, что ее сын был одним из двадцати человек, похищенных федеральными силами 26 апреля 2007 года, и что в тот же день в соседнем доме проводилась спецоперация РОВД совместно с ОМОНом. Кроме того, заключение ее сына под стражу было подтверждено Г.Г.

В деле «Ильясова против России» (жалоба № 71667/12) заявитель утверждала, что сами следователи признали, что ее сын был задержан сотрудниками правоохранительных органов, и использовали это в качестве основания для отказа в возбуждении уголовного дела. Она также указала, что преступников было много, что они действовали слаженно и использовали автомобиль, принадлежавший ОМОН.

к оглавлению

Наконец, в деле «Бисултановы против России» (жалоба № 75973/12) заявители указывали на обоснование следователями отказа в возбуждении уголовного дела от 13 июня 2004 года, согласно которому Бисултанов был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Заявители также ссылались на то, что преступление было юридически классифицировано в соответствии со статьей 285 УК – «злоупотребление служебным положением», – и утверждали, что данный факт является четким подтверждением причастности представителей государственных органов к совершению преступления.

Судом установлено, что родственников заявителей следует считать погибшими после несанкционированного задержания представителями государственных органов. В отсутствие какого-либо правдоподобного объяснения со стороны Властей, Суд считает, что ***ответственность за их гибель может нести Государство,*** и что в отношении Арсена Ижаева, Рамаза Дибирова, Исы Исаева, Сулеймана Ильясова и Тимура Бисултанова имело место нарушение статьи 2 Конвенции в ее материальном аспекте.

Изучение Судом материалов, представленных сторонами, позволяет сделать вывод о том, что расследования похищений были неэффективными по следующим причинам.

(а) «Ижаева против России» (жалоба № 53074/12)

Суд отмечает, что расследование по данному делу было очевидно поверхностным и небрежным, так как следователями не был предпринят ряд важных следственных действий. Например, они не проверили информацию о том, что зарегистрированным владельцем одного из автомобилей, использованных преступниками, была войсковая часть ФСБ № 78576, размещенная в г. Грозный. Кроме того, следователи не предпринимали попыток установить личности или допросить служащих «нефтяного полка», предположительно причастных к похищению. Они также не получили регистрационные журналы с контрольно-пропускных пунктов в окрестностях г. Грозный, равно как и данные с мобильного телефона Ижаева. Подобные упущения существенно подорвали эффективность расследования.

В дополнение к изложенному выше Европейский Суд не может не принимать во внимание тот факт, что следователи не выполнили распоряжения своих надзорных органов от 30 октября 2007 года и 7 июля 2008 года, обязывающие их предпринять важные следственные действия.

В целом в отношении производства по делу Европейский Суд отмечает, что оно регулярно прерывалось на основании преждевременных и необоснованных решений о приостановке расследования.

(б) «Дибирова против России» (жалоба № 66876/12) и «Исаева против России» (жалоба № 70095/12)

Европейский Суд отмечает, что расследования по факту похищения Дибирова и Исаева формально как не были связаны с расследованием исчезновения других жителей г. Махачкала, имевших место в тот день, так и не были скоординированы с другими расследованиями. Данное обстоятельство

к оглавлению

могло препятствовать обмену информацией и, наряду с другими недостатками, сделало производство по делу неэффективным.

Суд отмечает, что расследования по обоим делам не были тщательными. Например, следователями систематически не предпринимались важные шаги по делу «Дибирова», в частности, шаги, перечисленные в решении от 25 августа 2008 года. Так, следователи не проверили информацию о регистрационном номере автомобиля преступника, не опросили А.Д., которая предположительно видела Дибирова в месте заключения, не проанализировали данные с мобильного телефона Дибирова, не проверили базу данных неопознанных останков и не проверили заявление Г.Г. о содержании Дибирова под стражей в г. Ханкала. В отношении дела Исаева Европейский Суд отмечает, что уголовное дело было возбуждено со значительной задержкой, и с самого начала следователи не проверили информацию причастности к похищению сотрудников РОВД и ОМОН. Несмотря на утверждения заявителя, они не получили журналы регистрации задержанных отделения милиции г. Махачкала и не взяли образцы ДНК у родственников Исаева, чтобы проверить их по базе данных неопознанных останков. Суд отмечает очевидное нежелание милиции сотрудничать со следователями. Данный формальный подход и нежелание очевидно подрывали эффективность оперативно-розыскных мероприятий и расследования в целом.

Наконец, Суд не может игнорировать тот факт, что в период с 2007 года по 2012 год каждое из расследований приостанавливалось и возобновлялось не менее десяти раз. Ранее Суд уже указывал, что ***подобные преждевременные приостановки в ситуации, в которой не были предприняты жизненно важные меры, подрывают способность следователей выявить и привлечь к ответственности виновных*** (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Огур против Турции», жалоба № 21954/93, пункт 88.

(в) «Ильясова против России» (жалоба № 71667/12)

В отношении этого дела Суд отмечает необъяснимую задержку, допущенную следователями перед осмотром места преступления. Они прибыли в дом заявителя через пять дней после получения заявления о преступлении. Проведенное обследование было формальным и в результате него никаких доказательств собрано не было; таким образом, осмотр места преступления следовало повторить, – однако, повторно он состоялся лишь 24 ноября 2009 года, почти через два месяца после похищения. Данная ошибка привела к неизбежной потере доказательств, исчезающих с течением времени, таких как отпечатки пальцев преступников, отпечатки обуви и следы шин.

Помимо этого, Суд отмечает задержку в возбуждении уголовного дела до 9 ноября 2009 года, т.е. на тридцать семь дней с получения заявления о похищении.

Суд также отмечает, что расследование не соответствовало требованию о тщательности, поскольку следователи не смогли надлежащим образом изучить информацию о принадлежности ОМОН одного из транспортных средств, использованных преступниками, и допросить сержанта А.М., за которым оно

к оглавлению

было закреплено, а также получить список сотрудников, находившихся на службе в ОМОН в Чечне, и изучить журналы выезда транспортных средств ОМОН. Очевидно, данные важные действия не были предприняты, несмотря на прямые распоряжения руководства следователей от 2 октября 2013 года. Суд отмечает, что систематический отказ ОМОН отвечать на запросы органов следствия не может служить оправданием для бездействия следователей, а, наоборот, должен был способствовать расширению их активности. Кроме того, в материалах, имеющихся в распоряжении Суда, не содержится сведений об анализе следователями данных с телефона Ильясова, полученных от оператора мобильной связи, или отборе ими образцов ДНК у его родственников для проверки базы данных неопознанных останков.

(г) «Бисултановы против России» (жалоба № 75973/12)

Суд отмечает, что в ходе осмотра места преступления 22 мая 2004 года следователями не было собрано никаких доказательств, и 7 сентября 2004 года, через несколько месяцев после происшествия, они провели его повторно ввиду того, что первоначальный осмотр носил поверхностный характер.

Суд также отмечает, что следователи возбудили уголовное дело по факту происшествия лишь через двадцать пять дней после получения заявления о похищении, — что нельзя считать оперативным ответом. Через два месяца расследование было приостановлено ввиду невозможности установить личности преступников. Данное решение было явно преждевременным, поскольку ключевые следственные меры не были приняты.

Несмотря на то, что дело было возбуждено по статье «злоупотребление служебным положением», следователи не предприняли никаких реальных попыток расследовать этот аспект преступления. Они проигнорировали заявление П.С. о том, что преступники отвезли Бисултанова в Шпаковский РОВД. Следователи не получили журналы регистрации задержанных, не допросили сотрудников милиции, дежуривших в отделе, и лиц, содержавшихся под стражей в отделе милиции в день происшествия. Кроме того, из материалов, находящихся в распоряжении Суда, очевидно, что следователи не предпринимали добросовестных попыток установить личность зарегистрированного владельца красного автобуса ПАЗ или проверить, имел ли Бисултанов при себе мобильный телефон. Они не получили ни данных относительно номера его мобильного телефона, ни данных относительно телефона, изъятого преступниками. Наконец, как и в других рассматриваемых делах, следователи не взяли образец ДНК у родственников Бисултанова для проведения сравнительной проверки базы данных неопознанных останков.

В отношении общего характера производства Суд отмечает, проведение рутинных брифингов период с 2006 года по 2016 год (см. пункт 186 выше). Одинаковое содержание протоколов этих брифингов свидетельствует об отсутствии содержательной оценки хода рассмотрения дела или планирования следственных действий.

к оглавлению

В свете вышеизложенного, принимая во внимание отсутствие каких-либо ощутимых результатов проводимых расследований, Суд считает весьма сомнительным, что какие-либо жалобы заявителей на решения следователей могли бы способствовать ускорению расследования или эффективно повлиять на его ход, особенно с учетом нежелания следователей активно вести производство. Соответственно, Суд считает, что ***указанное Властями средство правовой защиты являлось неэффективным в обстоятельствах настоящего дела***, и отклоняет их возражение в отношении неисчерпания заявителями внутригосударственных средств правовой защиты в контексте данных уголовных расследований.

Учитывая вышеизложенное, Суд считает, что органами власти не было проведено эффективное уголовное расследование в обстоятельств исчезновения Арсена Ижаева, Рамаза Дибирова, Исы Исаева, Сулеймана Ильясова и Тимура Бисултанова в нарушение статьи 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте.

Заявители по делам «Ижаева» (жалоба № 53074/12), «Дибирова» (жалоба № 66876/12), «Исаева» (жалоба № 70095/12) и «Ильясова» (жалоба № 71667/12), ссылаясь на статью 3 Конвенции, утверждали, что в результате исчезновения их сыновей и неспособности Государства расследовать эти исчезновения должным образом они перенесли душевные страдания в нарушение статьи 3 Конвенции.

Суд неоднократно приходил к выводу о том, что ***в ситуации насильственного исчезновения близкие родственники потерпевшего сами могут являться жертвами обращения, противоречащего статье 3 Конвенции***. Суть подобного нарушения заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции органов власти и их позиции в отношении происшествия после того, как им стало о нем известно (см. постановление от 18 июня 2002 года по делу «Орхан против Турции», жалоба № 25656/94, пункт 358, и постановление по делу «Имакаева против России», жалоба № 7615/02, пункт 164).

Суд также отмечает, что ***на протяжении нескольких лет ни один из заявителей не получал никаких известий о пропавших сыновьях или каких-либо правдоподобных объяснений или информации о том, что происходило с ними после ареста.***

Таким образом, Суд приходит к выводу о наличии нарушения статьи 3 Конвенции в отношении заявителей по делам «Ижаева» (жалоба № 53074/12), «Дибирова» (жалоба № 66876/12), «Исаева» (жалоба № 70095/12) и «Ильясова» (жалоба № 71667/12).

Суд неоднократно постановлял, что несанкционированное задержание представляет собой полное пренебрежение гарантиями статьи 5 Конвенции и является крайне серьезным нарушением ее положений (см. постановление Европейского Суда от 27 февраля 2001 года по делу «Чичек против Турции», жалоба № 25704/94, пункт 164, постановление Европейского Суда по делу «Лулуев и другие против России», жалоба № 69480/01, пункт 122). Кроме того, Суд подтверждает, что, поскольку было установлено, что Арсен Ижаев, Рамаз

к оглавлению

Дибиров, Иса Исаев, Сулейман Ильясов и Тимур Бисултанов ***содержались под стражей представителями государственных органов, при очевидном отсутствии как каких-либо законных оснований, так и признания факта такого содержания, нарушения в отношении этих лиц являются особо серьезными нарушениями права на свободу и личную неприкосновенность, закрепленного статьей 5 Конвенции***.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в материально-правовом и процессуальном аспекте, статьи 3 Конвенции в связи с душевными страданиями, вызванными исчезновением родственников и реакцией органов власти на переживания заявителей, статьи 5 Конвенции в отношении родственников заявителей в связи с их незаконным задержанием, и обязал государство-ответчика выплатить каждому заявителю по **80 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **379 000** евро.

2. Постановление Европейского Суда по жалобе № 51119/15 «Гадаев и другие против России», вынесено и вступило в силу 14 января 2020 года.

Постановлением установлено нарушение статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения родственника заявителей.

Первый и второй заявители являются родителями Анзора Гадаева, 1983 года рождения. Третий, четвертый и пятый заявители являются его братьями и сестрами. Они проживают в селе Мескер-Юрт, Чечня.

5 августа 2008 года группа вооруженных людей в камуфляжной форме ворвалась в дом заявителей и похитила Анзора Гадаева, угрожая оружием. С тех пор его местонахождение остается неизвестным.

Сразу после похищения первый заявитель сообщил об этом инциденте в Шалинский районный отдел внутренних дел. Вскоре после этого сотрудник РОВД осмотрел место преступления и изъял оставленную преступниками гильзу.

18 августа 2008 года Шалинский межрайонный следственный комитет возбудил уголовное дело № 45018 по части 2 статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации (похищение человека при отягчающих обстоятельствах).

Вскоре после этого следователи направили в Министерство внутренних дел Чеченской Республики и в районные отделы внутренних дел Чечни запросы о том, задерживали ли они Анзора Гадаева. Все эти органы ответили, что они не задерживали его.

26 декабря 2008 года расследование было приостановлено. Впоследствии расследование возобновлялось 11 января, 16 февраля и неустановленный день в 2009 году, а также 25 марта 2014 года и 14 января 2015 года; затем оно приостанавливалось 11 февраля, 17 марта и 30 апреля 2009 года и 25 апреля 2014 года соответственно.

к оглавлению

Ссылаясь на положения статьи 2 Конвенции, заявители жаловались на то, что их родственник, Анзор Гадаев, был похищен и впоследствии лишен жизни представителями государства, и что внутригосударственные органы власти не провели эффективного расследования по данному факту. Они также утверждали об отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты в отношении вышеуказанных нарушений.

Суд уже рассмотрел ряд дел, касающихся утверждений об исчезновениях на Северном Кавказе России. Он пришел к выводу о том, что ***заявителям достаточно предоставить prima facie доказательства того, что похищение было совершено представителями государства, и, следовательно, похищенные находились под контролем властей; затем Власти должны снять с себя бремя доказывания, предоставив документы, находящиеся в их исключительном распоряжении, либо представив достаточное и убедительное объяснение относительно произошедших событий*** (см., к примеру, постановление Европейского Суда от 14 марта 2013 года по делу «Алпату Исраилова против России», жалоба № 15438/05, и постановление Европейского Суда от 12 июня 2012 года по делу «Умаровы против России», жалоба № 2546/08). Если Власти не смогут опровергнуть данное предположение, это повлечет нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции. И наоборот, если заявители не могут представить prima facie доказательства, то бремя доказывания не могло быть переложено на Власти (см., например, постановление Суда от 17 июня 2010 года по делу «Товсултанова против России», жалоба № 26974/06; постановление Суда от 15 марта 2011 года по делу «Цечоев против России», жалоба № 39358/05; и постановление Суда от 3 мая 2012 года по делу «Шафиева против России», жалоба № 49379/09).

Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что внутригосударственные суды не провели оценку доказательств. Следовательно, Суд должен оценить обстоятельства дела в том виде, в котором они были представлены сторонами.

Прежде всего, следует отметить, что утверждение заявителей о том, что их родственник был похищен представителями государства, было основано главным образом на предположении, что на территории ОВД по г. Аргун находился автомобиль преступников ВАЗ 2107, как об этом утверждал отец С.И и что милиция оказала чрезмерное давление на свидетелей во время допроса, проведенного 9 августа 2008 года. Однако, по мнению Суда, ***эти доказательства не являются достаточно серьезными, чтобы убедительно доказать, что похищение было совершено представителями государства***.

Это мнение Европейского Суда подтверждается тем фактом, что ***преступники были в гражданской одежде и использовали гражданские транспортные средствах*** (см. постановление Суда от 21 июня 2016 года по делу «Ибрагим Цечоев против России», жалоба № 18011/12, пункт 58, в котором похитители были в гражданской одежде, и сравните с постановлением Комитета от 4 июля 2019 года по делу «Абубакарова и другие против России», жалоба

к оглавлению

№ 867/12 и 9 других жалоб, пункты 9, 10, 28, 77, 116, 132 и 151; постановлением Комитета от 28 мая 2019 года по делу «Хамхоева и другие против России», жалоба № 6636/09 и 9 других жалоб, пункт 124, и постановлением Комитета от 28 мая 2019 года по делу «Исаева и другие против России», жалоба № 53075/08 и 9 других жалоб, пункты 81, 127, 183, 198 и 212, ***в которых похитители были в камуфляжной форме и использовали военную технику***). Они не представились сотрудниками правоохранительных органов, а заявили, что были бывшими сокамерниками Анзора Гадаева (см., в качестве противоположного примера, постановление Комитета от 22 января 2019 года по делу «Кукурхоева и другие против России», жалоба № 50556/08 и 9 других жалоб, пункт 101, и постановление Комитета от 22 января 2019 года по делу «Тазуева и другие против России», жалоба № 36962 и 9 других жалоб, пункт 106, ***в которых похитители назвались представителями государства***). Инцидент произошел ночью, что указывает на то, что ***преступники не действовали открыто*** (в отличие от дела «Эдилова против России», жалоба № 14662/07, пункты 9 и 96, 28 февраля 2012 года, в котором инцидент произошел днем). Следует также отметить, что ни С.И., ни И.Г. не утверждали, что к событиям, произошедшим 5 августа 2008 года, были причастны представители государства.

Наконец, Суд не может упустить из виду тот факт, что в заявлении о похищении, поданном в следственные органы, первый заявитель не утверждал, что его сын был задержан сотрудниками правоохранительных органов.

С учетом изложенного выше Суд не может сделать вывод о том, что бремя доказывания должно быть переложено на Власти. Суд считает, что ***в настоящем деле причастность представителей государства к похищению Анзора Гадаева не была доказана в соответствии со стандартом доказывания «вне разумного сомнения».***

В подобных обстоятельствах Суд ***не находит нарушения*** материального аспекта статьи 2 Конвенции.

Суд отмечает, что ***некоторые из следственных мер носили чисто формальный характер.*** Например, сотрудник милиции, который осмотрел место преступления 6 августа 2008 года, не заметил оставленную преступниками гильзу. Ее позже нашел первый заявитель и передал ее следователям. Без какой-либо видимой причины следователи, которые осматривали место преступления, не сделали фотографий этого места, хотя это считалось обычной практикой. Кроме того, из материалов дела следует, что следователи не смогли проверить, имелись ли в автомобиле ВАЗ 2107 отпечатки пальцев, отпечатки обуви или другие физические следы, оставленные преступниками. Это было серьезным упущение, который лишил следствие потенциально важных доказательств.

Кроме того, Суд отмечает, что следователи ***не провели такие основные мероприятия, как*** (в частности) (i) проверка того, был ли ОВД г. Аргун оборудован камерами видеонаблюдения, которые могли записать события, произошедшие 5 августа 2008 года, или (ii) получение данных с мобильных телефонов похищенных мужчин или информации ГИБДД об автомобилях,

к оглавлению

которые проезжали через контрольно-пропускные пункты 5 августа 2008 года. Не было предпринято никаких попыток взять образец ДНК у родственника Анзора Гадаева, чтобы проверить наличие совпадений в базе данных ДНК неопознанных трупов. Не было предпринято серьезных попыток разрешить противоречия в показаниях свидетелей относительно места похищения С.И. и И.Г.

Что касается общего хода разбирательства, то Европейский Суд отмечает, что расследования по факту похищения (i) Анзора Гадаева и (ii) И.Г. и С.И. более одного года велись параллельно, пока они не были объединены в одно производство 2 декабря 2009 года. Это ***привело к ненужному дублированию следственных действий и создало риск того, что важные обстоятельства, установленные в рамках одного из производств, будут проигнорированы в контексте другого.***

Наконец, Суд не может не обратить внимания на тот факт, что ***расследование неоднократно приостанавливалось и возобновлялось***. Такое преждевременное приостановление в ситуации, в которой не были приняты важные меры, указанные вышестоящим органом, отрицательно сказалось на способности следователей по выявлению и преследованию лиц, причастных к совершению преступления (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Огур против Турции», жалоба № 21954/93, пункт 88).

В свете ***серьезности вышеуказанных недостатков*** (которые лишили расследование необходимой тщательности) ***и принимая во внимание отсутствие каких-либо ощутимых результатов,*** Суд считает, что власти не провели эффективное расследование обстоятельств, связанных с похищением Анзора Гадаева, в нарушение процессуального аспекта статьи 2 Конвенции

Заявители жаловались на нарушение статьи 3 Конвенции в связи с душевными страданиями, причиненными им похищением Анзора Гадаева, и на нарушение статьи 5 Конвенции в связи с незаконностью его содержания под стражей.

Суд отмечает, что ***в настоящем деле причастность государственных органов к похищению Анзора Гадаева не была доказана в соответствии с необходимым стандартом доказывания «вне разумного сомнения»***. В отсутствие выводов об ответственности Государства, Суд не убежден в том, что поведение следственных органов, хотя и было небрежным до такой степени, что это нарушило статью 2 Конвенции в ее процессуальном аспекте, могло само по себе причинить заявителю душевные страдания, превышающие минимальную степень жестокости, необходимую для того, чтобы такое обращение попадало под действие статьи 3 (аналогичную ситуацию см. в упоминаемом выше постановлении от 3 мая 2012 года по делу «Шафиева против России», пункт 103; постановление Суда от 28 мая 2009 года по делу «Хумайдов и Хумайдов против России», жалоба № 13862/05, пункты 130-31; и постановление Суда от 8 января 2009 года по делу «Закриева и другие против России», жалоба № 20583/04, пункты

к оглавлению

97-98). Следовательно, ***в данной части жалоба подлежит отклонению*** в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

Суд также отмечает, что в деле ***нет достаточных доказательств,*** позволяющих сделать вывод о том, ***что Анзор Гадаев когда-либо находился в непризнанном заключении под контролем представителей государства***. Таким образом, Суд считает, что данная часть жалобы подлежит отклонению как несовместимая ratione personae и ***должна быть признана неприемлемой*** в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции (аналогичные выводы см. в упоминаемом выше постановлении по делу «Шафиева против России», пункт 110. и в упоминаемом выше постановлении по делу «Товсултанова против России», пункт 111).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле не было допущено нарушения материального аспекта статьи 2 Конвенции, а также постановил, что власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения Анзора Гадаева, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить **26 000** евро заявителям совместно в качестве компенсации морального вреда.

3. Постановление Европейского Суда по жалобе № 18988/16 «Шайтилаева и Дышнеева против России», вынесено и вступило в силу 17 декабря 2019.

Постановлением установлено нарушение статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения родственников заявителей.

Заявители являются гражданами России, которые в период рассматриваемых событий проживали в Республике Дагестан и в Республике Ингушетия, которые находятся по соседству с Чечней. Они являются матерями двух мужчин, которые исчезли в этих регионах в 2012 году. С тех пор заявители не получали никаких известий о своих пропавших сыновьях. В каждом случае власти начали расследование дела по факту исчезновения, оба расследования до сих пор не завершены.

Заявитель Айшат Шайтилаева является матерью Хайрулаева, 1984 года рождения.

Заявитель и ее сын Адам Хайрулаев проживали вместе в селе Комсомольское в Кизилюртовском районе Дагестана. Несколько раз до 2012 года Адама Хайрулаева задерживали по подозрению в террористической деятельности, и полиция обыскивала его дом. Примерно 1 августа 2012 года был убит участковый уполномоченный полиции. По словам заявителя, полиция подозревала Адама Хайрулаева в причастности к преступлению.

к оглавлению

4 августа 2012 года Адам Хайрулаев и еще четыре человека сидели на скамейке перед домом 31 на улице Кавказская в селе Комсомольское, когда к ним подъехала группа из семи-девяти вооруженных мужчин в балаклавах, камуфляжной форме и военной одежде. Угрожая оружием, они заставили всех лечь на землю, а затем усадили сына заявителя в один из своих автомобилей и уехали.

Сразу после похищения брат Адама Хайрулаева Магомед Х. поехал домой, где он забрал заявителя; затем они отправились в Хасавюртовский РОВД и в местную прокуратуру. Сотрудники полиции отказали им в подаче официального заявления о похищении.

В тот же день, 4 августа 2012 года, Магомед Х. и заявитель вернулись в Хасавюртовский РОВД, где их заявление о похищении Адама Хайрулаева было официально зарегистрировано.

В тот же день, 4 августа 2012 года, полиция допросила Магомеда Х., который заявил, что узнал о похищении своего брата от очевидца Курбана И.; кроме того, он утверждал, что преступники являлись сотрудниками правоохранительных органов из Кизилюртовского РОВД, так как ранее они задерживали его брата по подозрению в том, что он является сторонником радикального религиозного движения.

6 августа 2012 года Кизилюртский межрайонный следственный отдел возбудил уголовное дело № 207216 по статьям 126 и 222 УК РФ.

Из представленных документов следует, что в период с 6 ноября 2012 года по 26 ноября 2015 года следователи не предприняли никаких существенных шагов, кроме отправки запросов о предоставлении информации и помощи в розыске Адама Хайрулаева. Расследование приостанавливалось и возобновлялось не менее пяти раз, и при этом никаких мер не принималось.

Заявитель Маднят Дышнеева является матерью Хусейна Бадургова, 1987 года рождения.

В конце мая или начале июня 2012 года Хусейн Бадургов был задержан и допрошен сотрудниками полиции г. Магаса по подозрению в причастности к экстремистской деятельности. В начале июля 2012 года он вместе с семьей переехал из Орджоникидзевской в г. Грозный, Чечня, который находится на расстоянии 45-50 километров.

10 июля 2012 года Бадургов вышел из своего дома в Грозном и отправился на собеседование с работодателем, после этого собеседования он пропал. Рядом с местом собеседования видели двух людей в камуфляжной форме, которые спрашивали о Хусейне Бадургове.

12 июля 2012 года отец Бадургова, В.Б., пожаловался властям на исчезновение его сына и потребовал возбудить уголовное дело. В своей жалобе он также заявил, что его сын мог быть задержан сотрудниками правоохранительных органов.

10 сентября 2012 года Ленинский районный отдел Следственного комитета г. Грозного возбудил уголовное дело № 10050 по статье 105 УК РФ (убийство).

к оглавлению

Впоследствии расследование неоднократно приостанавливалось, а затем снова возобновлялось, каждый раз по распоряжению начальства следователей, после их критики в связи с бездействием и многочисленными процессуальными нарушениями со стороны следователей. В частности, расследование было приостановлено 4 марта, 12 мая, 21 июня, 14 сентября и 7 ноября 2013 года и 3 мая и 18 декабря 2014 года и возобновлено 8 апреля, 22 мая, 14 августа, 7 октября и 10 декабря 2013 года, в неустановленный день в 2014 году и 20 февраля 2015 года, и вновь приостановлено 5 июня 2015 года.

Краткое изложение общих принципов, отражающих подход Суда к рассмотрению утверждений о нарушении процессуального аспекта статьи 2 Конвенции, приводится в постановлении Большой Палаты от 14 апреля 2015 года по делу «Мустафа Тунч и Феджире Тунч против Турции», жалоба № 24014/05, пункты 169-82, в постановлении Суда от 17 июля 2018 года по делу «Мазепа и другие против России», жалоба № 15086/07, пункты 69-70 и 74).

Суд отмечает ряд сходств в подходе следователей к соответствующим расследованиям исчезновений сыновей заявителей.

Суд отмечает, что заявители и их родственники, а также очевидцы соответствующих инцидентов с самого начала расследования утверждали, что ***исчезнувшие мужчины уже задерживались сотрудниками правоохранительных органов и что они подозревают их в причастности к исчезновению***. Тем не менее, несмотря на эти последовательные утверждения, в обоих делах не было принято никаких существенных мер для проверки этой информации.

Из представленных документов следует, что, несмотря на постоянные требования заявителей или их родственников принять основные меры (такие как сбор доказательств или проверка предоставленной информации), следственные органы не принимали эти меры.

Кроме того, Суд отмечает постоянный отказ следователей принять основные меры и их постоянное невыполнение отданных приказов, за что они несколько раз подвергались критике со стороны своего начальства и соответствующих надзорных органов. Однако, как следует из материалов дела, несмотря на явное нежелание следователей выполнить данные им указания, их начальство не предприняло никаких мер для обеспечения их выполнения, за исключением повторения этих указаний.

Учитывая недостатки в вышеупомянутых расследованиях и отказ Властей прокомментировать эти недостатки, Суд считает, что власти ***не провели эффективное расследование обстоятельств исчезновения*** Адама Хайрулаева и Хусейна Бадургова в нарушение процессуального аспекта статьи 2.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить каждому

к оглавлению

заявителю по **26 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **54 000** евро.

4. Постановление Европейского Суда по жалобе № 46935/18 «Елхороев против России», вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с исчезновением Залины Елхороевой, процессуального аспекта статьи 2 Конвенции в связи с тем, что власти не провели эффективного расследования по факту исчезновения Елхороевой, статьи 3 Конвенции в связи с причиненными заявителю душевными страданиями, а также нарушение статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием Елхороевой под стражей

Заявитель является отцом Залины Елхороевой, 1980 года рождения.

18 ноября 2010 года ее брат Т.Е. (сын заявителя) был задержан сотрудниками правоохранительных органов по подозрению в участии в незаконных вооруженных формированиях. Он был доставлен в следственный изолятор в г. Владикавказе, Северная Осетия-Алания, находящийся примерно в сорока пяти километрах от г. Карабулака. 1 декабря 2010 года он был доставлен в военный госпиталь во Владикавказе в связи с огнестрельными ранениями, предположительно нанесенными сотрудниками правоохранительных органов во время его задержания.

Около 11:00 22 декабря 2010 года Елхороева отправилась в больницу, чтобы навестить своего брата. Палату круглосуточно охраняли сотрудники правоохранительных органов. Это был четвертый или пятый визит Елхороевой к ее брату в больницу.

В представленных документах указано, что, хотя Елхороева, Л.Е. и адвокат находились с Т.Е., сотрудник Федеральной службы безопасности провел опознание (на русском языке), показывая ему фотографии. В ходе опознания Елхороева посоветовала своему брату на ингушском языке никого не опознавать, поскольку это не было в его интересах. Адвокат Б. пробыла в палате еще какое-то время, а затем ушла, в то время как Елхороева и Л.Е. остались там.

Около 16:00 того же дня, когда такси со всеми пассажирами возвращалось в Ингушетию, его заблокировали четыре бронированных автомобиля УАЗ и один автомобиль ВАЗ-2114 серебристого цвета. Произошло это вблизи села Новое Пригородного района Северной Осетии, примерно в двадцати пяти километрах от г. Карабулака и в нескольких сотнях метров от КПП «Черменский круг». Из автомобилей вышла группа, состоявшая примерно из шести вооруженных мужчин в камуфляжной форме и масках. Они говорили по-русски без акцента и были одеты в камуфляжную форму или форму ГАИ. Некоторые из них были вооружены автоматами.

к оглавлению

Эти мужчины приказали всем выйти из машины и показать свои документы. Когда они узнали, кем была Елхороева, они посадили ее в автомобиль ВАЗ-2114 и уехали. Остальные мужчины приказали таксисту, Б. и Л.Е. ехать на ближайший КПП и ждать там Елхороеву. На вопрос, кто они такие, мужчины ответили, что они из ФСБ и Главного разведывательного управления.

Прождав возвращения Елхороевой около получаса, Л.Е., водитель такси и Б. покинули КПП. Б. взяла такси и поехала домой, а Л.Е. и таксист поехали в соседнее село Майское (также пишется Майский) в Северной Осетии, расположенное на границе с Ингушетией. Л.Е. подала в местное отделение милиции официальную жалобу на похищение Елхороевой. Водитель такси Г. подтвердил ее показания. Когда Л.Е. находилась в отделении милиции, ей на мобильный телефон позвонила адвокат, которая сказала ей, что Елхороева, скорее всего, содержится в правоохранительном органе в г. Магасе, Ингушетия. Из представленных документов следует, что жалоба, поданная в РОВД с. Майского, не была должным образом зарегистрирована.

24 декабря 2010 года заявитель подал в милицию г. Назрани, Ингушетия, официальную жалобу на похищение его дочери сотрудниками правоохранительных органов.

18 января 2011 года милиция Назрани передала жалобу заявителя на похищение от 24 декабря 2010 года в Следственный отдел по Пригородному району следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Северной Осетии. 7 февраля 2011 года возбуждено уголовное дело № 21/1648 по части 1 статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации.

7 сентября 2011 года расследование уголовного дела было приостановлено в связи с невозможностью установить личности преступников.

Заявитель утверждал, что его дочь Залина Елхороева была похищена представителями государства и что власти не провели эффективного расследования по этому делу.

Краткий обзор ***принципов соблюдения шестимесячного срока в делах, касающихся исчезновения людей,*** изложен в постановлении Суда от 9 октября 2014 года по делу «Султыгов и другие против России» (жалобы №№ 42575/07 и 11 других жалоб, пункты 369‑74).

Из представленных документов следует, что расследование уголовного дела по факту исчезновения Елхороевой началось примерно за семь с половиной лет до подачи жалобы в Суд.

Из документов также следует, что заявитель подал жалобу властям вскоре после исчезновения его дочери, дал следователям подробные показания и предпринял другие шаги, такие как обращение с жалобами к начальству следователей и к национальным судам в попытках ускорить производство, несмотря на отсутствие информации о ходе расследования.

Учитывая общие сроки подачи жалобы в Суд (см. постановление Большой Палаты по делу «Варнава и другие против Турции», жалоба № 16064/90 и 8 других

к оглавлению

жалоб, пункт 165), а также ***активную позицию заявителя в разбирательстве, Суд не считает, что отсутствие прогресса в расследовании исчезновения его дочери имело место по вине заявителя или может быть истолковано как отказ с его стороны проявить должное усердие или как несоблюдение требования о шестимесячном сроке*** (в качестве противоположного примера см. решение Суда от 31 мая 2016 года по делу «Дошуева и Юсупов против России», жалоба № 58055/10).

В свете вышесказанного Суд считает, что требование шестимесячного срока было соблюдено заявителем.

Суд отмечает, что он уже рассмотрел ряд дел, касающихся утверждений об исчезновениях на Северном Кавказе. Суд пришел к выводу, что ***заявителям достаточно предоставить наличие достаточно серьезного доказательства похищения представителями государства пропавших лиц, которые в результате оказались под контролем властей, и затем Власти должны снять с себя бремя доказывания, предоставив документы, находящиеся в их исключительном распоряжении, либо представив достаточное и убедительное объяснение касательно произошедших событий*** (см., например, постановление Суда от 12 июля 2016 года по делу «Алиев и Гаджиева против России», жалоба № 11059/12, и постановление Суда от 28 августа 2018 года по делу «Алихановы против России», жалоба № 17054/06, а также в отношении похищении женщины представителями государства на КПП постановление Комитета от 21 января 2020 года по делу «Джалилов против России», жалоба № 11499/14). ***Если Власти не смогли опровергнуть данную презумпцию, то это влечет нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции. И наоборот, если заявители не смогли представить наличие достаточно серьезного доказательства, то бремя доказывания не может быть переложено на Власти*** (см., например, постановление Суда от 3 мая 2012 года по делу «Шафиева против России», жалоба № 49379/09, пункт 71).

Подчеркнутые заявителем подробности дела позволяют предположить, что похищение Елхороевой было совершено представителями государства. Группа вооруженных мужчин в камуфляжной форме усадила ее в автомобиль после того, как ее остановил сотрудник ГАИ возле КПП. Очевидцы, которые в то время находились рядом с дочерью заявителя, подтвердили эту версию событий в своих показаниях, данных следователям.

Несмотря на наличие доказательств, подтверждавших утверждения заявителя относительно обстоятельств похищения его дочери, ***похоже, что власти не желали активно расследовать это дело. Этого достаточно, чтобы Суд пришел к выводу о том, что заявитель представил достаточно серьезные доказательства того, что Елхороева была похищена представителями государства***.

С момента задержания дочери заявителя в декабре 2010 года никаких достоверных сведений о ней не поступало. Ситуацию, когда лицо задерживается представителями государства без какого-либо последующего признания

к оглавлению

задержания, а затем отсутствует в течение нескольких лет, можно рассматривать как угрожающую жизни. Отсутствие Елхороевой и каких-либо сведений о ней в течение более чем девяти лет подтверждает данное предположение.

Таким образом, Суд считает, что Елхороева должна считаться умершей после ее неподтвержденного задержания представителями государства.

Суд неоднократно признавал, что ***ситуация с принудительным исчезновением приводит к нарушению статьи 3 Конвенции в отношении близких родственников жертвы***. Суть такого нарушения заключается не столько в самом факте «исчезновения» члена семьи, сколько ***в реакции властей и в их отношении к ситуации после того, как она была доведена до их сведения*** (см. постановление Суда от 18 июня 2002 года по делу «Орхан против Турции», жалоба № 25656/94, пункт 358, и постановление Суда по делу «Имакаева против России», жалоба № 7615/02, пункт 164).

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в материальном и процессуальном аспекте, статьи 3 Конвенции, статьи 5 Конвенции, а также постановил, что отсутствует необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 13 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить заявителю **80 000** евро в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **83 400** евро.

5. Постановление Европейского Суда по жалобе № 32400/12 «Данилины против России», вынесено и вступило в силу 6 октября 2020 года.

Постановлением установлено нарушение материального аспекта статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в связи с исчезновением Тимура Данилина, процессуального аспекта статьи 2 Конвенции в связи с непроведением эффективного расследования обстоятельств исчезновения Тимура Данилова, нарушение статьи 3 Конвенции в связи с душевными страданиями, причиненными заявительницам, статьи 5 Конвенции в связи с незаконным содержанием Данилина под стражей, а также постановил, что не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции в связи с предполагаемым жестоким обращением с Данилиным.

Заявительницы являются женой и матерью Тимура Данилина, 1977 года рождения. В рассматриваемых событий заявительницы и Данилин проживали в г. Махачкале Республики Дагестан.

Утром 25 марта 2012 года Данилин отвез первую заявительницу на работу на своем автомобиле ВАЗ-2109. Он должен был забрать ее с работы в 13:00 того же дня. Однако он не приехал. Первая заявительница пыталась позвонить ему, но безуспешно.

Вечером первая заявительница и ее родственники начали поиски Данилина. Примерно в 22:00 первой заявительнице позвонили с незнакомого номера; это был

к оглавлению

Данилин, который сказал, что его избили, отобрали у него автомобиль и мобильный телефон и что ему нужна помощь. Затем другой человек, представившийся сотрудником полиции из села Новолак, сказал заявительнице принести 50 000 рублей (около 1 300 евро) в отделение полиции этого села в обмен на освобождение Данилина. Когда ближе к вечеру первая заявительница и около десяти ее родственников прибыли туда, сотрудники полиции в отделении отрицали, что им известно о местонахождении Данилина, и потребовали, чтобы они вернулись домой, иначе они будут «также задержаны».

По словам заявительниц, через несколько дней жители Новолака сообщили им следующее. Примерно в 21:30 25 марта 2012 года Данилина видели жестоко избитым во дворе на улице Ленина в Новолаке. Он разговаривал с Л.А., его матерью и старшим братом. Затем проходивший мимо участковый Г.А. спросил его, что случилось. Данилин сказал ему, что его избили, и что у него отобрали машину и телефон.

Затем сотрудник Г.А. вызвал полицию, которая прибыла через несколько минут. Из полицейского автомобиля УАЗ вышли сотрудник полиции Р.Х. и еще двое сотрудников полиции из следственно-оперативной группы. Когда Данилин увидел сотрудников полиции, он попытался сбежать, но они начали стрелять в воздух и угрожали застрелить его. Затем они посадили Данилина в автомобиль и увезли в Новолакское отделение полиции. Позже Данилина перевели из Новолакского отделения полиции в Хасавюртовский центр по борьбе с терроризмом.

26 марта 2012 года первая заявительница подала в полицию и Управление Федеральной службы безопасности по Республике Дагестан жалобу на похищение Данилина сотрудниками полиции.

По результатам предварительного следствия 12 апреля 2012 года Хасавюртовское управление Следственного комитета возбудило уголовное дело по статье 105 УК РФ.

В период с апреля 2013 года по март 2014 года расследование приостанавливалось еще несколько раз, и каждый раз оно возобновлялось после критики со стороны руководства следователей, которое заявляло, что приостановка была преждевременной и незаконной. 20 апреля 2014 года расследование было приостановлено в последний раз; представленные документы свидетельствуют о том, что приказы начальства не были выполнены.

Из представленных документов следует, что расследование все еще не завершено, местонахождение Данилина и виновные в его похищении не установлены.

Заявительницы жаловались на то, что их родственник Тимур Данилин был похищен и убит представителями государства, и что власти не провели эффективное расследование по данному факту.

Суд отмечает, что Власти не отрицали тот факт, что родственник заявителей был задержан сотрудниками полиции, а затем доставлен в Новолакское отделение полиции и Хасавюртовский центр по борьбе с терроризмом. В деле нет никаких

к оглавлению

доказательств того, что впоследствии он был освобожден или его видели в другом месте. При таких обстоятельствах Суд убежден в том, что заявительницы представили достаточные доказательства того, что их родственник был взят под стражу полицией, а затем пропал без вести.

Сделав выводы из того факта, что Власти не представили правдоподобного объяснения относительно того, что случилось с Данилиным после того, как он был задержан полицией, Суд считает, что было вне разумных сомнений доказано, что он был похищен сотрудниками полиции при обстоятельствах, описанных заявительницами.

Суд считает, что ситуация, когда лицо задерживается представителями государства, а затем пропадает без вести на многие годы, может рассматриваться как опасная для жизни. ***Суд установил презумпцию смерти при отсутствии каких-либо достоверных известий от исчезнувших лицах в течение периодов, начинающихся от четырех лет*** (см. постановление Суда от 18 апреля 2013 года по делу «Асхабова против России», жалоба № 54765/09, пункт 137). Отсутствие информации о судьбе Данилина в течение более восьми лет после его задержания сотрудниками полиции подтверждает это предположение.

Соответственно, Суд полагает, что имеющиеся доказательства позволяют ему установить в соответствии с требуемым стандартом доказывания, что Данилин должен быть признан умершим после его непризнанного задержания представителями государства.

При этом, в отсутствие каких-либо оправданий со стороны Властей, Суд считает, что ***ответственность за смерть Данилина может быть возложена на государство***.

Заявительницы утверждали, что тот факт, что сотрудники полиции произвели выстрелы в воздух, угрожая Данилину, чтобы обеспечить его задержание, свидетельствует о том, что впоследствии он, должно быть, подвергся жестокому обращению с их стороны, и что власти не провели расследование по этому вопросу.

Европейский Суд напоминает, что ***утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами***. При оценке таких доказательств ***Суд применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений», но добавляет, что такие доказательства могут проистекать из сосуществования достаточно веских, точных и согласованных умозаключений или сходных неопровержимых фактических презумпций*** (см. постановление Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», Серия А № 25, пункт 161).

Суд установил, что Данилин должен считаться умершим после его непризнанного задержания и что ответственность за его смерть лежит на государственных органах власти. Однако, в отсутствие соответствующей информации или доказательств Суд не может с достаточной точностью установить, как именно он умер и подвергался ли он жестокому обращению во время нахождения под стражей (см., например, постановление Суда от 14 марта

к оглавлению

2013 года по делу «Алпату Исраилова против России», жалоба № 15438/05, пункт 66).

На этом фоне Суд не усматривает нарушения статьи 3 Конвенции в связи с предполагаемым жестоким обращением с Данилиным и непроведением расследования государственными органами.

Европейский Суд единогласно постановил, что в данном деле власти Российской Федерации нарушили требование статьи 2 Конвенции в материальном и процессуальном аспекте, статьи 3 Конвенции и статьи 5 Конвенции, и обязал государство-ответчика выплатить **80 000** евро заявительницам совместно в качестве компенсации морального вреда. Общая сумма выплат составила **102 000** евро.

Позиция МВД России по данным постановлениям ЕСПЧ

МВД России в пределах компетенции реализован комплекс мероприятий организационного и управленческого характера, направленных на предотвращение нарушений положений Конвенции, установленных Европейским Судом по 51 жалобе, в связи с несоблюдением прав граждан в период проведения контртеррористических операций на территории Чеченской Республики и иных субъектов Российской Федерации, расположенных на территории Северо-Кавказского федерального округа, и необеспечением эффективного расследования по соответствующим фактам.

Вопросы соблюдения законности в деятельности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации регулярно рассматриваются на совещаниях при руководстве подразделений центрального аппарата МВД России.

До личного состава территориальных органов МВД России доводится информация о возбужденных уголовных делах в отношении сотрудников органов внутренних дел по фактам необоснованного и незаконного применения насилия к гражданам, результатах их расследования и рассмотрения судом, обращается внимание на правовые последствия незаконных действий виновных должностных лиц.

Типовым положением о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2016 г. № 699, на руководителей (начальников) территориальных органов МВД России возложена персональная ответственность за совершение личным составом правонарушений и несоблюдение подчиненными морально-этических норм, предъявляемых к сотруднику полиции.

Ко всем сотрудникам, допустившим в своей деятельности нарушения законности, а также их руководителям, не обеспечившим надлежащую результативность воспитательной работы с подчиненным личным составом, применяются меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные статьей 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах

к оглавлению

внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», вплоть до увольнения со службы в органах внутренних дел.

В целях предупреждения неправомерных действий сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в территориальные органы МВД России направлено указание Министерства от 1 октября 2019 г. № 1/11024 «О мерах реагирования на нарушения в действиях сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, выявляемые Европейским Судом по правам человека».

Кроме того, в 2020 году Министерством осуществлялись мероприятия по совершенствованию практической деятельности органов внутренних дел, направленных на недопущение нарушений, установленных в постановлениях ЕСПЧ, с учетом особенностей деятельности МВД России:

организовано изучение сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации постановлений ЕСПЧ с целью недопущения впредь выявленных нарушений (копии постановлений ЕСПЧ направлены в территориальные органы МВД России, а также размещены

в автоматизированной информационно-поисковой системе «Судебная практика» специализированной территориально распределенной автоматизированной системы «Юрист»);

в территориальные органы МВД России направлен для использования в практической деятельности актуализированный сборник постановлений и решений ЕСПЧ по отдельным направлениям деятельности органов внутренних дел Российской Федерации.

С целью недопущения впредь выявленных ЕСПЧ нарушений положений Конвенции руководством территориальных органов МВД России приняты следующие меры:

дополнительно изучены требования законодательства Российской Федерации в части применения физической силы и специальных средств при задержании и доставлении в органы внутренних дел лиц, совершивших преступления и административные правонарушения. Обращено внимание на необходимость надлежащего документального оформления фактов применения физической силы и специальных средств в соответствии с требованиями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»;

руководители и личный состав территориальных органов МВД России предупреждены о:

недопущении нарушений Конвенции;

необходимости строгого соблюдения законности, прав и свобод граждан;

строгом соблюдении процедуры задержания, доставления в органы внутренних дел граждан за преступления и административные правонарушения, а также при документировании совершенного деяния;

недопустимости получения доказательств виновности лиц

к оглавлению

в совершении преступлений и административных правонарушений недозволенными методами дознания с применением физической силы и специальных средств.

Дополнительно сотрудникам органов внутренних дел указано на необходимость обеспечения:

неукоснительного соблюдения Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, а также уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства Российской Федерации;

соблюдения требований Федерального закона «О полиции» и Наставления о порядке исполнения и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан, утвержденного приказом МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (зарегистрирован в Минюсте России 26 июня 2012 г., регистрационный № 24696), в части задержания граждан, доставления в органы внутренних дел и документального оформления совершенного деяния;

контроля за поведением лиц, доставляемых в служебные кабинеты сотрудников органов внутренних дел, с целью исключения чрезвычайных происшествий и жестокого обращения с ними;

незамедлительного доставления к следователю (дознавателю) лица, подозреваемого в совершении преступления, для проведения следственных действий;

исключения фактов доставления граждан в служебные помещения органов внутренних дел без документального подтверждения проводимых действий.

Кроме того, одним из приоритетных направлений в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации является розыск лиц, пропавших без вести, в том числе детей.

В целях обеспечения законности при рассмотрении заявлений о безвестном исчезновении граждан, в том числе несовершеннолетних, а также полноты мер, принимаемых при проведении оперативно-розыскных мероприятий по розыску лиц данной категории, органы внутренних дел руководствуются требованиями приказа МВД России, Минюста России, Минздрава России, МЧС России, Минобороны России, Следственного комитета Российской Федерации от 1 марта 2018 г. № 117дсп/40дсп/88н/82дсп/114дсп/17дсп (зарегистрирован в Минюсте России 3 апреля 2018 г., регистрационный № 50595), утвердившего Положение об организации и осуществлении розыска и идентификации лиц , в котором также нашли своё отражение корреспондирующие предписания Инструкции о порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением лиц, утвержденной приказом МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Следственного комитета Российской Федерации от 16 января 2015 г. № 38/14/5 (зарегистрирован в Минюсте России 20 марта 2015 г., регистрационный № 36499).

к оглавлению

МВД России проводится целенаправленная работа совместно с другими заинтересованными органами исполнительной власти по совершенствованию законодательства в сфере розыска без вести пропавших. Результатом стало принятие Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 311-ФЗ «О внесении изменений в статью 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», вводящего в статью 8 новую часть, в которой установлено, что в случае получения сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем и при наличии письменного согласия одного из родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путём снятия информации с технических каналов связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов.

С руководителями территориальных органов МВД России на региональном уровне, курирующими подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, ежемесячно в формате видеоконференции проводятся совещания руководителями подразделений центрального аппарата МВД России, на которых рассматриваются вопросы соблюдения порядка учёта, регистрации, рассмотрения сообщений о безвестном исчезновении граждан, полноты мер, принимаемых по установлению их местонахождения. Постоянно указывается на обязательное направление таких материалов в следственные органы Следственного комитета Российской Федерации для принятия процессуального решения в соответствии с требованиями Положения и Инструкции, в том числе по делам прошлых лет.

С целью усиления межведомственного взаимодействия и координации деятельности по поиску без вести пропавших лиц в 2018 году МВД России, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации проведено межведомственное совещание «О результатах деятельности правоохранительных органов по рассмотрению сообщений, связанных с безвестным исчезновением граждан», по итогам которого принят ряд мер по повышению эффективности розыска без вести пропавших лиц.

Кроме того, при осуществлении розыска органы внутренних дел Российской Федерации получают и проверяют информацию, способствующую установлению местонахождения пропавшего, в том числе из компетентных государственных органов, архивов.

Принятые меры способствовали снижению остатка неразысканных лиц.

Так, по данным федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» за 2020 год на территории Российской Федерации всего разыскано и установлено 59 806 граждан, находящихся в розыске (из них 12 763 – без вести пропавших). Осуществлялись мероприятия по идентификации 15 051 неопознанного трупа, из которых по 2 580 личность установлена.

к оглавлению

Во взаимодействии с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МЧС России, а также Минюстом России в рамках исполнения поручений Президента Российской Федерации от 21 января 2020 года № Пр-81, от 1 сентября 2020 г. № Пр-1395 прорабатывался комплекс организационных и практических мероприятий по повышению результативности розыскной и идентификационной работы.

Значительное внимание уделяется розыску без вести пропавших, особенно детей. Не последнее место в данном направлении деятельности занимает сотрудничество с добровольными гражданскими помощниками, специализирующимися на розыске пропавших граждан.

В связи с этим регулярно осуществляется мониторинг сведений о волонтерских организациях, их составе и результатах работы. В 2020 году и январе-мае 2021 года при взаимодействии с волонтерскими (добровольческими) организациями установлено местонахождение 18 641 без вести пропавшего, из них 5 274 несовершеннолетних.

В настоящее время добровольческие поисковые отряды сформированы в 78 субъектах Российской Федерации. В их состав входит около 15 тысяч волонтеров. Ведущими волонтерскими организациями являются «Поиск пропавших детей» и «Лиза Алерт», их филиалы функционируют в большинстве регионов Российской Федерации.

В 2020 году принято участие в разработке проекта федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам государственной геномной регистрации», предусматривающего расширение перечня лиц, подлежащих обязательной геномной регистрации. Указанный законопроект (№ 1048800-7) 23 декабря 2020 года принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении.

В ГИАЦ МВД России осуществляется формирование и ведение информационного банка данных «ФР-Оповещение», в котором осуществляется учёт всех без вести пропавших, имеется информация о времени и месте исчезновения. К данным базам имеют доступ сотрудники органов внутренних дел.

Отдельной статистики по лицам, пропавшим без вести в результате контртеррористической операции на Северном Кавказе в 1999-2006 годах, не ведется.

Федеральная база данных геномной информации (далее – ФБДГИ) содержит геномную информацию о лицах, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также всех категорий преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности; неустановленных лицах, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; неопознанных трупах.

По состоянию на май 2021 года в ФБДГИ содержатся сведения по 24 710 неопознанным трупам. Из них по Чеченской Республике – по 48 трупам,

к оглавлению

Республике Ингушетия – 12, Республике Дагестан – 37, Кабардино-Балкарской Республике – 35, Карачаево-Черкесской Республике – 56, Республике Северная Осетия-Алания – 13, Республике Адыгея – 27 и Ставропольскому краю – 246.

Таким образом, в ФБДГИ содержится информация по 474 трупам, обнаруженным на территории Северо-Кавказского федерального округа, что составляет 1,9 % от общего количества неопознанных трупов.

В период с 1 января 2018 года по май 2021 года сотрудниками федерального государственного казенного учреждения «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации» по ФБДГИ проверено 44 генетических профиля родственников лиц, пропавших без вести на территории Чеченской Республики, и 140 генетических профилей костных останков, эксгумированных на территории Чеченской Республики. Использование возможностей ФБДГИ не дало положительных результатов. При проверке данных генетических профилей совпадений не установлено.

к оглавлению